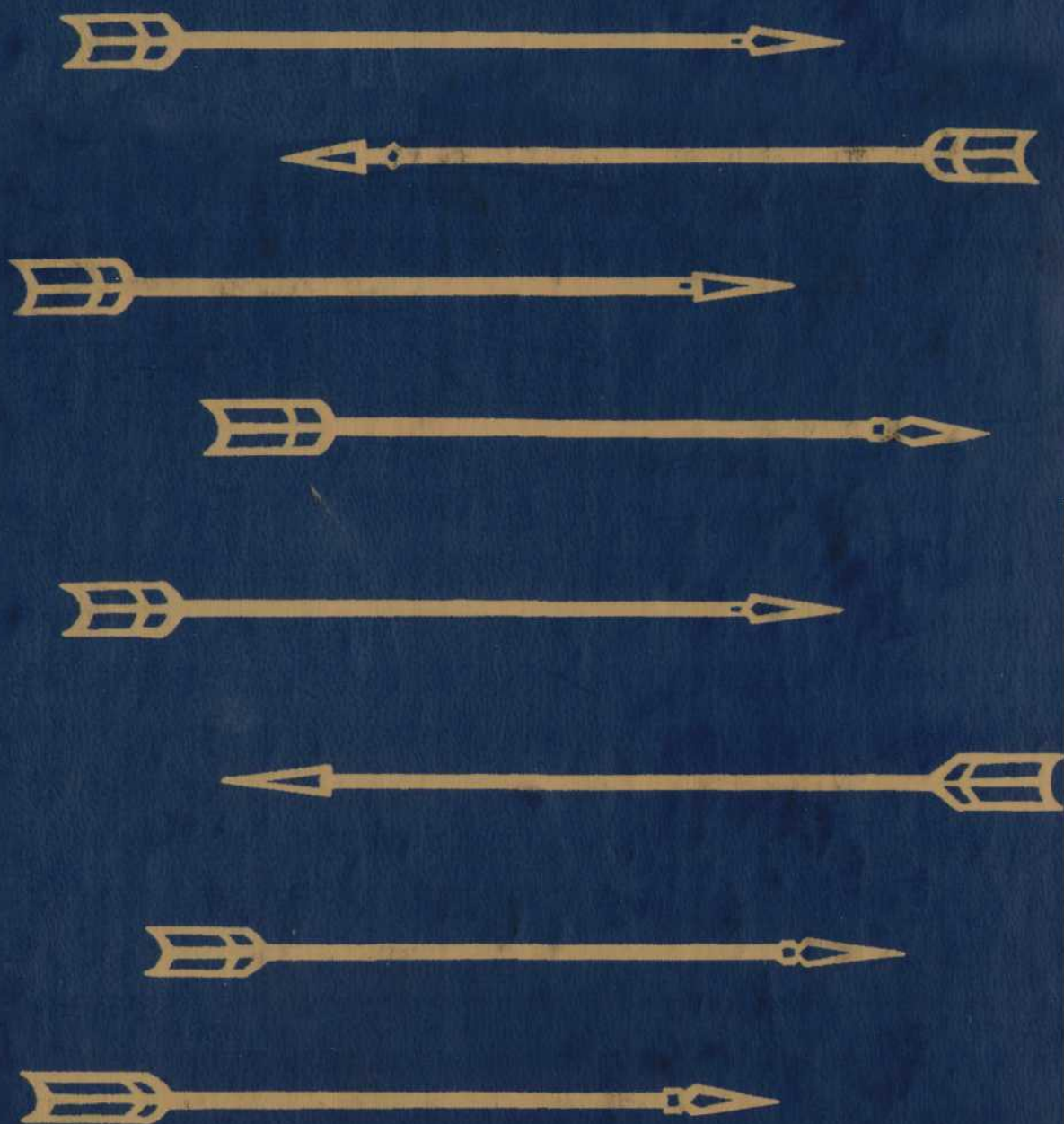

ГЭСЭР

УЛАН-УДЭ
БУРЯТСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

ГЭСЭР

**БУРЯТСКИЙ
НАРОДНЫЙ
ГЕРОИЧЕСКИЙ
ЭПОС**

Том II

Перевод
Владимира
Солоухина

Иллюстрации
Александры
Сахаровской

1025510

Сводный текст
на бурятском языке
Намжила Балдано

Подстрочный перевод
доктора
филологических
наук
Алексея Уланова

Рецензент
доктор филологических наук
Василий Найдаков

Научный редактор
кандидат филологических наук
Сергей Чагдуров

Оформление
Елены Зонхоевой

ЗАПЕВ

Сундуки заветные откроем,
Тридцать стрел каленых достанем,
Тридцать баторов и все достойны,
О достойнейшем петь мы станем.

Сундуки потайные откроем,
Двадцать стрел оперенных достанем,
Двадцать стрел мы людям покажем.
Двадцать баторов и все достойны,
Будем петь о самом отважном.

Древнее,
        дажнее,
                тьмой сокрытое
Приглашаем сегодня в гости.
Прошлое,
        дальнее,
                позабывтое
Напоказ рассыпаем горстью.

Пока не погаснут звезды на юге,
Почему бы нам сказания не послушать?
Пока друзья все сидят по кругу,
Почему бы песнопения нам не слушать?

ВЕТВЬ ШЕСТАЯ

О ТОМ, КАК ГЭСЭР ОДОЛЕЛ ШЭРЭМ МИНААТА ХАНА

*Д*евять ветвей у священного дерева,
На каждой ветви свеча горит,
Девять сказаний древних,
Каждое о доблести говорит.
В выдру, что ценнее всех зверей,
Почему не пустить стрелу?
Великому роду богатырей
Почему не воздать хвалу?

А-э-э-э!

А-э-э-э!

А-а-у-у-дон!

Когда
Хан Хурмас, божественный властелин
Пятидесяти пяти небесных долин,
Атай Улаана, божественного властелина
Сорока четырех небесных долин,
В ожесточенной схватке победил,
Когда
Победитель Хан Хурмас
Побежденного Атай Улаана
На семь частей разрубил
И все части вниз на землю низверг,
Чтоб воссоединиться они не смогли,
То все части в тайге, у истоков рек,
У подножья гор валялись в пыли.
Потом,
Когда срок миновал,
Когда время направило
Жизнь на крутой перелом,
Одна из частей превратилась в дьявола —
В дьявола с чугунным кнутом.

Так рассказывает поверье:
Соединились мертвые части
По эту сторону смерти,
Но по ту сторону счастья.
Злой дух, происшедший из мертвечины,
Не сразу обрел свою личину.
Долго он в неизвестности жил,
Неподвижно лежал, силы копил.
А когда окреп, а когда возмужал,
Кости расправил, на ноги встал.
Руки у него оказались страшные,
Глаза у него оказались красные,
Рот у него оказался в три сажени,
Единственный клык, вкривь посаженный.
Пасть у него оказалась — просторная,
Лицо у него оказалось — черное,
Жилы у него оказались крепкие,
Когти у него оказались цепкие,
Свое зло на людей направил
Шэрэм Минаата¹ дьявол.

А люди на земле между тем
В это время благоденствовали,
Бесчисленные племена, довольные всем,
В это время блаженствовали.
Друг в друге все принимали участие,
Размножались все и были счастливы.
Земля плодородная лóснилась,
Зеленела весной, желтела осенью.
Высокая гора Сумбэр облаков касалась,
Вечное море Манзан волной плескалось.
Из мальчишек вырастали мужчины,
Из девчонок вырастали красавицы.
У мужчин у всех — могучие спины,
Все красавицы — улыбаются.
Все красавицы — чернооки,
Аргамаки все — быстроноги,
А охотники все — обучены,
А народы все — благополучны.

Это все черту-дьяволу не понравилось,
Это все его разозлило.
Пасть с единым клыком раззявил он,
Распрямился, пробуя силы.
Глаза свои круглые, красные,
Повернул вокруг устрашающе.
Руки свои когтистые, страшные,
Поднял вверх угрожающе.
В единый,
Криво посаженный клык

¹ Шэрэм Минаата — буквально: дьявол с чугунным кнутом

Весь яд собрал.
Шэрэм Минаата дьявол
Черный кнут
В правую руку взял.
Хлестнул налево,
Хлестнул направо —
Скалы и деревья
Посыпались прахом.
Всех живущих
На земле золотой,
Всех жующих
Свой хлеб простой,
Всех пасущих
Коров стада,
Всех снующих туда-сюда,
Всех поющих
Над колыбелями,
Всех смеющихся,
С зубами белыми,
Он решил искоренить, извести до конца,
Он решил отомстить за позор отца.
Закипела в нем злоба черная,
Как вода в котле,
Через край, на поля просторные
Разливается по земле.
Он чугунным кнутом
Высоко взметнул,
Он своим хлыстом
Широко взмахнул,
Язык мокрый, язык длинный
То на грудь себе выпускает, то на спину,
Расхлестать он примеривается
Всю землю на части,
По ту сторону смерти,
По эту сторону счастья.
Сопит — буран изо рта выпускает,
Храпит — ураган на людей напускает,
Из широкого рта
Извергает он дымное пламя,
Из широких ноздрей
Выдувает он черный ветер.
Навис он над мирными племенами,
Еще утро, а уж кажется — вечер.
По небу серый туман расплывается,
По земле желтый туман расстилается.
Зеленые травы начали сохнуть,
Быки и лошади начали дохнуть.
Народившихся мальчиков
В колыбельках душит,
Народившихся девочек
В малолетстве сушит,
Лошадей и людей,
Что были свободными,

Час от часу лютея,
Он глотает сотнями.
А с неба в то время
Ни дождейки не капало,
Все живое под небом
Захирело, ослабло.
Что ни день,
До ста людей умирает,
Что ни ночь,
До ста лошадей не хватает.
Богатая жизнь стала бедной,
Жирная жизнь стала скудной,
За что ни хватятся люди — вредно.
За что ни возьмутся люди — трудно.
Болезни людей и стада косят,
Люди плачут и голосят.

В эти бедствия наигравшись,
Понатешившись злобной местью,
Растянулся Анахай¹ на травке,
Всем доволен, радостен, весел.

Расстелив сыromятный потник,
Он лежит и думает: ладно,
Отомстил я им славно сегодня,
Отомщу и завтра им славно,
Хохоча до колик в печени,
Издевается, восклицает,
Хан Хурмас людей подопечных
Почему же не оберегает,
И Абая Гэсэра не видно,
Не спешит он на помощь людям,
Не такое еще я выдам.
Еще то ли, посмотрим, будет!
Не оставлю ни человека,
Кто бы мог огонь развести,
Не останется ни калеки,
Кто бы мог скотину пасти.
Не оставлю ни животинки,
Что могла бы траву щипать,
Не оставлю и ни травинки,
Что могла бы произрастать.
Превращу все цветущее в небыль,
Все живое пылью пушу,
Проклинаю и землю и небо,
За позор отца отомщу.
И довольный собой, и усталый
Так лежит он на ветерке.
Однозубая пасть оскалена,
Кнут чугунный в правой руке.

¹Анахай — злой дух.

В это время,
Вдалеке от проклятых мест,
Где все это с дьяволом происходило,
Выпустил Гэсэр
На ладонь двенадцать волшебств,
Выпустил Гэсэр
Двадцать две колдовские силы.
И все происшедшее в тот же миг,
Даже из дворца наружу не выйдя,
Особенным знанием Гэсэр постиг,
Особенным зрением Гэсэр увидел.

Своих баторов он всех собрал
И слово такое он им сказал:

— По эту сторону смерти,
По другую сторону счастья,
Объявились черные черти,
На мирных людей — напасти.
Самый главный дьявол Шэрэм Минаата
В этих бедствиях виноватый.
Руки у него мохнатые, страшные,
Глаза у него округлые, красные,
Рот у него шириной в четыре сажени,
Единственный клык во рту вкривь посаженный.
Пасть у него — просторная,
Лицо у него черное,
Жилы у него — крепкие,
Когти у него — цепкие.
Кнут у него чугунный для драки,
Язык вываливается, как у собаки.
Объявляет он нам войну,
Уничтожить он нас грозит.
Оставлять родную страну
Беззащитной нам не годится.
Над людьми там черт издевается,
А над нами он насмехается,
Он хохочет до колик в печени,
Безнаказанно восклицает:
«Хан Хурмас людей подопечных
Почему же не защищает?
И Абая Гэсэра не видно,
Не спешит он на помощь людям».
Нынче бездействовать стыдно,
С Анахаем-дьяволом биться будем.

Абай Гэсэр, говоря такое,
На возвышении восседает,
Имеющей власть красивой рукою
Праматери книгу листает.
Листает он ее при свете луны,
Все буковки в книге ему видны.
Абай Гэсэр, говоря такое,

На возвышении восседает,
Имеющей силу белой рукою
Праотца книгу листает.
Листает он ее при солнечном свете,
Каждая буква на примете.

Листает он ее, перелистывает,
Читает, что там написано.
А написано там черным по белому,
Сколько пальцем бы ни водил,
Что сражаться со страшным демоном
Должен Гэсэр один на один.
Одному одержать победу
Иль побитому быть — одному.
Так старинная книга поведала,
Так велела книга ему.
Или смерть, или победа
Одному Гэсэру достанутся,
А баторы его при этом
В стороне от битвы останутся.
Не помогут они, не спасут,
Вот каков был тот книжный суд.
После этого, в свете дня
Стал Гэсэр готовить коня.
Стал готовить он постепенно
Боевого коня Бэлыгэна,
Имеющего несколько копыта,
Имеющего упругую спину,
Имеющего тело в тридцать сажень,
Имеющего уши в три четверти,
Имеющего тридцать белых зубов,
Имеющего гриву в десять вожов,
В южных добрых просторах пасущегося,
Родниковую чистую воду пьющего,
Нежные кончики трав жующего,
На привольной воде живущего,
Ветерки степные вдыхающего,
Сил для подвигов набирающего,
От хозяина ласки ждущего.
По крупной гальке Гэсэр Бэлыгэна водит,
Чтобы черные копыта его крепкими были,
По черному льду Бэлыгэна водит,
Чтобы крупные копыта его никогда не скользили.
По горным местам его водит,
Соколиный вид ему придает,
По дальним местам его водит,
Ястребиный вид придает,
Горстью трав волшебных его накормил,
Из чашки черной водой его напоил.

После этого
Мягкий шелковый потник на Бэлыгэна набрасывает,
После этого

Вогнуто-серебряным седлом Бэлыгэна сегдает,
Чтобы во время подъяема седло не скользило,
Сплошным серебряным подгрудником грудь перетягивает,
Чтобы во время спуска седло не сползало,
Лытым серебряным надхвостником круп обтягивает.
Подпругой с десятью ремешками
Бэлыгэна перетянул,
Подпругой с двадцатью язычками
Бэлыгэна перехлестнул,
Кнут из красного дерева
Под подушку седла заткнул,
Красный повод
Через луку седла перекинул,
Приготовленного коня
Хозяйским глазом окинул.
Пока готовил коня,
Настало утро светлого дня.
Мнется конь, серебром рябя,
Осталось Гэсэру подготовить себя.

Перед зеркалом с дверь величиной
Неторопливо Гэсэр одевается,
Перед зеркалом с потник величиной
Обстоятельно Гэсэр обувается.

Сшитые из семидесяти лосиных кож
Замшево-черные штаны
Он натягивает,
Целиком сшитые из тюленьих кож
Облегающие унты
Ступнями растягивает,
Ярко-шелковую накидку-дэгэл
На плечи накидывает.
Семьдесят медных пуговиц и крючков
Силой пальцев застегивает,
Серебряно-золотистый витой кушак
Вокруг себя опоясывает.
Перед зеркалом с дверь величиной
Оборачиваясь, одевается,
Пылинки со складок штанов выбивает,
Перед зеркалом с потник величиной
Поворачиваясь, обувается,
Соринки со сгибов унтов выбирает.
Потом с головы до ног огляделся,
Хорошо ли обулся-оделся.

После этого
Под семидесятидневным дождем не промокшие,
В семидесяти битвах не пробитые
Угольно-черные доспехи
На спине у себя закрепляет,
Блестяще-железные доспехи
На плечи свои надевает,

Похожую на копну травы,
С кисточкой, как пучок травы,
Соболиную шапку на себя надевает.
После этого
На восемьдесят сажен удлиняющийся,
На восемьдесят сажен сокращающийся,
У которого заговоренное острие,
На котором таинственные письмена,
О твердые кости не тупящийся,
От горячей крови не размягчающийся,
В бою не ломающийся,
Державно-булатный меч
На правый бок прицепляет.

После этого
Узорно-серебряным колчаном,
Величиной с узкую долину,
Крашено-серебряным налучником,
Величиной с широкую долину,
Он себя оснащает.
После этого
Девяносто пять стрел
За плечами веером укрепил.

В холод от них теплее будет,
В жару от них тенистее будет.

Оделся Абай Гэсэр так,
Что ни режущее, ни колющее ему не страшно.
Снарядился Абай Гэсэр так,
Что сверкает, как солнце красное.
Словно солнце сверкает,
Как гора стоит,
Как гора стоит,
Как ель шелестит.
После этого,
Чтобы голода не чувствовать десять лет,
Рот себе паучьим жиром намазал.
После этого,
Чтобы голода не чувствовать двадцать лет,
Губы себе червячьим жиром намазал.

После этого
Сандаловую палочку четырех волшебств,
Четыре моря застегивающую,
После этого
Красный священный Зада-камень,
Тысячу узлов развязывающий,
После этого
Белую сеть-ловушку,
Семьдесят живых существ останавливающую,
С собой взял.
После этого

Величественным движением
Открывая перламутровую дверь,
Наружу он выходит теперь.
Неторопливыми движениями,
Не уронив ни пылинки с ног,
Перешагивает мраморный порог.
В глазах улыбка, спокойно лицо,
Выходит он из дворца на крыльцо.
Крыльцо это так построено,
Что не слышно его под пятками,
Крыльцо это так просторно,
Что бегать бы там кобылицам с жеребятками.
Медленным движением, без суеты,
По ступенькам серебряным, с высоты,
Ни разу на лестнице не оступясь,
Идет он туда,
Где резная, серебряная коновязь.
Красный шелковый повод
Он от коновязи отвязал,
Конец этого повода
Он в правую руку взял.
Ногу в чисто-серебряное стремя он вдел,
В якутско-серебряное седло он прочно сел.
После этого
У повода правую сторону натянув,
А левую сторону ослабляя,
Морду коня в нужную сторону повернув,
Он его по солнышку скакать заставляет.
После этого
Там, где стояла резная серебряная коновязь,
Только облаком красная пыль взвилась,
Да за дальней горой
Что-то молнией просверкнуло,
Да над дальним хребтом
Шапка с кисточкой промелькнула.

Тихо-тихо едет Гэсэр,
Комья из-под копыт
Величиной с миску летят.
Быстро-быстро едет Гэсэр,
Комья из-под копыт
Величиной с котел летят.
Над вершинами деревьев
Он как белка мелькает,
Над вершинами гор
Он как сокол взлетает,
По-над гребнями гор
Серым ястребом мчится,
А где степь да простор,
Он и вовсе — как птица.
Словно пущенная стрела,
Он звенит-свистит,
Словно брошенный камень,

Шуршит-шумит.
Повод натянет —
Сто видимостей минуло,
Кнутом взмахнет —
Тысяча видимостей промелькнуло.

А достигнув места ночлега,
У подножия, под горой,
С разворота, с коня, с разбега
Настигает лося стрелой.
Красно-серый костер разводит,
Лося добытого свежует,
К водопою коня отводит,
Расстилая потник, ночует.
Конь чистойшую воду пьет,
Гэсэр свежайшее мясо ест,
Между тем как ночь настает,
Затишает земля окрест.
Утром встав, Гэсэр умывается,
Принимает достойный вид,
Снова день ему улыбается,
Краски утренние дарит.
Утром лося Гэсэр доедает,
Утром снова коня седлает.
И усевшись в седло потом,
Погоняет коня кнутом.
Если горы стоят высокие,
Через горы он перескакивает,
Если море лежит широкое,
Через море он перескакивает.
Время зимнее настает,
Шапку лисью он достает,
По снегам под сорочий стрекот
Раздается Бэлыгэна цокот.
Время летнее наступает,
Легкую накидку Гэсэр надевает.
Летний дэгэл на груди расстегнут,
Над долиной гусиный клекот.
Распускают трели свои
Голосистые соловьи.

Скачет Гэсэр зимой и летом,
То в меха, то в шелка одетый.

Как ни длинна река,
Но до моря все равно добирается.
Как дорога ни далека,
Но цель все равно приближается.

То по траве, то степью व्यюжной,
Доскакал Гэсэр куда нужно.
В это время
По ту сторону смерти,

В это время
По эту сторону счастья,
Забеспокоились, забежали черти
Мохнатые, злобные и клыкастые.
И самый главный их дьявол-бестия,
Принесший людям неисчислимые бедствия,
У которого руки страшные,
А глаза округлые, красные,
У которого рот в три сажени,
Клык единственный, вкривь посаженный,
У которого пасть просторная,
А лицо, словно уголь черное,
У которого жилы крепкие,
У которого когти цепкие,
У которого
Кнут чугунный в руке для драки,
У которого
Язык вываливается, как у собаки,
Этот дьявол
О приближении Гэсэра догадался,
Этот дьявол
Встречать Гэсэра собрался.

В правой руке с чугунным кнутом,
С вытаращенными глазами, с раскрытым ртом,
С языком, облизывающим то грудь, то спину,
Вышел он из убежища на равнину.
Надвигающуюся битву, говорит, встречу,
Уходящую битву, говорит, провожу.
Что это там за богатырь широкоплечий,
Дай-ка я поближе на него погляжу.
Увидел Гэсэр дьявола чернорожего,
Дорога ему загорожена.

Достал он всех опережающую,
Достал он наверняка поражающую,
Черную хангайскую стрелу,
Натянул свой желтый хангайский лук,
Стрелу каленую, заостренную,
Стрелу волшебю заговоренную,
Выпустил Гэсэр из белых рук.

Стрела, все стрелы опережающая,
Все цели наверняка поражающая,
До дьявола, черного, словно ночь,
Трепеща оперением долетела,
Но тело дьявола не задела.
Скользнула по дьяволу, как по железному,
И ненужная, бесполезная,
Отскочила от дьявола прочь.
Тогда
Черный дьявол рассвирепел,
По-змеиному зашипел.

Кругами глаз своих красных
Заворочал во все стороны страшно,
Из единственного зуба-клыка
Во все стороны брызгается отравой,
Ремнище красного языка
Перекинул через плечо, через правое.
Через спину язык перевесил,
Достает языком до седла.
Наперед язык перебрасывает,
Достает языком до колена.
С языка его длинного, красного
Падает пена.
Хрипит он, шипит и свищет,
Ногами топает, а потом
Размахивает своим кнутищем,
Чугунным взмахивает кнутом
И, растянув в злорадстве рот,
По Гэсэру с Бэльтгэном бьет.

От удара кнутом чугунным
Гул пошел по степям подлунным,
Над землей за клубилась пыль,
Небо скрыла густая мгла,
Гэсэр, хоть и крепким был,
Едва не вылетел из седла.

Повернулся он ветру встреч,
Обнажил он булатный меч,
На восемьдесят сажен удлиняющийся,
На восемьдесят сажен сокращающийся,
О твердые кости не притупляющийся,
В горячей крови не размягчающийся,
Сверкнув, как молнией, острием меча,
Размахнулся Гэсэр, рубанул плеча.
Но несгибающийся меч согнулся,
Незазубривающийся меч зазубрился,
Нетупящийся меч затупился,
Неразмягчающийся меч размягчился.
Получился удар бесполезным,
Скользнул по дьяволу, словно по железу,—
Этот дьявол заговоренный был.

Пуще прежнего дьявол рассвирепел,
Громче прежнего по-змеиному зашипел.
Кругами глаз своих красных
Заворочал во все стороны страшно.
Хрипит он, шипит и свищет,
Ногами топает, а потом
Размахивает своим кнутищем,
Чугунным взмахивает кнутом.
И растянув свирепый рот,
По Гэсэру с Бэльтгэном бьет.
Над землей за клубилась пыль,

Небо скрыла густая мгла,
Гэсэр, хоть и крепким был,
Едва не вылетел из седла.

Очень сильно такое дело
Рассердило Абай Гэсэра.
Надул он щеки,
Принял устрашающий вид,
Брови его, как щетки.
Дьяволу он говорит:
— Не такие шен воловыи
Я набок сворачивал.
Изо рта не таких зубов я
По дюжине выколачивал.

Глаза у Гэсэра дышат пламенем,
А сердце свое он сделал каменным.
Полон решимости и огня,
Слезает Гэсэр с гнедого коня.
Широченные полы халата
За кушак Гэсэр затыкает.
Два красивых рукава у халата
По локоть закатывает.
С ноги на ногу переступает,
За предплечье дьявола хватает.
Схватил он дьявола крепко,
Держит он его цепко.

Но дьявол в ответ усмехается,
Над Гэсэром он издевается:
— Волосенки твои жидковаты,
А ручонки твои слабоваты.
Ни суставы твои, ни жилы
Не имеют крепости-силы...
Так смеется он, издевается,
Из Гэсэровых рук вырывается.
И железным кнутом зловещим
В третий раз он Гэсэра хлещет.

Абай Гэсэр у дьявола спрашивает,
Приготовившись к схватке снова:
— Не страшней же ты, дьявол, страшного,
Не живее же ты живого?
И хоть шея твоя ужасна,
И ее покрывает шерсть,
Все же шея твоя — из мяса,
И хрящей там всего лишь — шесть.
Вот я мышцы свои усилю
Да пошире ноги расставлю,
Напрягу свои сухожилья,
Покрутиться тебя заставлю.
Ухвачу тебя за предплечья,
Ухвачу тебя за запястья,

Растопчу тебя, искалечу,
Растерзаю тебя на части.

Вот сошлись они и схватились,
Затоптались и закружились.
Упираясь друг в друга лбами,
Роят землю они ногами.
Жилы шейные надуваются,
Спины мощные напрягаются.
Надвигаются они, как зубры,
Изгибаются, как изюбры,
Как ястребы они вьются,
Как соколы они бьются.
Пригибаясь, они схватываются,
Схватившись, на месте кружатся,
Пригибаясь, они приглядываются,
Кружась, они поднатуживаются.
Высокое, просторное небо
Начало содрогаться,
Низкая, просторная земля
Начала сотрясаться.
Вселенная начала раскачиваться,
Скалы начали разваливаться,
Гора Сумбэр-уула дребезжит и трясется,
Черная галька по ветру несется,
По небу черный туман расстилается,
По земле желтая мгла расплывается.
Все близко стоящее расплывчатым стало,
Все далеко отстоящее невидимым стало,
Все близко стоящее пожелтело,
Все далеко стоящее потемнело.

Ногами борющиеся топчут половину земли,
Воздуху они полнеба вдохнули,
До предела жилы они напрягли,
Сухожилия они до крайности натянули.
Там, где они упираются,
Возникают ямы глубокие.
Там, где они напрягаются,
Возникают овраги широкие.
Друг у друга они
Мясо со спины выдирают,
Друг у друга они
Мясо с груди выгрызают.
Реки крови по земле текут,
Горы мяса вокруг растут.
Задевают борцы друг друга руками,
Словно камни стучат о камни.
Из-за равной силы они одинаково бьются,
Из-за равной удали они не сдаются.
В течение семи дней
Друг друга свалить стараются,
В течение восьми дней

Друг за друга руками хватаются.
От северной горы
Они ногой отталкиваются,
В южную гору они ногой упираются.
Три месяца бьются, отчаиваются,
А схватка все не кончается.
Сдаваться ни тот, ни другой не хотят,
Кости хрустят,
Клочья мяса летят.
Вороны с юга тут как тут,
Разбросанное мясо жадно клюют.
Сороки с севера прилетают,
Свежее мясо кусками глотают.
Хоть бы вечно, думают, борцы эти бились,
Мы бы вечно свежим мясом кормились.
Наклевавшись за ночь, птицы-вороны
Разлетаются на день в разные стороны.

Бьются борцы месяцы, бьются они и год,
А верх из них никто не берет.

Хангайская стрела от дьявола отлетает,
Булатный меч по нему скользит,
Повалить дьявола — сил не хватает.
Копье каленое дьявола не разит.
Дьявол Гэсэра чугунным кнутом стегает,
Но цели тоже не достигает.
Ни силой пальца, ни силой плеча,
Ни силой бича, ни силой меча
Не могут они одолеть друг друга.
Топчутся целый год по кругу.
Начали они слабеть, изнемогать,
Начали они тяжелее дышать.
Руки становятся ватными,
Ноги становятся вялыми,
Спины становятся слабыми,
Шеи становятся усталыми.

Побились они, побились,
Помучились они, помучились
И мирно договорились —
Дух перевести не лучше ли?
Ведь возможности все исчерпаны,
А толку не получается.
А тела у них все истерзаны...
Перерыв назначается.
Все издергано, все изорвано,
Разошлись они на две стороны.

Отошел Гэсэр от места схватки и отдыхает,
Отдыхая Гэсэр умом особенным соображает:
— Да, борьбу прервать заставил
Этот злой Шэрэм Минаата дьявол.
На сегодня все умение мое исчерпано,

Да и силы мои исчерпаны.
Мое тело в бою истерзано,
И доспехи мои истерзаны.
Пусть без славы пока, без победы
На сей раз я домой поеду.
Наберусь я там силы новой,
С черным дьяволом встречусь снова.
Призову я на помощь ратную
Силу родичей благодатную.
И тогда мы сможем постичь —
Что сильнее — меч или бич?
Мой Бэлыгэн, ты мой конь гнедой,
Отвези-ка меня домой.

Через горы,
Которые высокими называются,
Гэсэр на Бэлыгэне скачет.
Через море,
Которое широким называется,
Гэсэр на Бэлыгэне перелетает,
Ни дней, ни месяцев не считает.

Ближе к долине родной Моорэн,
Ближе к реке родной Хатан
Несет его конь гнедой Бэлыгэн,
Несет домой из далеких стран.
Длинна река,
Но до моря все-таки добирается,
Цель далека,
Но все-таки приближается.
Прискакал Гэсэр к себе домой,
Слезает Гэсэр с коня долой.
Ворота широкие открывает,
Коня привязывает к коновязи.
На крыльцо серебряное ступает,
Очистив ноги от пыли-грязи.

Красавица Алма Мэргэн
Его у входа встречает.
Жена Алма Мэргэн
Его радостно приветствует.
Золотой стол накрывает,
Расставляет на нем вкусную пищу,
Серебряный стол расстилает,
Расставляет на нем редкую пищу.
Напитки на стол она выставила,
Очищенно-светлые, выстоянные.
Угощает его прозрачной арзой,
Угощает его крепчайшей хорзой.
Гэсэра обслуживает
Она обстоятельно,
Слушает мужа
Она внимательно.

Отщипывая понемногу
Они едят,
Разговаривая потихоньку
Они сидят.
Рассказывает Гэсэр,
Как по эту сторону смерти,
Повествует Гэсэр,
Как по ту сторону счастья
С дьяволом, заросшим мохнатой шерстью,
Друг друга рвали они на части.
А кнут у дьявола черный, чугунный,
А сражаться с дьяволом — трудно:
Хангайская стрела от него отлетает,
Будатный меч по нему скользит.
Повалить дьявола — сил не хватает,
Копье каленое его не разит.
Руки наши сделались ватными,
Ноги наши сделались вялыми,
Спины наши сделались слабыми,
Сделались мы усталыми.
Побились мы с ним, побились,
Помучились мы, помучились
И мирно договорились —
Дух перевести не лучше ли?
Все издергано, все изорвано,
Разошлись мы с ним на две стороны.
Надо думать теперь, как нам дальше быть,
Как нам дьявола победить-убить.

Алма Мэргэн хатан разумной слыла,
Говорит она Гэсэру такие слова:
— Ведь по решению божественного совета
Спустился ты вниз, на землю эту.
От пятидесяти пяти небесных долин
С порученьем спустился ты,
От пяти древнейших, священных книг
С указаньем спустился ты,
С заданьем благополучие возвратить
Спустился ты,
С заданьем порядок восстановить
Спустился ты,
С мечтаньем всю нечисть истребить
Спустился ты.
С желаньем веселье возродить
Спустился ты.
С надеждой успокоить людей земных
Спустился ты.
С решением счастливыми сделать их
Спустился ты.
Должен ты людей защитить, спасти,
Чтоб могли они мирно свой скот пасты.
Чтоб могли они опять веселиться,
Чтоб могли они опять расплодиться,

Козней дьявольских не бояться,
Красотой земли наслаждаться.

Если дьявола с черным чугунным кнутом,
Для которого любое оружие нипочем,
Если дьявола,
Живущего по эту сторону смерти,
Если дьявола,
Живущего по ту сторону счастья,
Если дьявола,
Обросшего мохнатой шерстью,
Ты мечом не изрубишь на части,
Если ты не сможешь его укротить,
Если ты не сможешь его победить,
Ты, в боевые одежды одетый,
Ты, свободно взлетающий к небесам,
Кто же, подумай, сделает это,
Кто справится с этим, подумай сам.
Кто возвратит счастье народу,
Кто возродит гибнущую природу?
Кнут у него хоть и чугунный, и черный,
Но нельзя, чтобы верх оставался за чертом.
Он заботится о своей лишь чертячьей породе,
А ты заботишься обо всем о честном народе.
Коротко ты будешь с ним биться или долго,
Но укротить и победить его должен.
Ничего невозможного в этом нет,
Послушай теперь мой совет.

Надо подняться тебе, герою и молодцу,
К Хáну Хурмáсу — отцу,
Надо подняться тебе
К Эсэгэ Малáану — дедушке.
Надо подняться тебе
К бабушке Манзán Гурмэ.
Все они мудрые, сведущие,
Сила их в знаниях и уме.
Надо им все доподлинно рассказать,
Надобно с ними совет держать.
Абай Гэсэр, услышав совет, ободрился,
Следуя доброму слову, в путь снарядился.
«Какая умница,— думает,— у меня жена,
Хорошее слово сумела молвить,
Хороший совет дала мне она,
Надо этот совет исполнить».

Ловит он крылатого коня летучего,
Седлает, готовит его к пути,
Только этот конь к небожителям за тучи
Может всадника вознести.

Садится Гэсэр в серебряное седло,
Поднимается в небо, где всегда светло.

Поднимается он все выше и выше,
Отцовского, Хана Хурмаса, дворца достигает.

Хан Хурмас навстречу Гэсэру вышел,
Ворота золоченые широко открывает.
Привязывают они коня к коновязи,
Здороваются по-родственному, с приязнью.
Здороваются они неторопливо,
Приветствуют друг друга красиво.
Поднимаются они на серебряное крыльцо
Такой ширины,
Что держать бы там кобылиц и жеребцов
Резвые табуны.
Величественным движением
Открывая перламутровую хангайскую дверь,
Во дворец они входят теперь.
Медлительным движением,
Не уронив ни соринки с ног,
Переступают мраморный хангайский порог.
Движенья лишнего не делая,
Входят они во дворец звездно-белый.

Гэрэ Сэсэн,
Жена Хана Хурмаса,
Готовит масло, готовит мясо.
Золотой стол накрывает,
Вкусные блюда на него ставит,
Серебряный стол расстилает,
Редкие блюда на него ставит.
Напитки на стол она выставила
Очищенно-светлые, выстоянные.
Угощает Гэсэра прозрачной арзой,
Угощает его крепчайшей хорзой.
Еды она ставит — с высокую гору,
Питья она ставит — с глубокое море.
Начинают мужчины в эту пору
Мужской разговор не горячась и не споря.

Абай Гэсэр
Хану Хурмасу, отцу
Про земные дела рассказывает,
Дело к делу, конец к концу
В своем рассказе привязывает.
Про походы рассказывает, про славные,
А потом говорит и про главное,
Как по эту сторону смерти,
По другую сторону счастья
Объявились черные черти,
Для мирных людей — напасти.
Самый главный дьявол — Шэрэм Минаата,
Его злая воля в бедствиях виновата.
Руки у него
мохнатые, страшные,

Глаза у него
                                округлые, красные,
Рот у него в четыре сажени,
Единственный клык во рту вкривь посажен.
Пасть у него просторная,
Лицо у него черное,
Жилы у него крепкие,
Когти у него цепкие,
Кнут у него чугунный,
Биться с ним очень трудно.
Хангайская стрела от него отлетает,
Булатный меч по нему скользит,
Повалить дьявола — сил не хватает,
Копье каленое его не разит.
Не мог я этого дьявола победить.
Что же мне делать, как же быть?
Приехал я за отцовским советом,
Приехал я за правдивым ответом.

Хан Хурмас призадумался,
Хан Хурмас принахмурился.
Досада его великая гложет,
Что ничего присоветовать он не может.
«Придется, — говорит, — за советом ехать тебе
К нашей мудрой бабушке Манзан Гурмэ».

Тут Абай Гэсэр
С отцом своим Ханом Хурмасом
И с матерью своей Гэрэ Сэсэн
По-хорошему попрощался.
Коня отвязал, в дорогу собрался.

Едет он к мудрой бабушке Манзан Гурмэ,
Держащей вселенную всю в уме,
Все тайны вселенной знающей,
Все швы во вселенной сшивающей,
К сидящей
С серебряной чашей в руках,
К следящей
За всеми звездами в небесах.

Встретив внука, бабушка очень обрадовалась,
С головы до ног его оглядывала.
Вверх поглядела — рассмеялась,
Вниз поглядела — разулыбалась.
Золотой стол приказала накрыть,
Расставили на нем вкуснейшую пищу.
Серебряный стол повелела расстелить,
Расставили на нем редчайшую пищу.
Мяса положили с высокую гору,
Вина поставили с глубокое море.
Отщипывая понемногу,
Они едят.

Отглатывая понемногу,
Они пьют.
Разговаривая потихоньку,
Они сидят.
Разговаривая неторопливо,
Беседу ведут.
Каждый многое знает,
По очереди говорит каждый.
О старом вспоминают,
О новом расскажут.
То, что прежде древнего произошло,
Выясняют,
То, что позже нового проистекло,
Объясняют.

Разбирают мало-помалу
Когда земля землей,
Когда вода водой стала.
Когда время из вечной вечности,
Как река, лишь брало начало,
Когда части из цельной цельности
Возникали мало-помалу.
Сидят они
До образования на чистой воде сметаны,
Говорят они
До вырастанья травы на голом камне.

Абай Гэсэр
Бабушке Манзэн Гурмэ
Про земные дела рассказывает,
Про походы рассказывает недавние,
А потом говорит про главное:
— Когда меня,
Среднего, красного сына
Хана Хурмаса, небожителя и властелина,
Меня, Бухэ Бэлигтэ батора,
Согласно добровольному уговору
На гористую землю спустили,
Когда меня,
В краю, где темно и глухо,
В семье старика со старухой,
Людей безвредных,
Живущих бедно,
Их сыном земным родили —
Родили для быстрых решительных действий,
Чтобы мог я людей избавить от бедствий,
Когда на земле Улгэн
Я в схватках тяжелых изнемогал,
Когда сила уходила из спины, из рук, из колен,
Всегда я вас, мудрую бабушку, вспоминал.
И хоть это случалось редко,
Призывал я на помощь предков,
У небожителей великих просил я,

Чтоб прибавили мне уменья и силы.
А теперь — особое дело.
Из гниющей части расчлененного тела
Небожителя Атай Улаана, —
Хотите верьте, хотите не верьте, —
По эту сторону счастья,
Но по ту сторону смерти
Возродился дьявол страшнее страшного.
Глаза у него округлые, красные,
Рот у него в четыре сажени,
Клык во рту вкривь посаженный,
Кнут у него в руке чугунный для драки,
Язык вываливается, как у собаки.

Дьявол этот жесток и суров,
Не понимает он человеческих слов.
Вверг он в бедствие все народы,
Губит-сушит он и природу.
Дожди кровавые проливает,
Горы из костей воздвигает.

Просторную добрую землю Улгэн
Захватил он в неволю, в плен,
Племена, населяющие землю Улгэн,
Хочет он превратить в пыль и в тлен.
На всех овец, коров, лошадей
Наводит он болезни и мор.
На всех веселых земных людей
Напускает он нищету и разор.
Напускает холод, голод, тьму,
Напускает язвы, оспу, чуму,
Напускает распри, слезы и кровь,
Чтоб забыли люди жалость, любовь...

Понял я, что дальше терпеть не годится,
И решил я со страшным дьяволом сразиться.
Пусть у него чугунный кнут,
Но ведь и меня удалым зовут.

Встретил я его близко,
Как врага нападающего.
Встретил я его далеко,
Как врага подступающего.
Перепутались местами близкое и далекое,
Закипела между нами схватка жестокая.
Мы друг у друга мясо
Со спины выдирали,
Мы друг у друга мясо
С груди выгрызали.
Реки крови по земле текли,
Горы мяса вокруг росли.
Бились мы не месяц, а целый год,
Никто из нас верх не берет.

Побились мы, побились,
Помучались мы, помучились,
А потом и договорились,
Дух перевести не лучше ли?
Потому что все силы наши исчерпаны,
А тела наши истерзаны.
Вот и пришел я на небо за укреплением,
За силой, ловкостью и уменьем.
Благо и помощь нужны не мне,
А той убогой и жалкой стране,
Где распространились холод, голод и тьма,
Где распространились язва, оспа, чума,
Где небывалые бедствия людей косят,
Где люди плачут и голосят.

Мечтаю я всю нечисть там истребить,
Желаю я веселье возродить.
Надеюсь я успокоить людей земных,
Хочу я счастливыми сделать их.
Хочу я людей защитить, спасти,
Чтобы могли они мирно свой скот пасти,
Козней дьявольских не бояться,
Красотой земли наслаждаться.
Когда я поеду опять на битву,
Пусть небо услышит мою молитву.
Когда начнется наше сражение,
Пусть небо пошлет мне благословенье.
Помощь нужна не мне,
А людям в бедной, сирой стране.
Ты,
С серебряной чашей в руке сидящая,
Ты,
Вселенную всю в уме держащая,
Ты,
Все тайны вселенной знающая,
Ты,
Все швы вселенной сшивающая,
Ты,
Бабушка моя Манзán Гурмá,
Вся суть которой в доброте и уме,
Неужели своему единственному внуку
Не вложишь ты силы в правую руку,
Не вложишь уменья в левую руку мою,
Чтобы мог я дьявола победить в бою?
Тут Абай Гэсэр из-за стола встает,
Мудрой бабушке поклон отдает.

Ответила бабушка подумав, не сразу:
— Разве не сын ты Хана Хурмáса?
Надо бы пожалеть дорогого внука,
Но есть у тебя меч, есть у тебя и руки.
Есть у тебя стрела, есть у тебя копье,
Есть у тебя мужественное сердце твое.

Чего же еще тебе надо?

Пошарила бабушка вокруг да рядом,
Взяла свою палочку для взбивания шерсти:
— На, возьми, авось пригодится на месте.
Если мечом противника не уложишь,
Так может, эта палочка тебе поможет.
Да спускайся скорее к своим племенам,
Ты нужен не здесь, а нужен там.

Аба́й Гэсэ́р

дело сделанным посчитал,

Аба́й Гэсэ́р

бабушке всего хорошего пожелал.

Вышел он веселее, чем раньше был,
Палочку для взбивания шерсти захватить не забыл.
С неба высокого, с неба просторного
Слетел он снова на землю черную.
Ждет его на земле суровый удел,
Ратных дел его ждет немало...
Кто в это время на небо глядел,
Подумал, что падучая звезда просверкала.

На землю возвратился Абай Гэсэр

И подумал:

Если есть на пути преграда,
И сразу ее преодолеть не сумел,
Трижды пытаться надо.
Самые нужные, опасные самые
Для себя мы дороги выберем.
Мужчина состоит весь из замыслов,
Женщина состоит вся из выкроек.
Мужчины, чтоб замыслы воплотить,
Жизнь не пожалеют отдать.
Женщины, чтобы из выкройки сшить,
Палец на руке готовы отдать.

Тем временем

Алма́ Мэргэ́н

Абай Гэсэра на пороге встречает.

А встретив Абай Гэсэра, она

Его радостно приветствует.

Величественным движеньем

Открывая перламутровую хангайскую дверь,

Во дворец Гэсэр входит теперь.

Медлительным движеньем,

Не уронив ни соринки с ног,

Переступает мраморный хангайский порог.

Говорит Абай Гэсэр любимой жене:

— Завтра опять мне быть на коне.

Я ведь многое сделать еще не успел.

Если есть на пути преграда,

Которую сразу преодолеть не сумел,

Трижды пытаться надо.

С дьяволом,
Живущим по ту сторону смерти,
С чудовищем,
Чадящим по эту сторону счастья,
Хочу я снова силой померяться.
Иль погибну, иль его изрублю на части.
Оседлав коня гнедого,
Надев свои боевые доспехи,
На рассвете в дорогу снова
Вышел Абай Гэсэр хубуун
И взял он с собой, как опору,
Эржэн Шуумар батора.
Едут они на двух конях,
В восточную едут сторону,
Доспехи у них на широких плечах,
Земля по бокам просторная.
Тихо-тихо они едут,
Ошметки-комья из-под копыт
Величиной с чашку,
Лихо-лихо они едут,
Ошметки-комья из-под копыт
Величиной с котел,
Над вершинами деревьев
Они, как две белки, мелькают,
Над вершинами гор
Они, как две птицы, взлетают.
Поводий не натянув,
Сто видимостей миновали.
Кнутами не взмахнув,
Тысячу видимостей проскакали.
А достигнув места ночлега,
У подножия, под горой,
С разворота, с коня, с разбега
Прострелили изюбра стрелой.
Красно-серый костер разводят,
Изюбра добытого свежуют,
К водопою коней отводят,
Расстилая потник, ночуют.

Место выбрали они для ночлега,
Где не ступала еще нога человека,
А река там рядом текла,
Из которой лошадь еще не пила,
А трава там такая стояла,
Ничья лошадь ее еще не щипала.
У подножья холма серебристо-белого
Они привал-ночлег себе сделали.
Изюбра жареного поели,
Задремали и захрапели.

Утро раннее проясняется,
Солнце красное появляется.
Оба витязя пробудились,

С дьяволом,
Живущим по ту сторону смерти,
С чудовищем,
Чадящим по эту сторону счастья,
Хочу я снова силой померяться.
Иль погибну, иль его изрублю на части.
Оседлав коня гнедого,
Надев свои боевые доспехи,
На рассвете в дорогу снова
Вышел Абай Гэсэр хубуун
И взял он с собой, как опору,
Эржэн Шуумар батора.
Едут они на двух конях,
В восточную едут сторону,
Доспехи у них на широких плечах,
Земля по бокам просторная.
Тихо-тихо они едут,
Ошметки-комья из-под копыт
Величиной с чашку,
Лихо-лихо они едут,
Ошметки-комья из-под копыт
Величиной с котел,
Над вершинами деревьев
Они, как две белки, мелькают,
Над вершинами гор
Они, как две птицы, взлетают.
Поводий не натянув,
Сто видимостей миновали.
Кнутами не взмахнув,
Тысячу видимостей проскакали.
А достигнув места ночлега,
У подножия, под горой,
С разворота, с коня, с разбега
Прострелили изюбра стрелой.
Красно-серый костер разводят,
Изюбра добытого свежуют,
К водопою коней отводят,
Расстилая потник, ночуют.

Место выбрали они для ночлега,
Где не ступала еще нога человека,
А река там рядом текла,
Из которой лошадь еще не пила,
А трава там такая стояла,
Ничья лошадь ее еще не щипала.
У подножья холма серебристо-белого
Они привал-ночлег себе сделали.
Изюбра жареного поели,
Задремали и захрапели.

Утро раннее проясняется,
Солнце красное появляется.
Оба витязя пробудились,

Родниковой водой умылись,
Свои волосы они пригладили,
Снаряжение они приладили.
Съели изюбра они до конца не вдруг,
Кости тщательно обглодали,
А потом пошли на зеленый луг
И коней своих оседлали.

Поводий не натянув,
Сто видимостей промахивают.
Кнутом не взмахнув,
Тысячу видимостей проскакивают.
Трехмесячный путь
За три дня проезжают.
Трехлетний путь
За три месяца пролетают.
Длинна река,
Но до моря все равно добирается.
Земля широка,
Но цель все равно приближается.
Доехали они
До края своей земли.
Доехали они
До края чужой земли.
Остановиться они условились,
К битве с дьяволом приготовились.

В это самое время
Дьявол,
С руками мохнатыми страшными,
В это самое время
Дьявол,
С глазами округлыми, красными,
У которого
Кнут чугунный в руке для драки,
У которого
Язык вываливается, как у собаки,
Дьявол,
Живущий по эту сторону смерти,
Дьявол,
Чадящий по ту сторону счастья,
Узнал о Гэсэре и его намерениях.
Сердце его забилося тревожно и часто.
Сердце его бьется, волнуется,
Ребра его начали дрожать и гнуться.

Но все же понял он, что делать нечего,
Пошел со своим кнутом Гэсэру навстречу.

Сходятся два силача, две громады,
Сходятся не ради славы или награды,
Сходятся — одному убитому быть,
Сходятся — одному оставаться жить.

Дьявол
Кнутом своим вертит, крутит,
Направо, налево расхлестывает,
Внешнее море мутит,
Серединное море расплескивает,
Гэсэра кнутом своим черным бьет,
Но кнут до Гэсэра не достает.

Гэсэр в ответ
Берет стрелу хангайскую, черную
И стреляет из лука в черта,
Но стрела свистящая, стрела железная,
Отскакивает от дьявола, бесполезная.
Вреда никакого ему не сделала,
В поле чистое отлетела.
Тогда сошлись они и схватились,
Затоптались и закружились,
Упираясь друг в друга лбами,
Роют землю они ногами.
Ухватив за предплечья друг друга,
Начинают ходить по кругу.
Как быки они с ревом бьются,
Как жеребцы они ржут, грызутся.
Когда о южную гору ногой упираются,
Красную пыль вздымают.
Когда о северную скалу упираются,
Черную пыль поднимают.
Красно-черная пыль клубится,
Силачи продолжают биться.
Девять дней они не отдыхают,
Девять дней непрерывно бьются,
Из-за равной силы друг другу не уступают,
Из-за равной ловкости не сдаются.
Руками они хватаются,
Ногами они лягаются.
Друг у друга они
Мясо со спины выдирают,
Друг у друга они
Мясо с груди выгрызают,
Реки крови по земле текут,
Горы мяса вокруг растут.
День днем они измеряют,
Месяц месяцем исчисляют.
Друг на друга
Сразившись, взглядывают,
Друг друга
Схвативши, встряхивают.
Бьют они друг друга
В кровь и вдрызг,
Покраснела округа
От красных брызг.
Наконец дьявол со своей сноровкой
Пошел на коварство и на уловку.

Начал он вроде бы пятиться и отступать,
Но начал опять кнутом хлестать.
Уходит он зло ругаясь,
Пятится огрызаясь,
Но Гэсэра беспрерывно притом
Хлещет и хлещет железным кнутом.
Абай Гэсэр вот-вот изнеможет,
Но сделать с дьяволом ничего не может.
Ведь булатный меч по нему скользит,
Копье каленое его не разит,
Стрела свистящая, стрела железная
Отскакивает от дьявола бесполезная.
Гэсэр изнемогает, совсем ослаб уж он,
Неужели пора покориться ему?
И тут-то вспомнил он про бабушку
И про ее палочку шерстобитную,
То, чего не могли ни стрела, ни меч, ни копье,
Сделала палочка ее.
Как только той палочкой взмахнул Гэсэр,
Дьявол от ужаса на карачки присел.
Съежился, сморщился, весь трясется,
Кнут его напололам пересекается.
Гэсэр же той палочкой, как саблей, сечет,
Кости ломаются, кровища течет,
Мясо разлетается в разные стороны,
Жадно глотают его черные вороны.

Живущего по ту сторону смерти,
Живущего по эту сторону счастья
Гэсэр рассекает на четыре четверти,
А потом на более мелкие части.
Вселенная начала раскачиваться,
Скалы начали разваливаться,
Сумбэр уула-гора дребезжит и трясется,
Черная галька по ветру несется.
Сун далай-море ходит волнами.
Победа одержана полная.
Абай Гэсэр
И Эржэн Шуумар батор
Победе рады,
Но многое еще сделать надо.
Конечно,
Непобедимого врага победили.
Конечно,
Непреодолимое препятствие преодолели.
Но деревья в лесных они нарубили,
Кедров, лиственниц, елей.
Деревьев нарубили старых, сухих,
В большую кучу сложили их.
Разожгли они костер серо-красный
И останки дьявола черного, страшного,
Жившего по эту сторону смерти,
Чадившего по ту сторону счастья,

В жестокой битве поверженного,
Изрубленного на мелкие части,
На костре,
Что пылал на поляне, светел,
Сожгли дотла, превратили в пепел,
Осиновой лопатой вея,
С юга дующим ветром,
На север весь пепел развеяли,
Березовой лопатой вея,
С севера дующим ветром
На юг всю копоть развеяли.
Смотрит солнце лучистое —
На земле стало чисто.

После этого
Жестокого врага сокрушивший,
Званье победителя получивший,
Мирную жизнь племенам возвративший
Абай Гэсэр удалой
Трубку из чистого серебра берет
С берцовую кость величиной,
Кисет из черного бархата берет
Величиной с целый рукав,
Кипу красно-резаного табака
В трубке бережно уминает,
Кресалом с чеканом узорным
Искры жаркие о кремень высекает
На мягкий трут из пушистых трав
И, размахивая трутом зажженным,
В трубке огонь разжигает,
И дым, как облако, выпускает.
Сидит Гэсэр — трубка в руке,
А дым от нее, как туман по реке.
А люди повсюду об Абай Гэсэре,
Как о доблестном победителе говорят.

Обращается Абай Гэсэр в эту пору
К Эржэну Шуумару батору:
— Задуманное мы осуществили,
Черного дьявола победили,
По ветру пепел его растрясли,
Мир на родину принесли.
Лосиная берцовая кость в котел не вмещается,
Сердце не перестает домой стремиться,
Эвенки к старому кочевью возвращаются,
Жеребенок тянется к матери-кобылице.
Возвращается человек к воде,
Которую в детстве пил,
Возвращается человек к земле,
На которой маленьким жил.

Соберемся-ка мы в дорогу,
К своему родному порогу.

По благодатной белой земле
Они рысью рысят,
По благодарной Улгэн-земле
Они вскачь летят.
Едут они на двух конях,
В родимую едут сторону.
Доспехи у них на широких плечах,
Земля по бокам просторная.
А достигнув места ночлега,
У подножия, под горой,
С разворота, с коня, с разбега
Прострелили изюбра стрелой.
Красно-серый костер разводят,
Изюбра добытого свежуют,
К водопою коней отводят,
Расстилая потник, ночуют.
Изюбра жареного поели,
Задремали и захрапели.
Утро раннее проясняется,
Солнце красное появляется.
Оба витязя пробудились,
Родниковой водой умылись,
Свои волосы они пригладили,
Снаряженье они приладили,
Изюбра жареного доели,
Дальше птицами полетели.
Поводий не натянув,
Сто видимостей промахивают,
Кнутом не взмахнув,
Тысячу видимостей проскакивают.
Вот что-то
Гэсэр задумался,
Вот что-то
Гэсэр нахмурился,
Вспоминает ли он битву страшную
Против дьявола с глазами красными,
С его четырехсаженным ртом,
С его чугунным, черным кнутом.

Или мысли иные, серые,
Одолели в пути Гэсэра?

— Эх,— говорит он,—
На ночлеге вчерашнем,
Там, где мы спали на ветерке,
Забыл я кнут с рукояткой яшмовой,
Остался он на лиственничном пеньке.
Досада и жалость мне сердце гложут,
Но возвращаться уже негоже.

После этого
Скачут они все быстрее,
Земля становится все милее.

Где ночевать бы —
Они не ночуют,
Где отдохнуть бы —
Не отдыхают.
Родную землю сердца их чуют,
Они на родину прибывают.
Прибывают они к той воде,
Которую в детстве пили,
Прибывают они к той земле,
На которой маленькими жили.
Где они на свет появились,
Где они играли, резвились,
Где они скотину пасли.
Которую они от бедствий спасли.

Встречает Абай Гэсэра
Алмá Мэргэн — дорогая жена,
Победителя славного,
Победителя смелого
Привечает она.
Золотой стол накрывая,
Вкусные угощения ставит.
Серебряный стол расстилая,
Прекрасные угощения ставит.
Напитки на стол она выставила
Очищенно-светлые, выстоянные,
Угощает его прозрачной арзой,
Угощает его крепчайшей хорзой.
Гэсэра обслуживает
Она обстоятельно,
Мужа слушает
Она внимательно.
Отщипывая понемножку,
Они едят,
Разговаривая потихоньку,
Они сидят.
Говорит Гэсэр,
Свалилось с плеч моих бремя.
Говорит Гэсэр,
Настало мирное время,
Уберу-ка я все свои доспехи,
Никуда мне не нужно ехать.
Спрячу-ка я все свое оружие,
Ни с кем мне сражаться не нужно.
Уберу я лук, уберу и стрелы,
Все, что можно, я уже сделал,
Нагляделся я мяса-крови,
Буду жить я под мирным кровом,
Чтоб люди могли опять веселиться,
Чтоб могли они опять расплодиться,
Козней дьявольских не бояться,
Красотой земли наслаждаться.
В это время

Дядя Саргал Ноён,
 Вкусно накормлен и сладко напоен,
 С белой, доброй душой,
 Сам в доме большой,
 Особым проникновением проникся,
 Особым разумом вразумился,
 Особым постижением постиг,
 Что Абай Гэсэр
 Домой победителем возвратился.
 Решил он немедленно
 Дворец свой оставить,
 Чтобы племянника с победой
 Самолично поздравить.
 Радости его не измерить,
 Что избавлен мир от напасти,
 Что живущий по эту сторону смерти,
 Обитавший по ту сторону счастья
 С чугунным своим кнутом,
 С черным большим хлыстом
 Дьявол страшный в бою побежден
 И на костре потом истреблен.
 Поздравляет он победителя внука,
 Подает руку вонтелю,
 Но видит, что Гэсэр призадумался,
 Наблюдает, что Гэсэр пригорюнился.
 Спрашивает он у Абай Гэсэра,
 Какие у него заботы на сердце,
 Вспоминает ли он битву страшную,
 Против дьявола с глазами красными,
 С его четырехсаженным ртом,
 С его чугунным черным кнутом?
 Или мысли иные, серые,
 Одолели теперь Гэсэра?
 — Эх,— говорит Гэсэр,—
 На ночлеге вчерашнем,
 Где коней мы поили в реке,
 Забыл я кнут с рукояткой яшмовой,
 Остался он на лиственничном пеньке.
 Саргал Ноён,
 С душой доброй, белой,
 Рассмеялся, услышав такое дело:
 — Дьявола победил —
 Не ликуешь,
 А кнут позабыл —
 Горюешь.
 В руки он бубен большой берет,
 Чтобы созвать на праздник народ.
 В золотой бубен бьет —
 С северных склонов людей собирает,
 В серебряный бубен бьет —
 С южных склонов людей собирает.

Гэсэру славу провозглашает.

Непобедимого врага победившего,
Неодолимое препятствие одолевшего,
Народы от бедствий освободившего,
Сил для этого не жалевшего.
Гэсэра все хвалят, благодарят,
Вкусно кормят, сладко поят.

Питье тут озером измеряется,
Еда горой измеряется,
Мясо-масло холмами лежит.
Арза-хорза рекой бежит.

В течение восьми дней все пируют,
В течение девяти дней все празднуют.
Пьют-гуляют напропалую
Люди съехавшиеся, разные.
На десятый день опохмеляются,
По своим домам разъезжаются.
Абай Гэсэр и Алма Мэргэн остались вдвоем
Во дворце золоченом своем.
Жена Гэсэра за руку берет,
Жена Гэсэра в покои ведет.
Земля затихает, ночь наступает,
Что было дальше, никто не знает.
Слышали люди стороной,
Что счастлив Гэсэр со своей женой.

Пущенные стрелы
Летят во мгле,
Абай Гэсэр —
На родной земле.
Меткие стрелы
Врагов поражают,
Абай Гэсэр
Гостей провожает.
Врагов поразившие стрелы
На ветру дрожат,
Враги Абай Гэсэра —
Мертвы лежат.

ВЕТВЬ СЕДЬМАЯ

Как Гэсэр победил дьявола Абарга Сэсэна

*Священное желтое дерево,
На каждой ветви свеча горит,
Девять сказаний древних,
Каждое о доблести говорит.*

*Соболя шелковистого, черног о
Почему не добыть, не взять?»
Богатырей родословную
Почему не пересказать?*

А-э-э-э!

А-э-э-э!

А-а-у-у-дон!

Оставив все другие заботы,
Абай Гэсэр отправился на охоту.

Поехал он промыслять дорогих зверей,
Едва за ворота — гость у дверей,
Не с чужой стороны, не из дальних стран —
Дядя его — Хара Зутан.

Встречает дядю невестка,
Гэсэра молодая жена.
На почетное в доме место
Сажает дядю она.
Золотой накрывает стол,
Ставит вкусные яства,
Серебряный расстилает стол,
Ставит редкие яства.
Угощает его прозрачной арзой,
Угощает его светлой хорзой.
Все напитки, что она выставила,
Были напитки крепкие, выстоянные.

Хара Зутан,
А душа у него, как известно, черная,

Выпил раз, выпил повторно,
Выпил трижды, выпил еще,
Потерялись выпитому мера и счет.

Хара Зутан
От съеденного разомлел,
Хара Зутан
От выпитого захмелел.
Забыл он время, забыл и место,
Стал приставать к молодой невестке.
Стал он за нее руками цепляться,
Стал он ей в любви признаваться.
Ничего в тумане хмельном не видя,
Давние стал вспоминать обиды.
— Я ведь тоже сватать тебя приходил,
Да Гэсэр в состязаниях победил.
Мало ли что он всех побил,
А я тогда тебя больше любил.

Совсем Хара Зутан распустился,
Ухаживать за чужой женой пустился.

Смотрит молодая Тумэн Жаргалан,
Что гость дорогой совсем уж пьян,
Постелила она ему постель
Высотой по колена,
Подушек положила до потолка,
Взбила она ему постель
Мягкую, словно пена,
Чтобы дядя не отлежал бока.
Спать захмелевшего уложила,
Соболиным одеялом его укрыла.

Проснулся Хара Зутан ноён,
А душа у него, как известно, черная.
Смотрит — лежит на постели он,
Постель пуховая и просторная.

Водой холодной он освежился,
Волосы руками пригладил на место.
Приосанился, приободрился,
Выходит к молодой невестке.

А та подумала:
Дядя с похмелья,
Наверное у него голова болит.
Не успел Хара Зутан отойти от постели,
Глядь — перед ним чаша стоит.

Выпил, опохмелился Хара Зутан
И стал сильнее вчерашнего пьян.
Стал он за невестку руками цепляться,
Стал он ей в любви признаваться.

То, что вчера говорил, повторяет,
Ко вчерашнему новое прибавляет.
Называет он
Тумэн Жаргалан прекрасной,
Сравнивает он
Тумэн Жаргалан с зарею ясной:
Рассказывает,
Как он свататься к ней приходил,
Доказывает,
Что он ее больше других любил,
Что он ее из всех невест выбрал,
Но молокосос Гэсэр состязания выиграл.
И вернуться пришлось с пустыми руками.
Но с тех пор на душе — обида-камень.
А теперь, когда Гэсэр на охоте рыщет,
Никто нам не мешает исправить дело.
Племянник с дяди родного не взыщет,
А ты, вон какая молодая да белая...

Смотрит молодая Тумэн Жаргалан,
Что гость дорогой совершенно пьян,
Постелила она ему постель,
Высотой по колена,
Подушек положила до потолка,
Взбила она ему постель,
Мягкую, словно пена,
Чтобы дядя не отлежал бока.
Гостя хмельного спать уложила,
Пуховым одеялом его укрыла.
Проснулся утром Хара Зутан ноён
С черной и злой душой,
Смотрит, лежит на постели он,
На пуховой и на большой.

Водой родниковой он умылся,
Волосы руками пригладил,
Приосанился, приободрился,
Выходит к невестке дядя.

А невестка подумала:
Дядя с похмелья,
Наверное у него голова болит.
Не успел Хара Зутан отойти от постели,
А перед ним уж опять чаша стоит,
Наполнен бокал прозрачной арзой,
Наполнен бокал крепчайшей хорзой.
Дядя выпил и закурил,
Пуще прежнего задурил!
То, что вчера говорил, повторяет,
Ко вчерашнему новое прибавляет.
Стал он за невестку руками цепляться,
Стал он ей в любви признаваться.

Называет он
Тумэн Жаргалан прекрасной,

Сравнивает он
Тумэн Жаргалан с солнцем красным.
Рассказывает,
Как он свататься к ней приходил,
Доказывает,
Что он больше других ее любил,
Что состязаний он выиграть не сумел,
Что жалок и горек его удел,
Но настала пора все поставить на место,
Надо дяде соединиться с невесткой.
Надо нам во всем разобраться...
Гэсэр, приехав, не будет ругаться,
Что дядя с невесткой соединились,
Что дядя с племянником еще раз породнились.
Смотрит хозяйка Тумэн Жаргалан,
Что гость дорогой совсем уж пьян,
Что свел с ума его крепкий хмель,
Начинает ему стелить постель.
Постель она стелит высотой по колена,
Взбивает ее нежнее, чем пена,
Кладет подушек до потолка,
Чтоб гость дорогой не отлежал бока,
Чтобы гость дорогой не отлежал и спину,
Одеялом укрывает его соболиным,
Одеялом пуховым его укрыла,
Тепло одеда, спать уложила.

Утром проснувшись еле-еле,
Смотрит Хара Зутан ноен,
На мягкой, широкой постели
Под одеялом пуховым нежится он.

Водой родниковой умылся,
Волосы пригладил ладонями,
Приосанился, приободрился,
Выходит к хозяйке дома.
А хозяйка подумала:
Ведь дядя с похмелья,
Наверное, у него голова болит.
Не успел Хара Зутан отойти от постели,
А стол для него уж опять накрыт.
Стоит на столе арза,
Стоит на столе хорза.
Дядя выпил и закурил,
Хмель ему голову задурил.
К Тумэн Жаргалан красивой
Начал он опять приставать.
Считая ее спесивой,
Начал уговаривать-увещевать.
Ничего уж тут не боялся он,

Разошелся совсем, распоясался,
То, что трижды говорил, повторяет,
Четвертое, новое, прибавляет.
Величает ее торжественно,
Называет ее божественной,
Называет ее красотой вселенной,
Хватает ее за колена.
Должны мы, — говорит, — соединиться,
Друг другу мы должны полюбиться.
Гэсэр тебя из-под носа увез,
Но он мальчишка и молокосос.
А нужен тебе такой, как я,
Будешь ты вечно — жена моя.
Тут уж Тумэн Жаргалан не вытерпела
И все дорогому гостю выговорила.

«В первый день я подумала,
Что ты просто пьян,
Во второй день я подумала,
Что ты стар и пьян,
В третий день я подумала,
Что ты глуп и стар,
А ты опять волочиться стал.
В четвертый день я подумала,
Что ты не выспался,
А ты, оказывается, и вправду высказался.
Три дня я думала,
Что ты шутики шутил,
А теперь я вижу,
Что ты всерьез говорил.
Вот сейчас я тебе отвечу,
Крыть тебе будет нечем».

Вышла она из дворца,
В ладошки хлоп-хлоп,
Спустилась она с крыльца,
Каблучком топ-топ.
Вышла она во двор,
Каблучком стук-стук,
Буйдан Улаан батор
Тут как тут.
Не спускает батор с хозяйки глаз,
Отдает хозяйка ему приказ.
— Наш дядя Хара Зутан
Напился, пьян,
К тому же, Хара Зутан
Оказался большой буян.
Возьми-ка ты его,
Мой верный батор,
Выведи-ка ты его
На широкий двор.
Посади-ка ты его на коня,

Батор дорогой и верный мой,
Отправь-ка ты ради меня
Поскорее дядю домой.

Боолур Сагаана небожителя
Первый и лучший сын,
Буйдан Улаан батор
Служил Гэсэру с давних уж пор,
Тумэн Жаргалан желанье
Сразу же он угадал,
Твердое ее приказанье
Исполнять немедленно стал.
Кнут с рукояткой из яшмы
Он в правую руку берет,
И в покои, где гость их бражничают,
Смело и прямо идет.
Идет он в убранство
Золотого дворца,
Где буйству и пьянству
Не видно конца.

Входит он в те покои,
Где льется вино рекою,
Где арза пьется светлая,
Где хорза льется крепкая,
Где гость ничего не боящийся,
Разошелся и распоясался.
Бессвязные речи бормочет,
Одуревши и в стельку пьян,
Завладеть непременно хочет
Красавицей Тумэн Жаргалан.

Буйдан Улаан поморщился,
Рассердился,
Надул он щеки,
Брови его топорщатся
Черные, словно щетки.

Ноёна седые волосы
На руку он намотал,
Не подавая голоса,
С места его приподнял.
В дверь он ноёна выволок,
Взмахнул он своим кнутом...
Хорошо, что никто не видел
Всего, что было потом.
Стегал он ноёна хлестко,
Ягненком ноён кричал,
Лупил он ноёна жестко,
Козленком ноён верещал.
Хлестал он ноёна умеючи
По спине и ниже спины,
Чтобы впредь желать не осмелится

Чужой, красивой жены.
Потом он, как куль с мякиной,
При свете белого дня
В седло ноёна закинул
И плеткой стегнул коня.

Хара Зутан извивается,
Зубами скрежещет он,
Недаром же он называется
Хара Зутан ноён.
Еще он им всем покажет,
Ответить они должны.
Душа его словно сажа,
Мысли его черны.
Смеются они напрасно
Над его головой седой,
Мсть его будет страшной,
Мсть его будет злой.

От Тумэн Жаргалан прекрасной
Едет старик домой.

Возвратился домой Хара Зутан ноён,
Ходит всегда угрюмый,
И днем и ночью думает он
Черную, злую думу.

За насмешку надо бы отплатить,
За обиду надо бы отомстить.

Дни проходят, а мысли все те же,
Стал он шутить и смеяться реже.
Вместо смеха слышен зубовный скрежет.
Наконец он надумал, составил план
И овцу на рассвете режет.
Овечью кровь он всю собирает,
Наливает ее в овечьи кишки,
Коня сине-стрельчатого седлает
И едет к истокам восточной реки.
Хонин Хото там страна была,
Пустынна и безводна лежала она,
Земля та была холодная,
Земля та была голодная,
Постоянно там было ветрено,
А травы никакой там не было,
А деревья с корнями выдернуты,
А все наизнанку вывернуто.
Только путь себе через скалы прокладывая,
Текла там одна река с тремя водопадами.

Вот куда поехал Хара Зутан,
Об отмщеньи мыслями обуян.

В этой стране бесплодной,
В этой стране холодной,
В этой стране пустынной,
В этой земле постылой,
Дело в том,
Что в этой стране пустынной,
Дело в том,
Что в этой земле постылой,
Где плавает всегда ядовитый туман,
Обитают девять шулмасов черных,
Покровителей мести, ссор и раздоров,
Властелинов подземного царства Тама.
Едет Хара Зутан
Поклониться этим шулмасам.
Едет Хара Зутан
Помолиться этим шулмасам.
Едет он к ним в пустынное место,
Чтобы помогли ему в задуманной мести.

Едет он высоко ли, низко ли,
Земля постепенно сужается.
Едет он тихо ли, быстро ли,
Цель приближается.
Преодолев невзгоды все и мытарства,
Доехал он до входа в подземное царство.
Доехал он до черной и злой дыры,
Ведущей в тартарары.
Остановил Хара Зутан
Сине-стрельчатого коня.
Ждет Хара Зутан
Начала нового дня.
Разложил Хара Зутан
Серо-красный костер,
Войлок-потник Хара Зутан
По земле распростер,
Мясо жарится, шипит
На углях, на поленьях,
Хара Зутан стоит
На потнике, на коленях.
Жарится на костре кровь овцы,
Запах плывет во все концы.
Вкусный запах с дымком
К небесам валит,
Хара Зутан ничком
Молитвы творит.

Но девять черных шулмасов
Запах, видно, не различают,
На запах крови, на запах мяса,
На молитвы не отвечают.

Трое суток Хара Зутан
Молитвы творил.

До изнеможения он устал,
На коленях мозоли набил.
Не может своего он добиться,
Не хотят шулмасы ему показаться.
Перестал он молиться,
А начал ругаться.
Разозлился он и осмелился,
Начал он шулмасов высмеивать.
— Вы, сидящие в глубине дыры,
Вы, властители тартарары,
Властелины всей преисподней,
Вы оглохли, что ли, сегодня?
Девять старых и злых шулмасов,
Вы забыли как пахнет мясо?
Животы ли у вас заболели,
Что давно жаркого не ели?
Без еды вы там все засохли
Или попросту передохли?

Так бранился он и ругался,
Над шулмасами насмехался.

Не пропали его старанья,
Слышит он в глубине земли
И шуршанье и дребезжанье,
Будто мыши там заскребли.

Снова пал ноён на колени,
Когда медленно из дыры,
Кверху выплыли словно тени,
Все властители тартарары.

Окружили они молельщика,
Окружили они хулителя.
— Это кто тут на нас клеветает?
Мы такого еще не видели!
Понабросились, повалили,
Грудь коленкой ему сдавили
Так, что сердце его вот-вот
Кверху выскочит через рот.

Начал Хара Зутан трепыхаться,
Начал Хара Зутан задыхаться.

Уж душа расстается с телом,
Все же высказать им успел он.
— У животного, если хотят убить,
Кровь выпускается,
Человеку, если хотят умертвить,
Слово высказать разрешается.

Лежит Хара Зутан, лежит,
Глазами ворочая.
— Ну скажи, так и быть,

Чего ты хочешь? —
Слышат они слова Хара Зутана,
А душа у него, как известно, черная.
— Зарезал я для вас барана,
Я думал, что вы проворнее.
На девяти вертелах мясо зажарил вам,
Каждому шулмасу — вертел.
Каждому шулмасу молитву воздам,
Но и вы послужите мне, черти.

Девять черных, преисподних шулмасов
В одно мгновение сожрали все мясо.

— Ну, а теперь, когда нас ублажил,
Какая у тебя обида, скажи,
Ведь мы мастера по мести,
По клевете, по раздорам.
— Должен я отомстить невестке
И ее одному батору,
И самому Абаю Гэсэру
Оскорбления не прошу.
Все своими руками я сделаю,
А у вас поддержки прошу.
Для Тумэн Жаргалан хатан
Уже придумал я наказание,
Отправляю я Тумэн Жаргалан
В мучительное изгнание.
От Гэсэра, из дворца, из золоченых стен
Отправляю я ее к Абарга Сэсэн,
В страну,
Где все деревья с корнями выдернуты,
В страну,
Где все наизнанку вывернуто,
В страну холодную,
В страну бесплодную,
В страну бесславную,
В страну бестравную,
В страну,
Где солнца не бывает совсем.
К дьяволу,
К демону,
К Абарга Сэсэн!

А пока эта месть моя не исполнится,
Не сможет сердце мое успокоиться.
Об этом я молитвы вам возношу,
Вашей помощи и поддержки прошу.
В какой день наказание состоится?
В какую ночь моя месть совершится?
Каким способом невестку
И племянника Абая Гэсэра
Перебросить с их законного места
К дьяволу Абарга Сэсэн?

На разостланном потнике Хара Зутан ноён
Злым шулмасам усердно молится он,
То плашмя лежит, то на колени встанет,
Кланяется, пока спина не устанет.
Тогда черные злые шулмасы,
Нажравшиеся жертвенного мяса,
Не стали Хара Зутана чествовать,
А стали его учить, как действовать.

— Нашими обедками
Накорми ты невестки своей служанку,
Отбросы эти заставь ее скушать.
Сам убедишься: она спозаранку
Все приказанья твои будет слушать.
Будет верно тебе служить,
Задуманное поможет осуществить.
Овечью кровь,
Которую ты в кишках сберег,
Пусть служанка положит
Невестке в правый сапог,
Да, когда все во дворце уснут,
Пусть положит она ее госпоже
В правый унт.

Девять коварных шулмасов
Над кровью этой девять раз дунули.
Девять черных шулмасов
Над кровью этой девять раз плюнули,
Девять раз на нее взглянули,
Девять раз через нее перешагнули.
Теперь эта кровь сбереженная
Стала замороженная.

— Вторую кишку с кровью овечьей
Пусть служанка тоже во дворец пронесет,
И когда ее госпожа уснет бесечно,
К левой поле халата пришьет.
Да,
Пусть прицепит ее к левой поле дэгэла,
Чтобы исполнил ты свое дело.

После этого
Сто коров
Из господских дворцов
Выпусти наружу пасти.
После этого
Сто голодных телят,
Что не ели три дня подряд,
На коров пасущихся напусти.

Телята набросятся коров сосать,
А служанка должна тревогу поднять,
Госпожу она должна разбудить,
На улицу выбежать убедить.

Если не вскочит твоя невестка,
Выпусти коров не сто, а двести,
Напусти на коров двести телят,
Не евших и не пивших пять дней подряд.
Если невестка и тут не вскочит умудрится,
Выпусти коров не двести, а триста.
Напусти на них триста голодных телят,
Не пивших и не евших семь дней подряд.

Тут уж хозяйка вскочит,
Навести порядок захочет.
Унты впопыхах натянет,
В унтах ногами притопнет.
На кишку она с кровью встанет,
Кишка от этого лопнет.
А потом она в легкий халат оденется,
Накинув халат, отряхнется,
Кишка от левой полы отцепится,
Кровь из кишки прольется.
Тогда на море Мунхэ Манзан,
На долину Моорэн, на горы и лес
Упадет густой непроглядный туман,
Пыль поднимется до небес.

Племянничек твой
Абай Гэсэр удалой
Наглотается этой пыли злой,
Туманом злым надышится,
Голос смерти ему послышится.
Начнет он болеть,
Начнет он хиреть,
А Тумэн Жаргалан хатан
Начнет Гэсэра жалеть.

В священной книге прочитает она изречение,
В чем Гэсэр найдет излечение,
Прочитает она там указание,
Что лечение его в ее изгнании.
Чтобы мог ее муж излечиться,
Она сама в изгнание удалится.

Так,
Нажравшись жертвенного мяса,
Среди пустыни голой, безводной,
Учили Хара Зутана шулмасы,
Коварные властители преисподней.

После этого Хара Зутан,
А душа у него, как известно, черная,
Обратно поехал из чуждых стран,
Дорога длинная и неторная.
Скалы и горы
С разгону конь перескакивает,
Широкое море

С разбегу он перемахивает,
Быстроногий жеребец
Скачет не касаясь земли,
Абая Гэсэра золоченый дворец
Уже сияет вдали.

Вот уж у цели Хара Зутан ноен,
Коня к коновязи привязывает он.
Находит он служанку невестки своей,
Шелка и золото развернул перед ней.
Объедками шулмасов он ее накормил,
Огрызки мяса она доела,
Кишки с овечьей кровью вручил,
И рассказал, что надо ей делать.

После этого
Довольный и со спокойной душой
Отправился он к себе домой.

Встречает дома его жена.
Встречая, недовольно бормочет она:
— Все бы тебе ловчить-хитрить,
Расставлять хитроумные сети,
Скучно тебе, должно быть, жить
Без коварства на этом свете.

Хара Зутан от жены отмахнулся,
На постели шелковой растянулся.
Однако спать ему не спалось,
Лежал он век не смыкая,
Радовался, что дело его сбылось,
Что исполнилась дума злая.

Между тем
На дворец Абая Гэсэра
И его жены молодой,
Опускаются сумерки серые,
Опускается мрак ночной.
Весь дворец засыпает мирно,
Лишь одна служанка не спит.
Дождалась она, когда все уснут,
К госпоже прокралась в покои
И кишку кровавую в левый унт
Подложила левой рукою.
А другую кишку, как велели ей,
Прицепила к левой поле халата.
Темной тенью,
Ночной темноты темней,
Проскользнула из спальни обратно.

А когда настало утро раннее,
Следуя совету хитрому и коварному,
Выпустила она из господских дворов

Сто недоенных тучных коров,
А также выпустила она сто телят,
Которые есть и пить хотят.

Телята к коровам со всех ног понеслись,
Телята коров сосать принялись.

После этого
Служанка подождала немного
И подняла во дворце тревогу:
— Ой, ой, ой,
Беда над моей головой!
Сто голодных телят
Коров сосут,
Коров они совсем отдоют,
Коровы молока не дадут.

Эти крики услышала Тумэн Жаргалан
Сквозь утренний сон, как сквозь туман,
И решила:
Подумаешь — сто коров, потеря не велика,
Если сто коров не дадут молока.
Не буду вставать, посплю пока.

Тут служанка
Выпустила из хлевов и дворов
Двести недоенных тучных коров,
А также выпустила и двести телят,
Не пивших и не евших три дня подряд.

Телята к коровам со всех ног понеслись,
Телята коров сосать принялись.
После этого
Служанка подождала немного
И подняла во дворце тревогу:
— Ой, ой, ой,
Беда над моей головой!
Двести голодных телят
Коров сосут,
Коров они совсем отдоют,
Коровы молока не дадут.

Эти крики
Сквозь сладкий сон, как сквозь туман
Услышала Тумэн Жаргалан
И подумала:
Двести коров — потеря невелика,
Не буду вставать, посплю пока.
Тогда служанка
Выпустила из хлевов и дворов
Триста недоенных тучных коров,
А также выпустила триста телят,
Не пивших и не евших пять дней подряд.

Телята к коровам со всех ног понеслись,
Телята коров сосать принялись.

После этого
Служанка подождала немного
И подняла во дворце тревогу:
— Ой, ой, ой,
Беда над моей головой!
Триста голодных телят
Триста коров сосут,
Коров они совсем отдоят,
Коровы молока совсем не дадут.

Эти крики
Сквозь утренний сон-туман
Услышала Тумэн Жаргалан.
Триста коров,— подумала,— это не пустяки,
Такая потеря мне не с руки.
Этим молоком
Можно войско все напоить,
Сливками-творогом
Можно тысячи накормить.
У мужчины, любящего поспать,
Потник твердеет,
У женщины, любящей поспать,
Разум беднеет.

Быстро вскочила она среди темноты,
Служанок своих окликнула,
Натянула на ноги унты,
Халат на плечи накинула.
Левой ножкой она притопнула,
Кишка кровавая в унте лопнула.
На кишку Тумэн Жаргалан наступила,
Кишку кровавую раздавила.
Нога у нее в крови взмокла,
От брезгливости она вздрогнула,
Полой халата она тряхнула,
Кровь овечью всю расплеснула.
Брызнула кровь на железный таган,
Таган над очагом — пополам.
Брызнула кровь на самый очаг,
Огонь в очаге мгновенно зачах.
Камни очага раздробились,
Кровавые ручьи заструились,
Под ногами кровавые лужи,
Потекла кровь наружу.
Заклубился над землей кровавый туман,
Вот что наделала Тумэн Жаргалан,

А кровь широкой рекою
К морю потекла, к водопою.
Потекла она к морю Мунхэ Манзан,
Потекла она через долину Моорэн,

Пылью заклубилась по всем местам,
Грязью замесилась выше колен.
В это время
Абай Гэсэр удалой.
Гостил у Алма Мэргэн молодой.
На рассвете открыл он окна,
Полюбоваться на полный месяц,
Видит — небо кровью намокло,
Вместо неба — грязное месиво.

По времени — утро,
Но темным-темно,
Абай Гэсэр мудрый
Пошире открыл окно,
Видит,
Над морем Мунхэ Манзан
Плавает кровавый туман.
Повсюду пыль заклубилась,
Повсюду грязь замесилась.
По обширной долине Моорэн
Грязь замесилась выше колен.

Вдохнул Абай Гэсэр клубящейся пыли,
Красные круги перед глазами поплыли,
За стенку держась, на улицу вышел,
Собственной смерти голос услышал.
Тумана красного Гэсэр надышался,
Собственной смерти он показался,
Показался он предкам, давно умершим,
Показалось время ему уменьшенным.
А в глазах в это время
Огнем горит,
А в голове в это время
Болью болит.
Железный обруч принесите,
Гэсэр говорит,
На голову натяните,
Он боль утолит.
Но от обруча, от железного,
Голова болит сильнее прежнего.

Тогда
К Тумэн Жаргалан Гэсэр прискакал,
И Тумэн Жаргалан он так приказал:
— Ты послушай меня, Тумэн Жаргалан,
Поднимись-ка ты на небо за тринадцать стран,
В самую верхнюю страну небесную,
Отыщи там книгу чудесную,
Эту книгу почитай, полистай,
Полистав-почитав, поточнее узнай:
По какой это причине
Я пыли злой надышался,
По какой это причине

Я собственной смерти показался.
По какой это причине
У меня голова болит,
И какое лекарство мою боль утолит.

Ни минуты не мешкая, Тумэн Жаргалан,
Наверх поднялась за тринадцать стран,
В страну верховную, в страну небесную,
Отыскала там книгу чудесную.
Материнскую книгу она открыла,
Светлые очи в книгу вперила.
Красивым пальчиком по строчкам водит,
Нужное место в книге находит.
Увидев строчки, она читает,
Читая строчки, все понимает.
Содержится в книге той указание,
Что только тогда спасенье придет Гэсэру,
Если свою Тумэн Жаргалан в изгнание
Отправит он к дьяволу Абарга Сэсэну.
А если жену свою не выгонит,
От болезни он не излечится.
Так сказала книга великая,
Материнская книга, извечная.

Опечалилась Тумэн Жаргалан,
Прочитавши о сути дела,
И на землю грешную, сквозь туман
Светлой звездочкой полетела.

Вверх посмотрит она — плачет горестно,
Вниз посмотрит она — страшно, боязно.
А внизу ее Абай Гэсэр дожидается,
Голова его болит, разрывается.

Вот предстала перед ним Тумэн Жаргалан,
Его надежда, его посланница.
Смотрит в очи ему Тумэн Жаргалан,
Смотрит в очи ему и кланяется.
Все, что в книге она прочитала,
Без утайки пересказала.
Что содержится там указание:
Лишь тогда спасенье придет Гэсэру,
Если ее самое в изгнание
Он отправит к дьяволу Абарга Сэсэну.
А если жену свою не выгонит,
От болезни он не излечится...
Так сказала книга великая,
Материнская книга, извечная.

Нахмурился удалой Абай Гэсэр,
Мысли его мрачны,
Тяжело у него на сердце,
Жаль ему молодой жены.

Так они дружно жили,
Так друг друга любили,
Такая она послушная,
Такая великодушная,
Такая она разумница,
Такая она красавица...
Лучше уж смерть-разлучница,
Чем такое предательство.

Отдать ее добровольно,
Отослать к Абарга Сэсэну...
Разве это не больно
Гордому Абаю Гэсэру?

— Лучше я от болезни сдохну,—
Говорит он своей жене,—
Чем от позора сохнуть
В разлуке тебе и мне.

То, что сказал он мудро,
Может быть трое знали.
Но все это ранним утром
Уж сто человек повторяли.
А к вечеру друг от друга
Знала уж вся округа,
Знали уж все селенья
Абая Гэсэра решение.
При решении таком отчаянном
Загоревал народ, запечалился.
Жалко им,
Что Гэсэр от болезни умрет,
Но жалко им,
Что жена в изгнание уйдет,
Золоченого дворца — украшение,
Всем суровым сердцам — укрощение.

В это время
Тумэн Жаргалан, о муже скорбя,
Свое решение приняла про себя.

Где бы ни жить — все равно дышать,
Где бы ни быть — под небом ходить.
Меня страдания не страшат,
Как в книге написано — тому и быть.
Стала она тайком, понемногу
Собираться в дорогу.

Небо, — говорят, — знает,
Земля, — говорят, — болтает,
Земля, — говорят, — слухом полнится,
Гэсэр лежит, не беспокоится,
Гэсэр лежит и болеет,
А народ Тумэн Жаргалан жалеет.

Узнали день ее отъезда,
Узнали час ее отъезда,
Толпами ко дворцу валят повсеместно.
В последний раз на нее взглянуть,
В далекий путь ее проводить,
На прощанье ободрить как-нибудь,
Словами прощальными наградить.

Значит,
Не только мужчина весь в тревожных замыслах,
Значит,
И женщина вся в ожидании утомительном.
Оказалась Тумэн Жаргалан и жалостливой,
Оказалась Тумэн Жаргалан и решительной.
Безногих за ней на руках несут.
Слепых за ней поводыри ведут.
Провожая ее, бежит народ,
Руки тянутся к ней со всех сторон:
За одежду ее хватаются,
С царицей своей прощаются.
Плачет народ, прощаясь с нею,
Ожерелье она рвет с лебединой шеи,
Ожерелье она рвет тройное,
Рассыпает его над толпою.
Рассыпает горстями жемчуг,
Да слова прощальные шепчет.
Рассыпает она все сразу,
Изумруды, лалы, алмазы,
Только тот остается алмаз,
Что висит на реснице у глаз.

Люди ползают на коленях,
Собирают они каменья.
Люди ползают среди пыли,
Про царицу они забыли.
А она в это время ловко
Обернулась красной лисой,
Обернулась лисой-плутовкой
И исчезла среди лесов.
В миг, когда в лису превратилась,
На три видимости удалилась.
Во второе мгновение ока
Оказалась в стране далекой,
Но в стране той, чужой и дальней,
Приняла она вид нормальный.
И пешком в виде странницы бедной
По дороге пошла она.
Без еды идет, без обеда,
Без ночлега идет, без сна.
Где одна страна вдруг кончается,
Там другая страна начинается.
С каждым днем вокруг все темнее,
С каждым днем вокруг холоднее.

Очень сильно она голодала,
Очень сильно она страдала,
Очень сильно она измучилась,
Очень сильно она устала.
Стало солнце ее просвечивать,
Все точеные косточки видно,
Лунный свет стал ее просвечивать,
Даже тени ее не видно,
Но живая шла, не умершая,
И душа ее не уменьшилась.
Кровь струится в ней, как и прежде,
Сердце бьется в ней, как и прежде,
В этом сердце живет надежда.

Из далеких чуждых пределов,
Шепчет, шепчет жена Гэсэру:
— Уж ты витязь, могучий витязь,
Хорошо, что меня не видишь,
Далеко ушла, а есть мне нечего,
Даже солнце меня просвечивает.
Стала тонкой я, как тростиночка.
Стала легкой я, как былиночка.
Только сердце бьется, как прежде,
Только в сердце живет надежда.
По небесному указанию,
Как священная книга велит,
Ухожу я в это изгнание,
Но уход мой тебя исцелит.
Наберешься опять ты силы,
Станет все, как и прежде было,
И баторы твои и луки.
Ты возьмешь оружие в руки.

Не забудь ты тогда меня,
Оседлай своего коня,
Злые силы все победи,
И меня ты освободи.

Так бредет она вдаль, качается,
Куда ветер холодный дует,
Вниз посмотрит она — печалится,
Вверх посмотрит она — горюет.
Назад посмотрит — вороны вьются,
Вперед посмотрит — слезы льются.
Из правого глаза слезинка — кап!
Образовался великий светлый Байкал.
Из левого глаза слеза слетела,
Образовалась великая светлая Лена.
Так идет Тумэн Жаргалан
Среди туманных, холодных стран,
А на шее у нее,
На шелковой тесьме,
Мудрой бабушки Манзан Гурмэ

Серебряный талисман.
С гибко-нежной шеи она талисман снимает,
В бело-нежной руке она его держит,
Наговоры над ним начинает,
Заговорные слова шепчет:

«Талисман мой, серебряный талисман,
Подарок бабушки Гурмэ Манзан,
Окажись сейчас не у меня в руке,
А окажись сейчас от меня вдалеке.
Окажись ты, мой серебряный талисман,
В далекой и милой земле Хатан,
На берегу широкого моря Мунхэ,
А не у меня в руке.
Окажись, где вода,
Которую я в детстве пила.
Окажись, где земля,
На которой я в детстве жила.
Ты, которого держит моя рука,
Проберись на дно глубокого сундука.
Среди моих одежд притаись и лежи,
Родную сторонку мне покажи».

После этого серебряный талисман,
Что был ей дороже всех,
Изгнанница Тумэн Жаргалан
Высоко подбросила вверх.

После этого
Идет она дальше,
Но не так тяжело, как раньше.

Идет она,
Голода уж не чувствуя,
Идет она,
Усталости уж не зная.
Оглянувшись назад — о, чудо!
Позади вся страна родная.
Великое море синееется,
Ходит белыми волнами.
Долина Хатан виднеется,
Цветущими травами полная.
Леса, как шкура бобровая,
Под солнцем переливаются,
Лежит вся земля, как новая,
Реки по ней извиваются.

Слышатся там
Голоса людей.
Слышится там
Ржанье коней.
Слышится там
Крик петухов.

Слышится там
Мычанье коров.

Отвела Тумэн Жаргалан
Прощальный взгляд от родной страны,
Вперед поглядела она, а там
Холмы стоят все черным-черны.
Темно впереди и пустынно,
Мертво впереди и постыло.
В пустоту, в темноту, в черный туман
Переступила черту Тумэн Жаргалан.
Сердце ее за тонкими ребрами
Бьется трепетно, бьется робко.
Вниз она посмотрит — печалится,
Вверх она посмотрит — горюет.
Как былинка она качается,
Куда ветерок подует.

Остановилась, прежде чем сделать шаг,
И про себя подумала так:

«Если буду такой я слабой,
Пропаду у дьявола черного,
Я ж — царица, не просто баба,
Стану хитрой я, упорной.
Быть не время нежной да трепетной,
Время сильной быть и умелой...»
Сразу мысли ее стали крепкими,
Сердце сразу окаменело.
И тогда уж в туман и мрак
Она сделала новый шаг.
Под ногами ее то глина,
То пески бесплодно-сыпучие,
Впереди ее то долина,
То лесная чаща колючая.
Сквозь чащобу она продирается,
Вглубь чужой земли пробирается.
Вот на низменном берегу,
На зеленом большом лугу,
Птицы пестрые, как сороки,
Но размером больше быка...
Убежать — подкосились ноги,
Слева — круча, справа — река.
Испугалась она до дрожи,
И не знает куда идти:
В горы нет никакой дорожки,
Через реку брод не найти.
А сороки ее окружают,
Расклевать ее угрожают.
Угрожают ей клювы острые,
Острия железных когтей.
Вдруг верхом на сороке пестрой
Человек подлетает к ней.

Человек совершенно голый,
Прикрывает мошну ладонь.
В поводу сороку подводит,
Словно то настоящий конь.
Но ведет себя не по-хамски,
А здоровается по-хански.
Смотрит он не по-дьяволиному,
А достойно, по-соколиному.
Смотрит он на женщину весело,
Задаёт ей вопросы вежливо.
— Путь короткий ваш или длинный,
Вам какая светит звезда?
Из какой вы пришли долины,
Направляетесь вы куда?
Тумэн Жаргалан, царица,
Отвечает голому рыцарю:
— Родная долина Хатан
Тесноватой мне показалась,
Чужая долина, где пыль да туман,
Попросторнее мне показалась.
Мой муж Абай Гэсэр
Надоел мне совсем,
Больше мне нравится дьявол Абарга Сэсэн.
С ним я счастье свое найду,
Вот куда я теперь иду.

Отвечает ей голый рыцарь:
— Узнают по полету птицу,
Узнают мечты по словам,
Узнают слова по делам,
Сразу видно, что вы — царица,
Помогу я охотно вам.

Он сажает ее на сороку,
Через реку везет широкую
И высаживает на лугу,
На другом уже берегу.
Пробирается дальше странница,
Из родной стороны изгнанница.

Под ногами ее то глина,
То пески бесплодно-сыпучие,
Впереди ее то долина,
То — лесная чаща колючая.
Вот на низменном берегу,
На зеленом большом лугу,
Птицы серые, как вороны,
Но огромные, как коровы.

Испугалась царица до дрожи,
И не знает куда идти:
В горы нет никакой дорожки

Через реку брод не найти,
А вороны ее окружают,
Расклевать ее угрожают.
Угрожают жене Гэсэра
Острием железных когтей.
Вдруг верхом на вороне серой,
Человек подлетает к ней.
Он ведет себя не по-хамски,
А здоровается по-хански.
Смотрит он на женщину весело,
Задаёт ей вопросы вежливо.
— Путь короткий ваш или длинный,
Вас какая ведет звезда?
Из какой вы пришли долины?
Направляетесь вы куда?

Тумэн Жаргалан царица,
Отвечает этому рыцарю:
— Родная долина Хатан
Тесноватой мне показалась,
Чужая долина, где пыль да туман,
Попросторнее мне показалась.
Мой муж Абай Гэсэр
Надоел мне совсем,
Больше мне нравится Абарга Сэсэн.
С ним я счастье свое найду,
Вот куда я теперь иду.

Отвечает тогда ей рыцарь:
— Узнают по полету птицу,
Узнают мечты по словам,
Узнают слова по делам.
Сразу видно, что вы — царица,
Помогу я охотно вам.

На ворону ее сажает,
Через реку перелетает
И высаживает на лугу,
На другом уже берегу.

Пробирается дальше странница,
Из родной стороны изгнанница.

Под ногами ее то глина,
То пески бесплодно-сыпучие,
Впереди ее то — долина,
То — лесная чаща колючая.
Вот на низменном берегу,
На зеленом большом лугу,
Меж рекой и горами черными,
Волки серые и огромные.

Испугалась царица до дрожи,

И не знает куда идти:
В горы нет никакой дорожки,
Через реку брод не найти.

А волки серые ее окружают,
И заесть ее угрожают.
Они рыскают, они шастают,
Они с голода зубами клацают.

Обступают жену Гэсэра
Волки-чудища все плотней.
Вдруг верхом на волке же сером,
Человек подъезжает к ней.

Человек совершенно голый,
Прикрывает ладонь,
И второго волка он гонит,
Словно то настоящий конь.

Но ведет себя не по-хамски,
А здоровается по-хански,
Смотрит он не по-дьяволиному,
А достойно, по-соколиному.
Смотрит он на женщину весело,
Задаёт он вопросы вежливо.

— Путь короткий ваш или длинный,
Вас какая ведет звезда?
Из какой вы пришли долины,
Направляетесь вы куда?

Тумэн Жаргалан, царица,
Отвечает голому рыцарю:
— Родная долина Хатан
Тесноватой мне показалась.
Чужая долина, где пыль да туман,
Попросторнее мне показалась.
Мой муж Абай Гэсэр
Надоел мне совсем,
Больше мне нравится Абарга Сэсэн.
С ним я счастье свое найду,
Вот куда я теперь иду.

Отвечает ей голый рыцарь:
— Узнают по полету птицу.
Узнают мечты по словам,
Узнают слова по делам.
Сразу видно, что вы царица,
Помогу я охотно вам.

Посадил он ее на волка,
И велел держаться за холку,

Через реку ее переправил
И на том берегу оставил.

Дальше в путь она отправляется,
Путь изгнанницы продолжается.
Заходит она в страну пустынную,
Заходит она в страну постылую.
Хонин Хото была та страна,
Безводна и бесплодна лежала она.
Земля та была холодная,
Земля та была голодная,
Постоянно там было ветрено,
А травы никакой там не было,
А деревья там с корнями выдернуты,
А все там наизнанку вывернуто.
Только проскальзывая под тремя преградами,
Течет там река с тремя водопадами.

Когда Тумэн Жаргалан
Через эту землю идет,
Об этом Абарга Сэсэн хан
Особенным знанием узнает,
Белоснежного коня он седлает,
Быстроногого коня славного,
Встречать царицу он выезжает,
Где растет сосна пятиглавая,
Выезжает он в поле просторное,
Где дорога большая, торная.
Там под древней сосной,
Под пятиглавой сосной
Встретился он с царицей
Как муж с женой.

Он приветствует ее по-хански,
Он здоровается с ней по-царски.
Говорит он ей словами рыцаря:
— Узнают по полету птицу,
Узнают мечты по словам,
Узнают слова по делам.
Сразу видно, что вы царица.
Очень рад я, царица, вам.
Все ее тонкие красивые места
Он гибко обнял,
Все ее полные прекрасные места
Он плотно обнял.
Обнимая ее и в лицо ей глядя,
Правую красную щеку поцеловал,
Левую прекрасную щеку погладил.
За правую руку ее он берет,
К своему шатру тянет-ведет,
За левую руку ее он берет,
К своей постели тянет-ведет...

В это время Абай Гэсэр
С каждым днем поправляется,
В это время Абай Гэсэр
Прежних сил набирается.
В это время Абай Гэсэр
С постели своей встает-поднимается.
Снова жизнь для него начинается.
Смотрит он на себя —
Сильнее и лучше стал,
Возвратилось к нему его могущество.
Мужчина, родившись, думает,
Кто для него находкой будет,
Женщина, родившись, думает,
Для кого она находкой будет.

Мужчина, родившись, думает,
Что захватывать будет,
Женщина, родившись, думает,
Кем захвачена будет.

Так решивши в ту пору,
И сил набираясь день ото дня,
Приказал он баторам
Приготовить коня.

Травы наедался конь
На двадцати алтайских пастбищах.
Сил набирался конь
На двадцати горных зеленых склонах.

По крупной гальке Бэлыгэна водят,
Чтобы черные его копыта крепкими были.
По черному льду Бэлыгэна водят,
Чтобы круглые его копыта никогда не скользили.
К ветру мордой
Заставляют его стоять,
Ветер горный
Заставляют его вдыхать,
Мордой к вихрю летящему
Заставляют его стоять.
Вихрь крутящийся
Заставляют его вдыхать.
Ключевой водой
Из чашки его напоили.
Живой травой
Из горсти его накормили.
По горным местам его водят,
Чтобы на сокола был похож,
По ровным местам его водят,
Чтобы на ястреба был похож.

Проделав все это,
Шелковый потник на Бэлыгэна накидывают.

Закончив все это,
Вогнуто-серебряным седлом Бэлыгэна сядают,
Пластинчато-серебряным подхвостником круп обтягивают,
Сплошным серебряным нагрудником грудь обхватывают,
С десятью пряжками подпругой коня перетягивают,
С десятью язычками ремнем его засупонивают.
Краснодеревый кнут под седло продевают,
Полукруглый повод на луку седла набрасывают.
Все снаряжение к коню прилаживают,
Вокруг коня удовлетворенно похаживают.
К расписанно-серебряной коновязи
Коня привязывают,
О полной готовности коня
Абаю Гэсэру сказывают.

После этого,
Сшитые из семидесяти лосиных кож
Замшевые черные штаны
Гэсэр натягивает.
Сшитые из мягких тюленьих кож
Облегающие черные унты
Ступнями ног растягивает.
Ярко-шелковую накидку — дэгэл,
Для сражений-битв предназначенную,
На плечи накидывает.
Семьдесят сверкающих пуговиц
Силой пальцев своих
Снизу вверх застегивает,
Сплошной серебряный десятисаженный кушак
Вокруг себя опоясывает.
Его оставшиеся концы
Аккуратно с боков запихивает.
После этого
Водами семидесяти дождей не промоченные,
Остриями семидесяти стрел не пробитые
Угольно-черные доспехи на спине, на груди укрепляет.
Серебряный, длинный,
Величиной с речную долину,
Боевой колчан на правый бок прикрепляет.
Узорно-серебряный, боевой,
С косое поле величиной
Налучник на левой бок подвешивает.
О белые кости не ломающийся,
В горячей крови не размягчающийся
Державно-булатный меч на левом боку нацепляет.
Семьдесят пять стрел
Плотно за спиной закрепил,
Девяносто пять стрел
Веером расположил,
Так что
В холод от них теплее будет.
Так что

В жару от них прохладнее будет.
Похожую на копну травы,
Соболиную шапку на себя надевает.
Похожую на пучок травы,
Кисточку на шапочке поправляет.
Звездно-белый шлем надел на голову,
Стал похож на большую гору,
То не солнце сверкает,
То не дуб листвою шелестит,
То Гэсэр в боевых одеждах стоит.

И оделся Гэсэр и обулся,
Перед зеркалом с дверь величиной повернулся,
Все пылинки со складок дэгэла сдувая,
Перед зеркалом с потник величиной повернулся,
Все соринки со сгибов унтов счищая,
И еще и еще раз Гэсэр огляделся:
Хорошо ли обулся-оделся.

А оделся он так,
Что никакой меч его не возьмет,
Снарядился он так,
Что никакая стрела его не пробьет.
Укрепился он так,
Что никто его одолеть не сможет,
Не повалит и не положит.

После этого,
Чтобы голода не чувствовать десять лет,
Рот себе паучьим жиром смазал.
После этого,
Чтобы голода не чувствовать двадцать лет,
Губы себе червячьим жиром намазал.

В это время
Почтенный Саргал ноён,
В это же время
Почтеннейший Сэнгэлэн ноён
Пришли, чтобы в путь Гэсэра проводить,
Пожаловали, чтобы его по-родительски благословить.

В путь они его провожают,
По-родительски благословляют,
Удачи и здоровья желают.
Желаемых мест удачно достигни,— говорят.
Настигаемого врага мгновенно настигни,— говорят.
То, что искать собрался, найди,— говорят.
То, что победить собрался, победи,— говорят.
Счастье и удачу народу добудь,— говорят.
Дорогу на родину не забудь,— говорят.

После этого
Величественным движением

Открывая перламутровую дверь,
Гэсэр наружу выходит теперь.
Неторопливым движением,
Не уронив ни соринки с ног,
Перешагивает мраморный порог.
Со спокойным и красивым лицом
Выходит он из дворца на крыльцо.
Крыльцо это так устроено,
Что не слышно его под пятками.
Крыльцо это так просторно,
Что бегать бы там кобылицам с жеребятками.
Медленными движениями, без суеты,
По ступенькам серебряным, с высоты,
Ни разу на лестнице не оступясь,
Идет Гэсэр туда,
Где резная, серебряная коновязь.

Красный шелковый повод
От коновязи Гэсэр отвязал,
Конец этого повода
Он в правую руку взял,
Ногу в чисто-серебряное стремя
Со звоном он вдел,
В якутско-серебряное седло
Он прочно сел.

После этого,
У повода правую сторону натянув,
А левую сторону ослабляя,
Морду коня в нужную сторону повернув,
Он его по солнышку идти заставляет.
После этого,
Там, где стояла резная, серебряная коновязь,
Зыбким облаком красная пыль взвилась
Да за дальним крутым косогором
Красная кисточка шапки мелькнула.
Затихает вдали лошадиный скок,
Гэсэр отправился на восток.

Далеко ли, близко ли
Едет Гэсэр,
Высоко ли, низко ли
Скачет Гэсэр,
Одна дума у него в голове,
Одна забота у него на уме,
Одна печаль у него на сердце,
И некуда от этой печали деться.

Как же так получилось и вышло,
Что он голос собственной смерти слышал?

Как же могло случиться и статься,
Что он собственной смерти мог показаться?

Что же за наваждение это было,
Что его болезнь победила?

Обезумел, как видно, совсем он,
Что Тумэн Жаргалан,
Любимую, молодую жену,
Отпустил к дьяволу Абарга Сэсэну
В чуждальную, злую страну?

Все поняв,
Все происшедшее по-новому оценив,
Над этим думая неустанно,
Повернул он Бэлыгэна, гнедого коня
К владеньям Хара Зутана.

Как сокол на утку
Он летит, свистит,
Как камень жутко
Он свистит, шуршит,
Как стрела трепеща опереньем,
В свою цель впивается,
Так он у Хара Зутана на дворе
Около коновязи появляется.

Кричит он громко,
Но как будто без злости:
— Эй, дядя, ты дома?
Принимай гостя!

Хара Зутан ноён,
А душа у него, как известно, черная,
Этим криком как громом был поражен,
Двери запер проворно он.
Душа у него ушла в пятки,
Побежал он скорее прятаться.

Забился он в угол под кроватью,
Лежит и почти не дышит.
Как с Гэсэром жена разговаривает,
Он каждое слово слышит.
Разговор у них очень не длинный,
Отвечает гостью жена:
— Уехал мой муж в долину,
«Подкровать» зовется она.

Хара Зутан выскочил из-под кровати,
Больно шлепнуть жену изловчился.
Не велел он дверь открывать ей
И под войлок черный забился.

Лежит он, почти не дышит,
Но каждое слово слышит.

Голос гостя снаружи, как эхо:
— Так куда, говоришь, он уехал?

Разговор у них там не длинный,
Отвечает гостю жена:
— Муженек мой уехал в долину,
«Подвойлок» зовется она.

Тут Хара Зутан очень бойко
Сразу выскочил из-под войлока,
Больно шлепнуть жену изловчился,
И в мешок он в углу забился.

А жена на шлепки рассердилась,
Слова лишнего не сказала,
Мешок выволокла на середину,
Крепко-накрепко завязала.
Муженька своего нарочно
Завязала завязкой прочной.

Распрямилась она, прихорашиваясь,
А Гэсэр из-за двери спрашивает:
Громко спрашивает, со смехом:
— Так куда, говоришь, он уехал?

Жена, без раздумий длинных,
Отвечает под свой смешок:
— Муженек мой уехал в долину,
Под названьем «темный мешок».
Сам оттуда едва ли он вылезет,
Не поможешь ли ты его вызволить?

Открывает дверь она гостю
И впускает его в жилье,
Где в мешке, задыхаясь от злости,
Заклучен муженек ее.

Абай Гэсэр тяжелый мешок
Поближе к очагу перенес-отволол,
Ноги под себя, на мешке уселся.

У Хара Зутана и печень и сердце,
И легкие у него вот-вот
Наружу выскочат через рот.

А тетя-сестра
Племяннику рада,
И делает все как надо.
Золотой стол накрывает,
Вкусную пищу на стол выставляет.
Серебряный стол расстилает,
Прекрасную пищу расставляет.

Напитки крепкие предлагает,
Напитками светлыми угощает.
Племянник и тетя-сестра
Разговаривают с вечера до утра.
Давнее все припоминают,
О новом обо всем рассуждают,
О прежних говорят временах,
О ближних говорят племенах.
Говорят,
Пока сметана на чистой воде не настоится,
Говорят,
Пока трава на голом камне не уродится.

Абай-Гэсэр
На мешке сидит,
Хара Зутан
В мешке кряхтит.
Хара Зутан
В мешке задыхается,
Абай Гэсэр
На мешке усмехается
И к хозяйке он обращается:
— Что-то твердое в мешке
Не размягчилось ли?
Что-то крепкое в мешке
Не раздробилось ли?
Взял булатный нож и на целый вершок
Воткнул его под собой в мешок.
Нож в дядино бедро глубоко вонзился,
Дядя в мешке заорал, завозился.

Гэсэр испуганный сделал вид,
Как будто он ничего не знал
Про то, кто под ним в мешке сидит,
И мешок не мешкая развязал.
Гэсэр удивленный сделал вид,
Гэсэр озадаченный сделал вид
И дяде с почтением говорит:
— Скажи мне, дядя, что ты делаешь тут?
С каких это пор ноены в мешках живут?
Или хитрость тут какая-нибудь,
Или прячешься ты от кого-нибудь?
Или совестно, ты не чист, не бел,
Или ты наделал-таки черных дел?

Хара Зутан от стыда краснеет,
Слово сказать и то не смеет.
В глаза Гэсэру он не глядит,
Сторонкой выскользнуть норовит.

Но Гэсэр Хара Зутана опередил
И дорогу ему решительно загородил.

Загородил ему дорогу славный батор:
— Есть у меня к тебе, дядя, небольшой разговор.
Дело в том,
Что моя жена, а твоя невестка,
Не знаю кем и за что в отместку,
Выслана к дьяволу Абарга Сэсэн,
Пропадет она там совсем.
Мы должны с тобой отправиться вместе,
Чтобы распутать хитроплетения мести,
Чтобы мою жену, а твою невестку,
Отбить, отнять, возвратить на место.

Как лист осенний
Хара Зутан задрожал
И куда-то в сени
Стремглав убежал.
Но Гэсэр его, конечно, нашел,
Приподнял, встряхнул и в чувство привел.
Приказал ему, спокойствие сохраняя,
Чтобы готовил
Стрельчато-синего коня,
Чтобы одежду надел
Для военных походов хранимую,
Чтоб доспехи надел
В богатырских походах носимые.
Чтоб оружие взял,
Какое в бою подобает,
Чтобы слово сказал,
Какое в бою помогает.
На дядю своего племянник покрикивает,
Дядю своего Гэсэр поторапливает.
Дядя, неохотно снаряжаясь, побрякивает,
Улизнуть бы куда поглядывает.

Но все же вынужден был
Одеться и снарядиться,
На улицу вышел,
На коня он садится.

А Гэсэр удалой уже на коне,
В красивых одеждах, в драгоценной броне.
Все оружие при нем, вся отвага при нем,
Глаза горят удалым огнем.
Поводья направо он натянул,
Бэлыгэна-коня на восток повернул.
Едут они вместе,
За женой и невесткой,
Племянник и дядя,
Друг на друга не глядя.
Едут они
Близко ли, далеко ли,
Скачут они
Низко ли, высоко ли.

Кони скачут устало,
Да и поесть уже хочется.
Время ночлега настало,
Начинают они охотиться.
Абаю Гэсэру мудрому удалось:
Сороку пеструю подстрелил
И жалкую птицу в тушу лося
Своим волшебством превратил.
Подбросил ее, на поляну выйдя,
Чтобы дядя тушу увидел.

Хара Зутан находке обрадовался,
Обеими руками в находку вцепился.
Абай Гэсэр едет рядом,
Хара Зутан похвалился:
— Видишь, как находчив я и умен,
Какого лося добыть сумел.
— Да,— Гэсэр говорит,— ты зорек и меток,
Наверное, дашь мне мяса отведать.
Хара Зутан пожадничал, укорил:
— Где это видано, чтобы старик молодого кормил.
На чужой кусок,
Мой внук, не гляди.
Путь далек,
Все впереди.
Еще не скоро до темноты,
Кого-нибудь подстрелишь и ты.

Абай Гэсэр удалой
В сторонку отъехал тихо,
Одной хангайской стрелой
Свалил лося и лосиху.
Спешились всадники,
Коней расседлали,
Проголодавшись за день,
Ужин готовить стали.
Серо-красный костер разложили,
Так, чтобы не раздувал его ветер.
Разделив, где мясо, где жилы,
Добычу свою насадили на вертелы.

У Абая Гэсэра сочное
Лосяное мясо готово до срока,
А у Хара Зутана ссохлось,
Превратилось опять в сороку.

У Абая Гэсэра
Все вкусные кости уже обглоданы.
Все сочное мясо съел он,
А Хара Зутан страдает от голода.
До утра не уснул он,
Слюнка течет,
Живот подтянуло,

Все ребра — наперечет.
С черной душой
К водопою идет,
Голодный и злой
Коней ведет.
В желудке у него ноет,
Вокруг Гэсэра он заискивающе похаживает.
А Гэсэр руки от мяса моет,
Волосы руками приглаживает.
Те кости, что Гэсэр в сторону отбрасывает,
Хара Зутан хватает, обсасывает.
Внутренности от лося и лосихи
В рот торопливо запихивает.
— Что это с тобой, дядя,—
Говорит Гэсэр, на Хара Зутана насмешливо глядя.—
Ты голоден, как я вижу,
Тебе поесть не пришлось,
А где же твоя добыча,
Где же вчерашний лось?
Если в походе,— говорит Гэсэр,— голодать,
Ни удачи, ни счастья никогда не видать.
Голод в походе не помогает,
Воин от голода изнемогает.

После этого
Абай Гэсэр допил и доел,
Остатки еды побросал в огонь,
К коню подошел, в седло он сел,
Тронул повод и взвился конь.
Поехали дальше, поехали рядом
За Тумэн Жаргалан племянник и дядя.
Едут они
Далеко ли, близко ли,
Скачут они
Высоко ли, низко ли.
Вот уж кони скачут устало,
Да и поесть уже хочется.
Время ночлега настало,
Начинают они охотиться.
Абаю Гэсэру удалось,
Ворону серую подстрелил,
Волшебством своим в тушу лося
Он ворону тощую превратил.
Положил, на поляну выйдя,
Чтобы дядя ее увидел.

Хара Зутан в находку вцепился,
Перед Гэсэром он похвалился:
— Видишь, как я находчив, умел,
Какого лося добыть сумел.

— Да,— Гэсэр говорит,— ты очень меток,
Наверное, дашь мне мяса отведать.

Хара Зутан пожадничал, укорил:
— Где это видано, чтобы старик молодого кормил.
Еще не скоро до темноты,
Кого-нибудь подстрелишь и ты.

Говорит он угрюмо и холодно:
— Не умрешь, чай, племянничек, с голоду.

Абай Гэсэр удалой
В сторонку отъехал тихо
И одной хангайской стрелой
Свалил лося и лосиху.

Спешились всадники,
Коней расседлали.
Проголодавшись за день,
Ужин готовить стали.

Серо-красный костер разложили,
Так, чтобы не задул его ветер.
Разделив где мясо, где жилы,
Насадил добычу на вертелы.

У Абая Гэсэра сочное
Лосиное мясо жарится,
А у Хара Зутана все ссохлось,
Превратилось в ворону жалкую.

Всю ночь до утра не уснул он,
Слюнка течет,
Живот подтянуло,
Ребра — наперечет.
В желудке у него ноет,
Вокруг Гэсэра он заискивающе похаживает,
А Гэсэр руки от мяса моет,
Волосы руками приглаживает.
Те кости, что Гэсэр в сторону отбрасывает,
Хара Зутан хватает, обсасывает.
Внутренности от лося и лосихи
В рот торопливо запихивает.

С черной душой
К водопою идет,
Голодный и злой
Коней ведет.
— Что это с тобой, дядя? —
Спрашивает Гэсэр, насмешливо глядя, —
Ты голоден, как я вижу,
Тебе поесть не пришлось.
А где же твоя добыча,
Где же вчерашний лось?
Если в походе голодать,

Удачи никогда не видеть.
Голод в походе не помогает,
Воин от голода изнемогает.

После этого
Абай Гэсэр допил и доел,
Остатки еды побросал в огонь.
К коню подошел, в седло он сел,
Тронул повод — и взвился конь.
Едут они дальше среди чистого поля,
Чтобы Тумэн Жаргалан вызволить из неволи.
Едут они
Далеко ли, близко ли,
Скачут они
Высоко ли, низко ли.

Когда Хара Зутан отвернулся,
Абай Гэсэр с седла перегнулся,
На скаку схватила его рука
Гладкий камень величиной с быка.
Ради мести и торжества,
Силой особенного волшебства
Превратил он камень в маленький талисман,
Что носила на шее Тумэн Жаргалан.
Бросил он камень среди дороги,
Хара Зутана коню под ноги.
Лежит талисман на дороге, светел,
Хара Зутан талисман заметил.
Схватил он находку, в руке зажал,
От великой радости завизжал:
— Смотри,— кричит,—
Что нашел я среди камней,
Любимый талисман жены твоей.
Значит по этой дороге она прошла,
На этом месте она была.
Значит мы с тобой на верном пути,
Значит мы ее должны найти!

Отвечает Гэсэр, зло затая:
— Догадка, дядя, верна твоя.
Конец у нитки найти ты смог,
Распутается постепенно и весь клубок.
Но я тебе, дядя, вот что скажу,
Я тебя, дядю, вот о чем попрошу:
Теперь, когда уж ясна дорога,
Возвращайся ты, дядя, к родному порогу.
Моя жена, моя и нужда,
А тебе война — не нужна.
Зачем тебе Абарга Сэсэн,
Он тебе не нужен совсем.
Поэтому, спутник надежный мой,
Возвращайся-ка ты к себе домой.

Да не потеряй, смотри, талисман
Жены моей Тумэн Жаргалан.
Где тебе его схоронить,
Чтобы до конца пути сохранить?
Положишь за щеку,
Забудешься — выплунешь.
Положишь за пазуху,
Забудешься — вытряхнешь.
Чтобы не потерялся он ни днем, ни во сне,
Давай привяжем его к спине.

Взял Гэсэр ремешок,
Если надо, удлиняющийся
На сто сажень
Взял он ремешок,
Если надо, сжимающийся
В одну сажень.
Взял ремешок
Плетеный, белый,
Небольшой узелок
На ремешке сделал,
Талисман к ремешку приладил,
Привязал его к спине дяди.

А пока прилаживал,
Приговаривал.
А пока привязывал,
Заговаривал:
— Гладкий, маленький талисман,
Во время дядиного пути,
Опять большим и тяжелым стань,
Чтобы тебя не сдвинуть, не унести.
Маленький и хороший,
Стань неподъемной ношей.—
Так он камешек к спине привязал,
Такие он камешку слова сказал.

После этого
Хара Зутан домой возвращается,
Абай Гэсэр вдаль отправляется.
Хара Зутан не горевал, не грустил
(Душа у него, как известно, черная),
Что Гэсэр его домой отпустил,
На коня он вскочил проворно.
Налево поводья он потянул,
По левому боку коня стегнул,
В сторону запада повернул.
Поговорили они с Гэсэром спокойно,
Попрощались они достойно.
Прежде чем разъехаться круто,
Поговорили они о здоровье друг друга.
И расстались среди чистого поля,
У каждого — своя доля.

Не успел Хара Зутан от места отъехать,
Как понял, что ему не до смеха.

Понял он, насколько он туп,
Понял он, насколько он глуп.
Не успел он проехать четверть пути,
Камень за спиной начал расти.
На спину давит, назад тянет.
Конь вот-вот совсем станет.
Сделался камень величиной с быка,
Царапает спину, трет бока.
Халат протер, мясо дерет,
Мясо дерет, до костей достает.

Вперед наклонится Хара Зутан,
Камень его к луке прижимает.
Назад откинется Хара Зутан,
Камень держать сил не хватает.

Едет он так ли, сяк ли,
Взад и вперед качается,
Силы его иссякли,
Уменье его кончается.

В просторах белого поля,
У белой березы старой,
Сил не имея более,
На бок клониться стал он.

На землю с коня свалился,
В землю носом зарылся.
Лежит он, не трепыхается.
А вокруг народ собирается.
Смотрят: пока еще дышит,
Но слов никаких не слышит
И сам ни словечка не скажет.
Развязали ремень в сто сажен.
Камень, чернее ворона,
Сообща отвалили в сторону.

Посадили Хара Зутана опять в седло,
Привязали Хара Зутана, чтобы он не упал,
И, наказанный за свершенное зло,
К дому поплелся Хара Зутан.

Абай Гэсэр,
Хара Зутана домой отправив,
Действовать стал решительно и правильно.
Первым делом,
В самом начале дня
Оседлал он Бэлыгэна,
Своего гнедого коня,
С крепким горячим телом,

С лоснящейся гладкой шерстью,
С легкими, прочными костями,
С нескользящими копытами,
С неустоляющейся спиной,
С туловищем в тридцать шагов длиной,
С зубами в три пальца,
С ушами в три четверти,
С хвостом в тридцать локтей,
С гривой в тридцать аршин,
С седлом и уздечкой в серебре,
Копытами молнии высекая,
Из черных глаз испуская огонь,
Встал перед ним волшебный конь.

Чудесного сказочного коня
За красный шелковый повод схватив,
В звенящие серебряные стремяна
Точно и прочно вступив,
В якутское серебряное седло
Надежно и крепко сел
Великий батор Абай Гэсэр.

После этого,
У поводка правую сторону натянув,
А левую сторону ослабляя,
Морду коня в нужную сторону повернув,
Он его по солнышку идти заставляет.
Застучал по камням лошадиный скок,
Они поехали на восток.

Тихо-тихо рысят,
Камни из-под копыт,
Как маленькие поленья вылетают.
Быстро-быстро летят,
Камни из-под копыт,
Как большие чураки вылетают.
Все, что стелется по земле,
Начинает шевелиться, раскачиваться.
Все, что возвышается на земле,
Начинает содрогаться и сотрясаться.
Высокие горы дрожью дрожат,
Тяжелые скалы дребезгом дребезжат.
Широкое море начинает плескаться,
Мелкие камни по ветру летят.
Абай Гэсэр душой отвердел,
Абай Гэсэр сердцем окаменел.
Скачет он сквозь холод и зной
За молодой и любимой женой.
Скачет он и зимой и летом,
То в меха, то в шелка одетый.
Время зимнее настает,
Шапку лисью Гэсэр достает.

Сорока стрекочет, зима продолжается,
В лисьей шапке Гэсэр в седле качается.
Ветры дуют, снега метут,
Вокруг носа и рта льдинки растут.

Жаворонок вьется — начало лета,
Едет Гэсэр легко одетый.
Шелковый халат на груди он распахивает,
Кнутом тамарисковым он помахивает.
Легкий халат на груди распахнут,
Цветы вокруг качаются, пахнут,
Летний халат на груди расстегнут,
Над долиной — гусиный клекот.
Распускают трели свои
Голосистые соловьи.
А с лица,
Где были сосульки да лед,
Горячий пот ручейками льет.

Рукава у Гэсэра закатаны,
Полы у Гэсэра за пояс заткнуты,
Провожают его закаты,
Золотого родного запада.

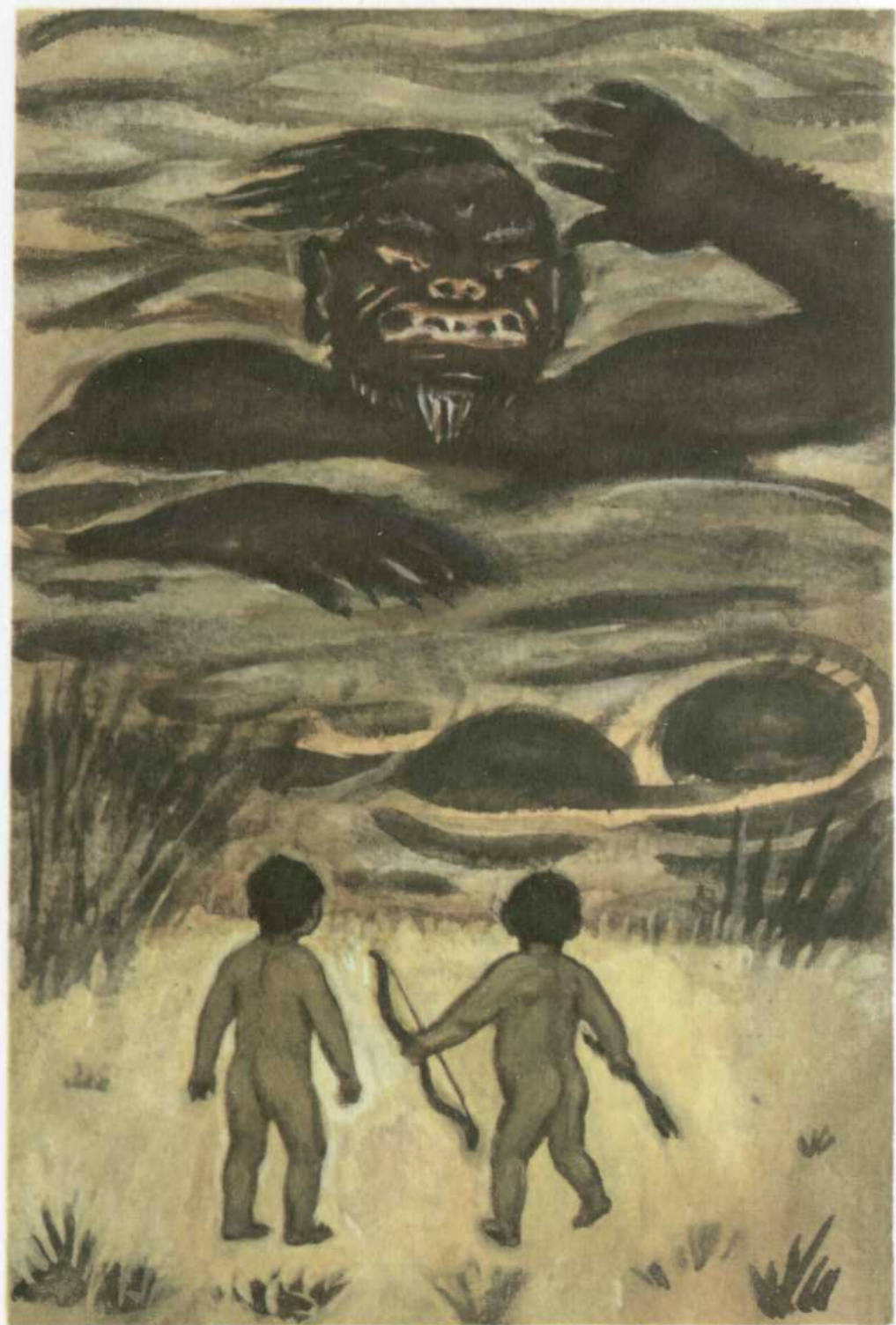
Чуть направо коня повернул он,
Тридцать три долины под конем промелькнуло.
Чуть налево он коня направляет,
Тридцать три горы под конем пролетает.

Вот родная земля кончается,
Вот чужая земля начинается.

Вдруг на низменном берегу,
На зеленом большом лугу,
Где налево горы высокие,
А направо течет река,
Птицы пестрые, как сороки,
Но размером больше быка.
Абай Гэсэр в стремях привстал,
Сорочье племя как пух разметал.

Едет дальше Гэсэр, озирается,
В глубь чужой земли забирается.
Вдруг на низменном берегу,
На зеленом большом лугу,
Где налево — гора высокая,
А направо — река широкая,
Птицы серые, как вороны,
Но огромные, как коровы.

Абай Гэсэр в стремях привстал,
Воронье племя как пух разметал.

Дальше едет Гэсэр, озирается,
В глубь чужой земли забирается.

Вдруг на низменном берегу,
На зеленом большом лугу,
Меж рекой и горами черными,
Волки серые и огромные.
Они рыскают, они шастают,
Они с голода зубами клацают.

Абай Гэсэр в стременах привстал,
Серых волков на пух разметал.
После этого
Взмахнул он своим кнутом
С тамарисковым черенком,
С восемнадцатью узелками,
Хлестнул он коня по правому боку,
Взвился конь над землей высоко,
И в один прыжок оказался у стен,
Где живет во дворце Абарга Сэсэн.
После этого
Выпускает Гэсэр на ладонь
Тринадцать своих волшебств,
Заставляет бегать по пальцам
Двадцать три своих волшебства,
Заговорные произносит слова.

Коня гнедого Бэлыгэна,
С крепким, горячим телом,
Заколдовал Гэсэр и заморозил.
Превратился большой и сильный конь
В кресало, которым высекают огонь.
Кресало Гэсэр в карман положил.
После этого взял Абай Гэсэр
Красный заговоренный камень.
Этот крепкий камень в крошки, вдрызг
Белыми зубами Гэсэр разгрыз.
Крошки по небу синему разбросал,
На землю напустил нестерпимый жар.
Конский помет до стука спекается,
Деревья сами собой загораются.
Ни дождей на земле, ни ручьев, ни луж,
Началась на земле великая сушь.

После этого
Взял Гэсэр маленький игрушечный лук из ивы,
Взял он игрушечную стрелу из липы,
Лук этот был — не лук — хворостинка,
Стрела эта была — не стрела — лучинка...
После этого
Превратил Гэсэр себя в двух играющих мальчиков.
На берегу моря голышами играть они начали.

В охотников малыши играют,
Из игрушечного лука стреляют.

А между тем, мангадхай Абарга Сэсэн
В жилище своем изнемогает совсем.
— Никогда,— говорит,—
Такой жары у нас не бывало.
Никогда,— говорит,—
Такой беды земля не знавала.
Я и сам никогда
Такой жары не знавал,
От жары никогда
Не страдал и не изнывал.
А теперь не знаю куда деваться,
Пойду я к желтому морю купаться.

В великое желтое море он бултыхнулся,
В прохладную воду с головой окунулся.
Он купается, окунается,
Кувыркается, наслаждается.
От такого купанья море вздыбилось,
Из берегов наполовину вылилось.

Вдруг увидел он двух мальчишек играющих,
Из игрушечного лука лучинкой стреляющих.
Настроение у него хорошее, все ему нравится,
Решил он с мальчишками позабавиться.
На отлогий берег он из моря вылезает,
Играющих мальчиков к себе подзывает.

— А ну-ка,— говорит,—
Посмотрим, каковы вы стрелки.
Проверим меткость глаза и верность руки.
Мужчина должен быть метким,
Мужчина должен быть крепким,
Мужчина должен батором стать,
Уметь бороться, уметь стрелять.

Кладу я себе на голову конский катыш,
Ты, малыш, или ты, крепыш,
Кто из вас стрелой в катыш попадет
И с моей головы его сшибет?

Один мальчик говорит:
— Да ведь лук-то наш из ивы,
А стрела наша — лучинка из липы.
Другой говорит:
— Да ведь лук-то наш кривенький,
Он ведь для игры понарошке устроенный,
И стрела-то у нас вся кривенькая,
Вдруг да полетит она в сторону.
Вдруг она попадет вам прямо в глаз,

Ведь вы, наверно, накажете нас.
Абарга Сэсэн ухмыльнулся,
Абарга Сэсэн усмехнулся.
— В глаз вы мне попадете или в рот,
Ваша стрела меня не убьет.
Не бойтесь,
Стреляйте в полную силу,
Посчитаем, что блоха меня укусила.

Мальчишки немного поторговались —
Кому первому из лука стрелять.
Мальчишки немного попрекались
Кому из них первому стрелу пускать.
Наконец один из них решается,
С духом он собирается,
Выступает на шаг вперед,
Лук со стрелой берет.

Берет он лук из жиденькой ивы,
Берет он стрелу из слабенькой липы.
Стрела у него — не стрела, а щепка,
Но в пальцах ее зажал он крепко.
Над стрелой он шепчет и причитает,
Стрелу напутствует, заклиняет.
Причитает он,
Пока синий дым не появляется,
Заклинает он,
Пока пламя не загорается.

— Ты лети, стрела,
Метка и остра,
Попади не в дерево, не в сучок,
Абарга Сэсэну — в правый зрачок.
Ты не будь, стрела, смертоносной,
А будь ты в зрачке занозой.
Занозой острой, занозой цепкой,
Окажись в зрачке, стрела-щепка.

Силой плеча он лук натянул,
Силой пальцев он тетиву зашипнул.
От большого пальца
Крепость стрела получила,
От указательного пальца
Меткость стрела получила.

Стрела летит,
Тетива звенит.

И вот уж она, остра и метка,
Занозой торчит посреди зрачка.

Что случилось,
Абарга Сэсэн понял не сразу,
Словно муха укусила,
Хлопнул он себя ладонью по глазу.
От этого маленькая стрела
Еще глубже в зрачок вошла.

За мальчишками сначала он погнаться хотел,
Но от боли вдруг заорал, заревел,
Один глаз глядит, а другой кривой,
Побежал он скорее к себе домой.
Не до мальчишек ему теперь,
Никак не нашарит руками дверь.
— Скорей! —
Кричит он Тумэн Жаргалан, —
Мне глаз занозил стрелой хулиган.
На кровать он падает, корчится,
Под себя он от боли мочится,
Зажимает он глаз ладонью,
Глаз сочится водой и кровью.

— Скорей! —
Кричит он Тумэн Жаргалан, —
У меня в глазу кровавый туман.
Помоги мне, ведь больше некому,
Подними мне правое веко,
Из зрачка ты занозу вытащи,
И ее ты, заразу, выброси.

Взялась Тумэн Жаргалан
(Ведь больше некому),
Подняла мохнатое веко,
Поглядела, а там не заноза засела,
А хангайская стрела Абая Гэсэра!
Узнала Тумэн Жаргалан стрелу,
Поняла, что дело идет к добру.
Значит и Гэсэр где-то рядом,
Если стрела его появилась.
Очень она обрадовалась,
Очень развеселилась.
Говорит она Абарга Сэсэн дьяволу
Словами притворными, ложными:

— Ах, занозу эту руками
Вытащить невозможно,
Глубоко она очень засела,
Не за что зацепиться.
Далеко зашла она в тело,
Не за что зацепиться.
Далеко зашла она в тело,
Не за что ухватиться.
Я гляжу, не легче ли было б
Ее вытащить через затылок.

Мы давай с тобой молоток возьмем,
И занозу ту в глубину забьем,
Как с другой стороны она вылезет,
Мы ее обязательно вызволим.

Говорит она — как жалеет,
Говорит она — как лелеет.

Думает Абарга Сэсэн
Со стрелой в глазу правом:
А может и правда?
Да кроме того от дикой боли
Потерял он разум, потерял он волю.
— Молотком колотите,
Делайте что хотите,
Но помогите, помогите,—
Вот как Абарга Сэсэн орет.
А Тумэн Жаргалан свою линию гнет.
— Чтобы занозу вытащить ловче,
Надо надеть на голову три железных обруча,
Но ведь когда буду я занозы касаться,
Ты начнешь беситься, а то и кусаться.
Поэтому, должна я прямо сказать,
Лучше тебя ремнями связать.
Свяжу я тебя ремнем,
Растягивающимся на тысячу сажен,
Будешь лежать ты в нем
Ради леченья связан.

Скручу я тебя ремнем,
На тысячу сажен развернутым,
Будешь лежать ты в нем
Ребенком спеленутым.
Опутаю тебя я ремнем,
Плетеным, старинным,
Будешь лежать ты в нем,
Пока я занозу выну.

Абарга Сэсэн от боли
Потерял и разум и волю.
— Молотком колотите,
Ремнем вяжите,
Делайте что хотите,
Но — помогите!

Полез он в саженный крепкий сундук,
Достал и отдал ремень из собственных рук.
Этим плетеным ремнем тотчас
Тумэн Жаргалан обернула его сто двадцать раз.
Замотала, запутала, завязала,
Закрутила, запеленала,
До полной беспомощности закрутила,

К своему лечению приступила.
Стрелу, торчащую из зрачка,
Бьет она тяжестью молотка.
С одной стороны
Попадает стрела под молоток.
С другой стороны
Упирается она в позвонок.
А Тумэн Жаргалан колотит,
А Тумэн Жаргалан молотит.
Колотя, она приговаривает,
Колотя, стрелу заговаривает:
— Ты, стрела, стрела,
Крепка и остра,
С другого конца
Вылезай скорей,
Позвонки разбей,
Абаргу убей.

Абарга Сэсэн ногами дрыгает,
Абарга Сэсэн подпрыгивает.
Абарга Сэсэн, как рыбина бьется,
Плетеный ремень на нем рвется.
В это время Абай Гэсэр,
Долгом своим ведомый,
Узнав, где живет Абарга Сэсэн,
Ходил вокруг его дома.
Прежде всего Абай Гэсэр решил
Добраться до черной его души,
А для этого, как опыт учит,
Надобно разузнать как можно лучше,
Где она помещается,
Как она охраняется,
Как ее удобнее уязвить,
Чтобы дьявола черного умертвить.

Тумэн Жаргалан из дому выйдя,
Абая Гэсэра увидела.
Гэсэр научил ее, как вместе
Против черного дьявола действовать:

— У дьявола Сэсэн Абарга
Имеется трехголовый сын,
Ты ему в корень языка
Воткни железный клин.
Воткни ему в язык железяку,
Чтобы сын этот громко заплакал.
А когда отец спросит, почему сынок плачет,
Объясни, что все это значит.

Скажи ему,
Потому, мол, сынок заливается,
Что Абай Гэсэр приближается.
Хочет сынок свою душу

С душой отца соединить,
Чтобы врага победить,
Чтобы Гэсэра убить.
Сынок трехголовый,
Оказывается, стремится
Лично с Абаем Гэсэром биться.
Хочет он попробовать свое умение,
Хочет он испытать свою силу.
Вот почему в нетерпенье
Заголосил он.
Так скажи ты дьяволу Абарга
Про плачущего сына.

Тумэн Жаргалан вбежала туда,
Где сидел-играл трехголовый сын,
И в корень языка ему без труда
Воткнула железный клин.
Воткнула она ему стальную иглу,
Бросил трехголовый свою игру.
Орет-надрывается
До покраснения,
Орет-заливается
До побеления.

Вопросил Абарга Сэсэн,
Что это значит,
Почему ребенок надрывается, плачет?
Не случилось ли какого-нибудь несчастья,
Не требуется ли отцовского участия?
Красавица Тумэн Жаргалан
Отвечает, как ее Гэсэр научил:
— Приближение врага из дальних стран
Учуял твой трехголовый сын,
Приближается сюда Абай Гэсэр удалой,
Идет он за своей законной женой.
Твой сын собирается дать ему отпор,
Но нужна ему дополнительная опора.
Свою душу с твоей он хотел бы соединить,
Великой душой наделенными быть.
Теперь он плачет, потому что не знает,
Где твоя душа живет, обитает,
Где она находится, где она прячется,
Вот почему сынок твой плачет.

Абарга Сэсэн одним глазом глядит,
От боли корчась, он говорит:
— Абай Гэсэр сюда не может прийти,
Нет ему сюда пути.
Даже если у него
Тридцать три батора,
Даже если у него
Три сотни воевод,

Даже если у него
Три тысячи оруженосцев,
Он сюда не придет.
Есть место, где пестрые сороки
На пути их сидят.
Есть место, где серые вороны
На пути их сидят.
Есть место, где серые волки
На пути их сидят.
Сороки их заклюют,
Вороны их заклюют,
А серые волки их съедят.

А душа моя далеко отсюда хранится,
Пеший туда не дойдет и конь не домчится.
А если и сумел бы кто-нибудь дойти,
Все равно ее не найти,
Так укрыта она надежно,
Что добыть ее невозможно.
Тумэн Жаргалан, из дому выйдя,
Опять Абая Гэсэра увидела.
Абай Гэсэр опять ее учит,
Как трехглавого дьяволенка мучить:
— Воткни,— говорит,— ему в язык новую железяку,
Чтобы лучше прежнего он заплакал.

Тумэн Жаргалан умелая,
Как ей сказано, так и сделала.
Новый клин опять вонзила,
Заорал дьявол с новой силой.
Орет-надрывается
До покраснения,
Орет-заливается
До побеленья.

Вопросил Абарга Сэсэн,
Что это значит,
Почему ребенок надрывается, плачет?
Не случилось ли какого-нибудь несчастья,
Не требуется ли отцовского участия?
Может быть просит он лук и стрелы?
Может быть в седло захотел он,
Капризный кругленький удалец?
Так спрашивает про сына отец.

Отвечает дьяволу Тумэн Жаргалан,
Не поэтому плачет твой мальчуган.
Он плачет потому, что не знает,
Где отцовская душа обитает.
Где она находится, где она прячется.
Вот почему сынок твой плачет.
Что же это за отец,— твой сын говорит,—

Если от сына тайну хранит.
Уйду,— говорит,— из дома куда-нибудь,
Проживу,— говорит,— без дома как-нибудь.
Пойду,— говорит,— скитаться по свету,
Если мне доверия нету.

Абарга Сэсэн одним глазом глядит,
Абарга Сэсэн сердясь говорит:
— Ему бы еще в игрушки играть,
А он уж душу отца искать!
Мальчишка он и молокосос,
Еще до этого он не дорос.
Скажите ему, что душа отца
Находится в голове у серого жеребца.

Сказал отец неправду, однако,
Только чтобы больше малыш не плакал.
Абай Гэсэр, находясь поблизости
И услышав Абарга Сэсэна слова,
Сумел жеребца из конюшни вывести,
Разрублена лошадиная голова.
Во все уголки Гэсэр заглянул
И понял, что Абарга Сэсэн обманул.
В мозгу ли, в черепе ли, где ни ищи,
Нет в голове никакой души.

А иголка во рту у сына качается,
Постоянный рев сына не кончается.
Орет он, надрывается
До посиненья,
Орет он, заливается
До почернения.

Спрашивает Абарга Сэсэн:
— Что это значит,
Почему ребенок по-прежнему плачет?
Разве ему чего-нибудь не хватает?
Пусть в игрушки свои играет.
Тумэн Жаргалан в ответ сказала:
— Плачет он не потому, что игрушек мало,
А потому, что отец его обманул.
В голову серого жеребца сынок заглянул,
А там, хоть год, хоть два проищи,
Не оказалось отцовской души.

Абарга Сэсэн одним глазом глядит,
Абарга Сэсэн, разозлясь, говорит:
— Ему бы еще в игрушки играть,
А он уж душу отца искать.
Мальчишка он и молокосос,
Еще до этого не дорос.

Решил соврать, чтоб утешить мальчика,
Решил обмануть, чтоб успокоить сына.

— Скажите ему, что душа отца
Находится в голове амба-быка.

Абай Гэсэр, находясь поблизости
И услышав Абарга Сэсэна слова,
Сумел быка из стойла вывести,
Разрубается бычья голова.

Во все уголки Гэсэр заглянул
И понял, что Абарга Сэсэн опять обманул.
Сколько ни разглядывай, ни ищи,
Нет в голове никакой души.
Красавицу Тумэн Жаргалан теперь уже не учить,
У мальчика в языке третья игла торчит.
Наступает ночь, пора бы спать,
А малец трехголовый продолжает орать.

Орет, заливается
До побеленья,
Орет, надывается
До посиненья.

Проходят новые дни и ночи,
Слушать плач не хватает мочи.
Абарга Сэсэн, несчастный отец,
Слушая плач, извелся вконец.
Говорит, ругается отец одноглазый:
— Вот прилип, как заморная язва.
Что-нибудь делать с этим надо.
Ладно, скажите ему уж правду.

Скажите, что далеко-далеко на востоке,
Где желтой восточной реки истоки,
Где у желтого моря желтый прибой,
Живет сестра моя Ёнхобой.

Во дворце у нее, в подвале,
Чтоб ничьи глаза не видали,
Ни для чьих недоступный рук
Стоит каменный гладкий сундук.
В этом каменном гладком сундуке
Стоит черный железный сундук.
В этом черном железном сундуке
Стоит белый серебряный сундук.
В этом белом серебряном сундуке
Стоит желтый сундук, золотой,
Весь чеканный он, весь витой,
Если бы этот желтый сундук
Кому-нибудь открыть привелось,
Из него бы вылетели вдруг
Тринадцать желтых ос.
А еще бы тринадцать сказочных птиц

Из сундука бы кверху взвились.
Полетели бы осы и птицы,
Крылышками шурша...
Вот где хранится
Моя душа.

Абай Гэсэр, находившийся поблизости,
Услышал Абарга Сэсэна слова,
Сумел он сына из дома вывести,
Тройная отрубается его голова.

После этого,
Красивые полы халата
Заткнул Гэсэр за красивый кушак
И в сторону восхода со стороны заката
Отправился, ускоряя шаг.
Но догадываясь,
Что Абарга Сэсэн по его горячим следам пойдет.
Но опасаясь,
Что Абарга Сэсэн его по холодным следам найдет,
Обернулся он на время трехговым сыном,
Отправившись к тетке своей пешком.
Дьявол Абарга Сэсэн хан, и правда,
Проводил уходящего долгим взглядом,
Но увидев, что это трехголовый мальчишка
Отправился в гости к тетке своей Ёнхобой,
В душе, про себя обругал шалунишку
И возвратился спокойно домой.
Единственным глазом от боли крутя,
Улегся спать он, охая и кряхтя.
Гэсэр же, видя,
Что больше за ним никто не следит,
Свой нормальный
Человеческий принял вид.
У волка вся жизнь — словить бы!
У батора — в борьбе да битве.
У волка вся жизнь в кормление,
У человека вся жизнь в стремление.
В темные ночи Гэсэр не спит,
Ранним утром Гэсэр не ест,
В жаркий полдень Гэсэр не пьет,
Далеко он ушел от знакомых мест,
Но все дальше идет,
Все быстрее идет.

Наконец,
В стране, наизнанку вывернутой,
Где деревья все с корнем повыдернуты,
В стороне бесплодной, в стороне холодной,
В стороне бестравной, в стране бесславной,
Гэсэр опять свои волшебства достает,
Как жеребят, их на ладони пасет,

На ладони они пляшут, по пальцам бегают,
Делают все, что Гэсэр потребует.

Первым делом
Коня гнедого Бэлыгэна
С крепким, горячим телом
Заколдовал Гэсэр и заморозил.
Превратился большой и сильный конь
В кресало, которым высекают огонь,
Кресало Гэсэр в карман положил.

После этого,
Превратил себя Гэсэр снова
В молокососа — сына трехголового.
В сына Абарга Сэсэна Гэсэр опять превратился.
Около тетиных дверей он остановился.
Но тетка Енхобой была не проста,
Толкнулся гость, а дверь заперта.

Начал он в железную дверь стучать,
Начал он голосить, кричать,
Так он и руками и ногами стучится,
Что железная дверь вот-вот разлетится.
Кричит из-за двери тетушка Енхобой:
— Что там за стук, что за разбой?
Кто оказался перед дверями моими?
Чей там сын? Как его имя?
Кричит она сердито, кричит сурово,
А гость стучится снова и снова.
Слышит Енхобой сквозь грохот и стук:
— Это я, твой племянник и внук.
Пришел я к тебе в гости, тетушка милая,
А ты меня на улице совсем заморила.
От холода и голода болят мои кости,
Разве так встречают родного гостя?

Отвечает Енхобой сердито, со злостью:
— Мой племянник не собирался пока что в гости,
Ни он, ни брат мой Абарга Сэсэн,
А ты наверное оборотень Гэсэр.
Прикинулся моим трехговым внуком,
Всполошил всю округу шумом да стуком,
Стучи хоть громче, стучи хоть втрое,
Двери я тебе не открою.
Перестал Гэсэр в дверь колотить,
Начал под дверью плакать-скулить.
Плачет он девять дней подряд,
Плачет он девять ночей подряд,
От плача у тетушки уши болят.

На десятый день она уже поверила,
Что это племянник скулит под дверью.

Но прежде чем железную дверь открывать,
Решила она племянника испытать.
Приоткрыла она немножко
В двери устроенное окошко.
Подошла к нему близко-близко,
И высунула наружу правую сиську.
— Испей-ка ты, племянничек, моего молока
Три глотка.
Если ты тот, за кого себя выдаешь,
Не заболеешь и не умрешь,
Если же ты притворщик и лжец,
То сразу тебе придет конец.
Мое молоко весь твой живот
Разорвет на части, огнем сожжет.

Гэсэр задумался: как тут быть?
Как бы тетку перехитрить?
Проделал в ребрах он желобок
И отвел его в сторону вбок,
Чтобы молоко по желобу утекало,
А в живот ни капли не попадало.

Вот он прильнул к сосцу губами,
Пьет молоко большими глотками,
А молоко по желобку утекает,
В живот к Гэсэру не попадает.
Утекает молоко безвредно,
В землю впитывается бесследно.

После этого тетушка Ёнхобой
Подумала, что перед ней племянник родной.
Двери она ему открывает,
В дом она его призывает.
Накрывает она золоченый стол,
Расставляет на нем вкуснейшие яства.
Натягивает она серебряный стол,
Расставляет на нем редчайшие яства.
Напитки на стол она выставила,
Старинные, выстоянные,
Угощает она гостя прозрачной арзой,
Потчует она гостя крепчайшей хорзой.

Но Абай Гэсэр — себе на уме,
Мысли хозяйки он понять сумел,
Понимает он, по столу глазами скользя,
Что ни пить, не есть ему нельзя.

Как только попробует он пищи редчайшей,
Сразу на спину мертвецом упадет,
Как только попробует напитка крепчайшего,
Сразу на живот мертвецом упадет.

А тетка потчует, а тетка ждет.

Тогда проделал Гэсэр в ребре желобок
И отвел его на улицу, в сторону, вбок.
Отвел он его за пределы дома, в кусты,
Где течет ручеек, где травы густы.
Теперь он ест все самое редкое.
Теперь он пьет все самое крепкое.
Теперь он рот едой набивает,
Теперь он еду напитками запивает,
Ручей за стеной растет, прибывает.

Тем временем
Солнце красное закатилось,
Тем временем
На землю ночь опустилась,
Все живое на земле — затихает,
Все живое на земле — засыпает.

Енхобой, Абарга Сэсэна сестра
Говорит племяннику: спать пора.
Пожалуй, — говорит племяннику, — лягу я,
А ты, племянничек, ляжешь около.
Постель она постелила мягкую,
Одеяло она раскинула легкое.
А чтобы гость ее не вздумал уснуть,
Дает она ему правую грудь.
— Испей-ка ты моего молока
Три глотка.
А сама его ласкает и греет,
А сама его нежит, лелеет.
— Молока моего ты испей, попей,
Будешь всех мужчин на земле сильней.
Обниматься ты будешь без усталости,
А врагов побеждать будешь с удачей.
А я уж девять ночей не сплю,
Девять ночей одна терплю.
Глотай же мое молоко скорее,
Обнимай же меня сильнее.

Прильнул Гэсэр к сосцу губами,
Пьет молоко большими глотками.
А молоко по желобку утекает,
В живот к Гэсэру не попадает,
Утекает оно безвредно,
Исчезает оно бесследно.
Потом он девять ночей не спавшую
Превратил в довольную и уставшую.
А когда почувствовал, что она уж спит,
Принял свой нормальный, человеческий вид.
Сандаловой палочкой по спящей проводит,
Колдовство-вошебство на нее наводит.
Красным камнем машет и гладит,
Словами заклиная, глазами глядя:

«Тысячу лет тебе тут лежать,
Тысячу лет беспробудно спать,
Усни ты, сдохни,
Лежи ты, сохни,
Стань паутиной,
Пылью, глиной,
Камнем вожу,
Глазом гляжу,
Заклинаю словами старыми,
Закрепляю своими чарами.

Помнит Гэсэр, что во дворце, в подвале,
Чтобы ничьи глаза не видали,
Ни для чьих недоступный рук.
Стоит каменный, гладкий сундук».

Сразу после этого
В глубокий подвал он идет,
По каменному сундуку
Железным молотом бьет,
Каменный сундук раздробляется,
В нем железный сундук появляется.
Железный сундук Гэсэр вынимает,
Железный сундук Гэсэр разбивает.
Появляется сундук серебряный, белый,
Старинным белым мастером сделан.
По серебряному сундуку
Гэсэр железным молотом бьет,
Желтый золотой сундук достает,
Весь он чеканный, весь витой,
Желтым мастером отлитой.

Этот желтый заповедный сундук
Гэсэру впервые открыть привелось.
Снял он крышку и вылетело вдруг
Из сундука тринадцать желтых ос.
А еще тринадцать сказочных птиц
Из открытого сундукаверху взвились.
Полетели осы и птицы,
Крылышками шурша.
Так вот, значит, где хранится
Абарга Сэсэна душа!

Но стоит Гэсэр, растерялся,
Он с пустыми руками остался.
Птицы все распорхались,
Осы все улетели,
Все замки и запоры распались,
Сундуки опустели.

Делать нечего,
Гэсэр свои волшебства достает,
Как жеребят, их на ладони пасет.

На ладони волшебства пляшут,
По пальцам прыгают, бегают,
Делают все, что Гэсэр скажет,
Исполняют все, что потребует.
Повелел Гэсэр немедленно им,
Чтобы вернуть улетевших птиц и ос,
Собрать морозы с целых трех зим
И устроить один большой мороз.
Чтобы трещали в лесу деревья,
Чтобы у оленей трещали рога,
Чтобы все становища и деревни
Замели сугробы-снега.

Чтоб одно только было место,
Где бы можно было согреться.
Там от солнца тепло сохранится,
Прилетят туда осы и птицы,
Сбережет вселенский огонь
Лишь одна Гэсэра ладонь.

Так на деле все точно и вышло,
Вот вселенная холодом дышит,
Вот деревья в лесу трещат,
Вот зверушки в лесу пищат.
С трех трескучих собранный зим
В одно место большой мороз
Напугал дыханьем своим
Упорхнувших и птиц и ос.
От мороза им некуда деться,
Негде им спастись и согреться.
Только светится, как огонь,
Среди стужи Гэсэра ладонь.

Вот к ладони они слетают,
Над ладонью они витают,
На ладони они собираются,
На ладони они согреваются.

Снова с неба слетевших вниз
На ладони той собрались
Все тринадцать сказочных птиц,
Все тринадцать сказочных ос.
Собралась там, крылышками шурша,
Абарга Сэсэна душа.

Десять птичек Гэсэр убил,
Десять ос Гэсэр придавил,
По три штуки оставил в живых,
Завернувши в тряпицу их.
Лишних слов никому не сказывая,
Тряпку спрятал к себе за пазуху.

Спрятал тряпку к себе на грудь
И в обратный пустился путь.

В это время
Дьяволу Абарга Сэсэну
Совсем становится плохо.
Стонет он непрестанно,
Не может сделать ни выдоха и ни вдоха.
Березовым обручем
Голову он себе сдавил,
Железо прочное
Вокруг головы обвил,
Белого от черного не отличает,
Позднего и раннего не различает.
Правого от левого отличить не может.
И день и ночь боль его гложет.
Время перепуталось, все смешалось,
Посмотреть на него — просто жалость!
А между тем,
Абай Гэсэр уж давно в пути,
Немного совсем
Осталось ему идти.
Вот и логово,
Где живет дьявол Абарга Сэсэн хан,
Где томится так долго
Прекрасная Тумэн Жаргалан.
Прежде всего
Абай Гэсэр удалой
Издает свой клич боевой.
Рев тысячи изюбров
В своем голосе он соединяет,
Рычание тысячи зубров
В своем крике объединяет.
Как тысяча лосей
Он ревет-кричит,
Как десять тысяч лосей
Он ревет-трубит.

Абарга Сэсэн
Услыхал этот крик и вой.
— Заходи,— говорит,— заходи, Гэсэр,
Ко мне домой.
Волосенки-то твои,
Я гляжу — жидковаты,
А ручонки-то твои,
Я гляжу — слабоваты.
Ни суставы твои, ни жилы,
Не имеют крепости — силы,
А кости-то твои — хрящеваты,
А ноги-то твои — тонковаты.
А спина-то твоя — мягка,
А ступня-то твоя — узка.

Жаль, что не встретился ты мне,
Когда здоров я,
А встретился ты мне,
Когда — хвороба.

Абай Гэсэр рассердился,
Надул он щеки,
Брови его зашевелились,
Торчат, как щетки,
— Ну-ка, ты, на чужое позарившийся,
Захвативший чужую жену,
Выходи навстречу, пожалуйста,
Объявляю тебе войну.
На кровати валяться некогда,
За тебя заступаться некому,
Хоть коварен ты, но ничтожен,
Я тебя сейчас уничтожу.

Хозяин дома
Словами этими был оскорблен,
Около Абая Гэсэра
Одним прыжком оказался он.
— А ты, — говорит, — я вижу, шутник, —
И ухватился за воротник.
Два силача разъяряются постепенно,
Руками они обхватывают друг друга,
Пяткой задев, развалили стену,
Боком задев, своротили угол.
Оказались они на улице,
Упираются и сутулятся.
Наклонили они головы,
Глазами косят,
Напрягли они ноги,
Перетаптываясь, стоят.

Ногой упрутся,
Южная гора с места сдвигается,
Другой оттолкнутся,
Северная гора качается.
Зная, что вселенная высока,
Руками свободно взмахивают,
Зная, что земля широка,
Руками свободно размахивают.
Ногами они топчут половину земли,
Воздуху они полнеба вдохнули,
До предела жилы они напрягли,
Сухожилия они до крайности натянули.
Там, где они упираются,
Возникают ямы глубокие.
Там, где они напрягаются,
Возникают овраги широкие.
В такую яму бык упадет,

Обратно не выберется.
В такой овраг верблюд попадет,
Сразу не выкарабкается.
Из-за равной силы они одинаково бьются,
Из-за равной удали не сдаются.
Друг у друга они
Мясо со спины выдирают,
Друг у друга они
Мясо с груди выгрызают.
Вороны с юга тут как тут,
Разбросанное мясо жадно клюют,
Сороки с севера прилетают,
Свежее мясо кусками глотают.
В это время Абарга Сэсэн
Начал вроде одолевать.
В это время Абай Гэсэр
Начал вроде бы уставать.
Абарга Сэсэна
Грязная черная туша,
На Абая Гэсэра
Вот-вот навалится и придушит.

Тогда он вспомнил про ту тряпицу,
Где завернуты осы, где завернуты птицы,
По три штуки оставалось там тех и тех,
Абай Гэсэр перебил их всех.
Прикончил он душу своего врага,
Черного дьявола Абарга.
Смотрит Гэсэр, совершивши это,
А противника перед ним никакого нету.
Нету противника сильного,
Нету противника — черта,
Лежит только камень синий,
Лежит только камень черный.
От того, что грохнулся он,
Затихает далекий звон.
Непобедимого врага победив,
Быстрейшего из жеребят перегнав,
Переднее назад заворотив,
Неседланного жеребца оседлав,
Заднее назад загнув,
Неломаемое сломав,
Непугаемое спугнув,
Абай Гэсэр
До звона в груди своей радуется,
Абай Гэсэр
До стоны в сердце своем восторгается,
Вверх поглядит — смеется,
Вниз поглядит — улыбается,
Победителем он зовется,
Удалым прозывается.

Но чтобы с места сдвинуть

Камень тот черно-синий,
Напрягает Гэсэр руки, ноги и спину,
Но не хватает Гэсэру силы.
Как Абай Гэсэр ни старается,
Камень плотно лежит, не сдвигается.
Берет он двумя руками
Свой державный, булатный меч,
Опускает его на камень
Со всех богатырских плеч.
Богатырское сердце радуя,
Разлетается камень надвое.

Берет Гэсэр одну половину,
Напрягает руки, ноги и спину,
Но сдвинуть камень тот черно-синий
Не хватает Гэсэру силы.
Как Абай Гэсэр ни старается,
Камень плотно лежит, не сдвигается.

Берет он двумя руками
Свой державный, булатный меч,
Опускает его на камень
Со всех богатырских плеч,
Разлетается камень, к счастью,
На четыре равные части.

Эти части Гэсэр одну от другой отделил,
Сдвинул с места, в стороны растащил,
Взял он красную Южную гору,
Над одной четвертинкой камня поставил,
Взял он Северную высокую гору,
Над второй четвертинкой камня поставил.
Приволок он и еще две больших горы,
Стоявших без толку до поры,
Над остатками камня он их поставил,
До скончания веков стоять заставил.

А между тем,
Когда он горы носил,
У вечной вечности так просил:
— Пусть лежит Абарга Сэсэн бесконечно,
Пусть спит под камнями жесткими,
Пусть лежит под подошвами человеческими,
Пусть лежит под копытами конскими!
Когда Гэсэр все это совершил,
Тумэн Жаргалан к себе позвал,
Великий праздник устроить решил,
С женой-красавицей запировал.
Были мы удачливы,— он говорит,
Были мы счастливы,— он говорит,
Врага мы победили,— он говорит,
Веселье мы заслужили,— он говорит.

Тумэн Жаргалан
Приветствует его словами красивыми,
Жестами скромными и учтивыми,
Накрывает она золотой стол,
Редкие кушанья на него ставит,
Расстилает она серебряный стол,
Вкусные кушанья на него ставит.
Восемь дней они пируют,
На девятый опохмеляются,
На десятый готовят коней и сбрую,
В дальний путь собираются.

Но Тумэн Жаргалан вздыхает
Себе на уме,
Никто не знает,
Что у женщины в голове.
Не хочет она, чтоб Гэсэр удалой
Возвращался в пределы родной страны,
Вот вернутся они к себе домой,
А там у Гэсэра еще две жены.
А здесь, пусть черный туман,
Пусть чужая, пусть дьявольская страна,
Да зато Тумэн Жаргалан
Единственная у Гэсэра жена.

Но печали своей жена не показывает,
Притворяется доброй и ласковой,
Мужу всячески угождает,
Мужа всячески угощает,
Но собравши особые травы,
Подмешала в еду отраву.

У Абая Гэсэра разом
От еды замутился разум.
Свою левую руку
От правой не отличает.
Свою правую руку
От левой не отличает.

Все, что с детства знал, — позабыл,
Все, что взрослым узнал, — забыл.
Отличаться он стал —
Тупостью,
Говорить он стал —
Глупости.
Вместо умных слов
Начал чушь нести,
Послали его коров
Да телят пасти.

В это время три сестры Абая Гэсэра
На небе живя, прислушиваются в тревоге,

Что-то не видать нигде их брата Гэсэра,
Ни в лесу, ни дома, ни на дороге.
Открывают они
Небесную квадратную дверь,
Осматривают они
Белесую земную твердь.
На небосвод они синий вышли,
Смотрят вниз они с неба высокого,
Что-то дыханья брата не слышно,
Копыта коня его не цокают.
Осматривают они землю тщательно,
Прислушиваются внимательно.
И видят, что в восточной стране,
Где все наизнанку вывернуто,
Видят, что в туманной стране,
Где деревья с корнями выдернуты,
В стране бестравной, в стране бесславной,
В стране холодной, в стране бесплодной.
Брат их
Свою левую руку
От правой не отличает,
Свою правую руку
От левой не отличает.
А в глазах у него — темно,
А живот у него — распух,
Он уже не батор давно,
Он — обычный, бедный пастух.
Вместо умных слов
Он чушь несет,
Овец, коров
Да телят пасет.

Три родные сестры пригорюнились,
Три родные сестры приготовились.

Обернулись они все птицами,
А одна из них стала кедровкой,
А вторая стала синицей,
А третья кукушкой ловкой.
Вот на землю они несутся,
Летают они над лесами,
У братца, коров пасущего,
Мелькают перед глазами.
А брат их похож на ребенка,
Бегает, развлекается,
Тянется к птицам ручонками,
За птицами он гоняется,
Но птицы его обманывают,
Перед носом крыльями машут,
Птицы его заманивают,
Чтобы от дома ушел подальше.

Заманили его далеко,

Он бежит за ними, шустер.
Тут они во мгновение ока
Снова приняли вид сестер.
Эржэн Гоохон — сестра
На решенья была быстра.
По правой щеке она брата ударила,
Весь желудок у него вывернуло,
По левой щеке она брата ударила,
Черной отравой брата вырвало.
Можжевельником из десяти лесов
Сестры его окурили,
Водой из девяти родников
Сестры его умыли.
Абай Гэсэр окурен и облит,
Вернул себе и разум и облик.
А сестрицы, как их и не было,
Упорхнули опять на небо.
Понял Гэсэр,
Каким он бесправным был,
Понял Гэсэр,
Кто его отравой поил,
Сильно он рассердился,
Надул он щеки,
Брови его зашевелились,
Торчат, как щетки,
Тумэн Жаргалан, красотку
За волосы он хватает,
В руке его правой — плетка,
Больно она стегает.
Он и так повернет жену и этак,
И еще хлестнет, напоследок.

После отдыха-перекура,
Начинает стегать сначала,
До тех пор порол ее, дуру,
Пока на сердце не полегчало.
Да рука начала неметь,
Да жена начала реветь.
— А теперь, — приказал ей строго, —
Собирайся со мной в дорогу.

Чтобы пища была в пути,
На ночлегах чтоб был огонь,
Не скользя, чтобы мог идти
Бэлыгэне, дорогой мой конь.
Чтобы сбруя была вся новая,
Чтоб к утру было все готово.

Из дворца Абарги, возмущенья полон,
Рано утром Гэсэр на улицу вышел.
Все, что было крышей, он сделал полом,
Все, что было полом, он сделал крышей.

Словно гальку морскую, в сумки
Серебро он сыпать велел,
Соболей, да еще меховые шкурки
Он в мешки набивать велел.
Наизнанку он все тут вывернул,
Что ему на глаза попало,
Даже гвозди он все повыдергал,
Даже доски переломал он.

Всех телят, что в горах паслись,
Он с собой в дорогу забрал,
Табуны, что в степях носились,
Впереди себя он погнал,
Очаги, что всегда дымились,
Он развеял и растоптал,
А людей, что жили-плодились,
По урочищам разогнал.
На долину мгла опустилась,
Жизнь в долине остановилась.
Там, где жизнь текла говорливо,
Расплодилась теперь крапива.

А где смех раздавался, тут
Лишь колючки теперь растут.
А где песни певались рьяные,
Встали заросли из бурьяна.

А где в души лилась теплынь,
Вырастает теперь полынь.

Всюду они торчат, как зазубрины,
Не заходят сюда изюбры,
Даже лоси тех мест избегают,
Даже птицы их облетают,
На одном только старом дереве
Там остался сидеть ворон древний.
Чтобы жил он там без товарищей,
Чтобы каркал он над пожарищем.
Чтобы карканьем он пугал леса,
Да еще одна хромая лиса
Все вынюхивает там что-то, бегают,
А убить ее там уж некому...

Тогда говорит Гэсэр своей жене:
— Больше нечего нам делать в чужой стороне.
Лосиная берцовая кость в котел не вмещается,
Сердце не перестанет домой стремиться,
Эвенки к старому кочевью возвращаются,
Жеребенок тянется к матери-кобылице.

Возвращается человек к воде,
Которую в детстве пил,

Возвращается человек к земле,
На которой маленьким жил.
Собирайся, жена, в дорогу,
Мы поедem к родному порогу.

Длинна река,
Но до моря все равно добирается,
Земля широка,
Но цель все равно приближается.

Все родственники Гэсэру очень обрадовались,
Широкие столы красиво накрыли,
Гостей созвав,
Восемь дней радовались,
Угощая всех,
Девять дней ели и пили.
На десятый день опохмелялись,
Прощались,
По домам разъезжались.

Еще долго потом вспоминали,
Что там ели они и пили.
Все Гэсэра они прославляли,
Все хвалу ему возносили.

Все благие людей пожелания
Да услышаны будут.
Все великие предков деяния
Внуки-правнуки не забудут,
Пусть надежды наши сбываются,
Предсказания исполняются,
Люди будут друг к другу участливы,
А народы все будут счастливы.

ВЕТВЬ ВОСЬМАЯ

О ПОБЕДЕ ГЭСЭРА НАД КОВАРНЫМ ЛОЙР-ЛОБСОГОЛДОЕМ

*У священного дерева на девяти ветвях
Девять свечей горит,
Девять сказаний о богатырях,
О битве каждое говорит.*

*В выдру, промелькнувшую вдалеке,
Почему не пустить стрелу?
Богатырям на родном языке
Почему не пропеть хвалу?*

*А-а-э-э,
А-а-э-э,
А-а-э-у-дон!*

Все походы успешно совершавший,
Всех врагов удачно поражавший
И поэтому удалим прозывавшийся,
И поэтому людьми восхвалявшийся,
На берегу вечного, широкого моря,
На краю Мóорэн — широкой долины,
В просторной своей земле Хатай
Мирно жил Абай Гэсэр хубуун.

Говорит он однажды,
Что все домашнее мясо ему приелось,
Говорит он однажды,
Что ему дичатины захотелось.
Надоела ему говядина,
Надоела ему телятина,
Захотелось ему лосятины,
Оленины да медвежатины.
Отложил он все дела и заботы
И стал готовиться на охоту.
Решил Абай Гэсэр удалой
Поехать охотиться на Алтай.
Тридцать трех баторов своих,
Триста воевод своих,
Три тысячи оруженосцев своих

Возвышаясь горой, сидел.
Ухватил он чертенка за шкурку,
Приподнял его на землей.
А чертенок боится пикнуть,
Лишь бормочет, словно немой.
Он впопад-невпопад бормочет,
Чтоб его отпустили, хочет.

А Гэсэр сидит, вопрошая:
— Ты в горах моего Алтая
Много ль добыл изюбров, коз?
Много ль мяса домой отвез?
Много ли добыл соболей
На просторах тайги моей?
Ты азартно ли поохотился,
Иль еще пострелять тебе хочется?

Черного Лойр-Лобсоголдой
Взял Гэсэр своей левой рукою,
А в руке его правой плетка,
Она хлещется очень хлестко.
Абай Гэсэр его бьет и бьет,
Как сырое дерево, его гнет,
Как сухое дерево, его ломает,
Черт живым остаться не чает.

— Ты запомни, Лойр-Лобсоголдой,
Весь Алтай этот древний — мой.
Вся моя здесь вокруг тайга,
И в ней места нет для врага.
Ты забудь про эти просторы,
Не ходи сюда тайным вором.
Ты по горным склонам не рыскай,
Ты добычи здесь не выискивай.
Еще раз попадешься, черт,
Будешь в пыль и прах перетерт.
А пока быстрее убирайся,
Да ловчить, смотри, не старайся.

Черный Лойр-Лобсоголдой
Не верит, что ушел от Гэсэра живой.
Вверх посмотрит —
От радости он смеется.
Вниз посмотрит —
От злости трясется.
Трясется он от зависти и стыда,
В сердце его месть и вражда.
В сердце его, как угли, горят,
Месть, вражда, ненависть, яд.
Помчался он к началу восточной страны,
Где горы черны и степи черны,
Где все наизнанку вывернуто,
Где деревья с корнями выдернуты,

Где скользя над тремя преградами,
Пробирается река с тремя водопадами.
В страну сухую, в страну бестравную,
В страну глухую, в страну бесславную.
В страну, где ветер всегда летает,
В страну, где солнышка не бывает,
В страну, где дождичек не помочит,
В страну, где никто ничего не хочет.
После зеленых просторов Алтая
Страшна казалась страна пустая.
По этой стране черт Лобсоголдой
Катался, метался сам не свой.

Ненависть, злость собирал, копил,
Яд в себе подогревал, кипятил,
Дикий крик выпускал —
Преисподняя сотрясалась,
Страшный вопль исторгал —
Вся вселенная содрогалась.

Наконец,
Накричавшись к исходу дня,
Вскочил он на железно-синего коня
И помчался в ослеплении сам не свой
За советом к сестре своей Ёнхобой.
Поехал к сестре он жаловаться,
Поехал к сестре он печалиться.
Помоги, говорил, пожалуйста,
Ты над нами, говорит, начальница.
Три дня он ей все рассказывал,
Синяки и рубцы показывал.
Ведь Гэсэр на коне, как гора, сидит,
А я верчусь вскруг копыт.
Из-за того, что я мал,
Надо мной смеялись.
Из-за того, что я слаб,
Надо мной издевались.
Меня измяли, меня избили,
Хорошо, живого хоть отпустили.
А они довольные удалились,
Так где же, сестра моя, справедливость?
Когда же месть свою совершу,
Когда же спесь я с него собою,
Когда же так его накажу,
Чтобы он проклинал судьбу свою?
Мсть моя будет — тройная мсть!
У Гэсэра жена красавица есть,
Зовут ее Урмай Гоохон,
Любит ее больше жизни он.
Эту красавицу я у него отниму,
Как свою жену ее обниму.

Сделаю ее своей законной женой,
Будет она жить не с ним, а со мной.

Кроме того
Земли его прекрасно-алмазные,
Превращу я в земли червивые, грязные,
Будут ползать там змеи железные,
Всех людей его истреблю я болезнями,
Истреблю их мором, холерой, язвами
И другими напастями разными.

Я не буду его щадить, беречь,
Пока яд меня перестанет жечь,
Пока обида моя не рассеется,
Пока ненависть не растеплится.
Пока месть моя не насытится,
Пока честь моя не очистится.
Говорит сестре: — Моя боль остра.
Помоги ты мне отомстить, сестра.
Видишь, я у тебя в ногах лежу,
Видишь, я у тебя сапоги лижу.
Ты сестра наша старшая,
Ты сестра наша мудрая,
Месть исполнится страшная —
Уж тебя не забуду я.

Отвечает старшая сестра Ёнхобой:
— Все, что задумано и сказано тобой,
Все это складно, все это верно,
А вот другое, однако, скверно.
Ведь сила двух рук Гэсэра
Четырем поднебесным силам равна.
Сила двух ног Гэсэра
Четырем преисподним силам равна.
Сила груди Гэсэра
Четырем наземным силам равна.
Число его превращений — двести,
Число его волшебств сто и два,
А ты мечтаешь, братец, о мести,
Тут нужна не сила, а голова.
Ведь он от пятидесяти пяти небесных долин
На землю спустился,
С указанием из пяти священнейших книг
На землю спустился.
С мудростью для семидесяти мудрецов
На землю спустился.
С основой для семидесяти языков
На землю спустился.
От черных замыслов злых врагов
Державно-булатный меч он имеет,
От нападения злобно-черных врагов
Сделанный из семидесяти лосиных рогов
Сокрушающе-желтый лук он имеет.

Если выпустит он свою стрелу в цель,
Никто от нее не останется цел.
Не поддается он ни стреле, ни мечу, ни ножу,
Но послушай теперь, что я скажу.

Живет он с тремя прекрасными женами,
Всем довольными, всем убаженными.
И они его нежат, холят,
У него завидная доля.
Питается он три раза на дню,
Наслаждается он три раза в году.
Но как бы ни был он сыт и пьян,
Есть у него в жизни один изъян.
Некого ему на коленях качать,
Некого ему около подбородка ласкать.
Некого ему на ночь баюкать,
Некому ему языком люлюкать.

Детей у него что-то не получается,
Без потомства он остается,
Вот почему
Вверх он посмотрит — не улыбается.
Вот почему
Вниз он посмотрит — не смеется.
Так что,
Если за дело приняться вовремя,
Так что,
Если за дело приняться с разумом,
Отомстим мы Гэсэру гордому,
Есть для этого дороги разные.

Как на старшую сестру
На меня ты надейся,
Но и к другим сестрам двум
Ты наведайся.
Послушай, что тебе посоветует
Средняя наша сестра.
Послушай, что тебе посоветует
Младшая наша сестра.

И та и другая — приветлива,
И та и другая умом остра.
А от меня, чтобы дело начать ты мог,
Вот тебе с правой ноги чулок.
С правой ноги чулок я снимаю
И отдаю я его тебе.
В серебряную чашу чулок превращаю
Мудрой бабушки Манзан Гурмэ.

Есть место святое — зори багряные
На солнечном небосклоне.
Гора возвышается там песчаная,
А склон у нее — зеленый.

У подножия этого склона —
Дворец, крыльцо со ступенями,
Сверкает он весь чистым золотом,
Сверкает он весь камнями¹.

Гэсэр,
Из-за того, что некого на коленях качать,
Гэсэр,
Из-за того, что некого около подбородка ласкать,
Гэсэр,
Из-за того, что некого на ночь баюкать,
Гэсэр,
Из-за того, что некому языком люлюкать,
Из-за того, что детей у него не получается,
Из-за того, что без потомства остаться боится,
В этот дворец раз в год отправляется,
Чтобы богам-покровителям помолиться.

В этот дворец, в этот самый день,
Надо проскользнуть незаметно, как тень.
Прикинуться там святым в одеянии белом,
Всевышним творцом, излучающим сияние,
Молитвы шептать, ничего не делая,
Неподвижно сидя, как изваяние.

Гэсэр и три его красивых жены
Сюда придти молиться должны.
Будут они искренне, без притворства,
Просить у неба потомства.
Будут они искренне, без затей
Просить у неба детей.
В это время ты чашу им покажи,
В это время им так скажи:
— Великая бабушка Манзэн Гурмэ,
У которой вся сила в ее уме,
Все тайны вселенские знающая,
Все швы во вселенной сшивающая,
Услышала искренние молитвы ваши
И прислала меня с этой чашей
Для того, чтобы дети у вас родились,
Для того, чтобы вы с детьми веселились.

От этих слов Гэсэр вострепнется
И к тебе лицом обернется.
Ты в это время без лишних слов,
Чашу метни Гэсэру в лоб.
Я издали буду за всем наблюдать.
Я во всем буду тебе помогать.
Снимаю с правой ноги чулок,

---

¹ В унгинском варианте сказителя Пеохона Петрова — не дворец, а дацан, в котором восседает святой странник — лама.

Чтобы ты отомстить Гэсэру мог,
Превращаю его в чашу Манзан Гурмэ,
Отдаю эту чашу, мой брат, тебе.

Черному Лойр-Лобсоголдою
Замысел очень понравился.
Сильно он радуется и веселится.
К средней сестре он тотчас отправился,
В дверь ее нетерпеливо стучится.

Три дня он ей все рассказывал,
Синяки и рубцы показывал.
Как поехал он на просторы Алтая,
Где звери несчитанные обитают,
Как наполнена жирной дичью тайга,
И в нее он не пускает врага.
Как бежал за оленем притко,
Да попал коню под копыта,
А на этом коне Гэсэр,
Возвышаясь горой, сидел.

Из-за того, что я мал,
Надо мной, говорит, смеялись,
Из-за того, что я слаб,
Надо мной, говорит, издевались.
С тех пор в сердце моем горят
Мечь, вражда, ненависть, яд.

Мечь моя будет — тройная мечь,
У Гэсэра жена-красавица есть,
Урмэй Гоохон зовут ее,
Завладеть бы ею как-нибудь!
Эту красавицу я у него отниму,
Как свою жену ее обниму.

Земли его прекрасно-алмазные
Превращу я в земли червивые, грязные,
Будут ползать там змеи железные,
Всех людей истреблю я болезнями,
Истреблю их холерой, язвами
И другими напастями разными,
Пока мечь моя не насытится,
Пока честь моя не очистится.
Старшая сестра
Дала мне с правой ноги чулок,
Чтобы я отомстить Гэсэру мог,
Этот чулок сестра почтенная наша,
Превратила в серебряную чашу.
Чтобы в нужный момент, без лишних слов,
Я мог ее метнуть Гэсэру в лоб.

Отвечает средняя сестра Енхобой:
— Все, что задумано и сказано тобой,

Все это складно, все это верно,
Однако же, другое скверно.
Ведь сила двух рук Гэсэра
Четырем поднебесным силам равна,
Сила двух ног Гэсэра
Четырем преисподним силам равна.
Число его превращений — двести,
Число его волшебств сто и два.
А ты мечтаешь, братец, о мести,
Тут нужна не сила, а голова.

Ведь он от пятидесяти пяти небесных долин
На землю спустился,
С указанием из пяти священных книг
На землю спустился.
Не поддается он ни стреле, ни мечу, ни ножу,
Но послушай теперь, что я скажу.
Когда ты во дворец в молитвенный день
Проскользнешь незаметно, словно тень,
Когда сядешь в святом одеянии белом
Всевышним творцом, излучающим сияние,
Начнешь молитвы шептать, ничего не делая,
Неподвижно сидя, как изваяние,
Когда Гэсэр и три его жены
Молиться придут,
Когда во время молитвы они
На колени все упадут,
Когда они в своих молитвах неложных
Будут небеса о потомстве молить,
Надо тебе быть осторожным,
Надо тебе и проворным быть.

Когда он от слов твоих встрепенется,
Когда он лицом к тебе обернется.
Когда ты метнешь ему чашу в лоб,
Вскакивай сразу без лишних слов,
Вместо Гэсэра, молитву творящего,
Увидишь осла на полу лежащего.
Пока этот осел на ноги не встал,
Пока этот осел опять Гэсэром не стал,
Ты скорее потник на него накинь,
Ты скорее седлом его оседлай,
Ты скорее узду из-за пазухи вынь
И железной уздой его взнуздай.
А его жену Урмай Гоохон
Ты скорее в седло ослиное посади
И осла погоняй, хоть шум погони
Все равно услышишь ты позади,
Знай же, что за тобой то с горы, то в гору
Гонятся Абай Гэсэра баторы.
Но я с тобой всегда буду рядом,
Возведу я на пути баторов преграды,
Помогать я тебе буду на каждом шагу,

Так мы с тобой отомстим врагу.

Черному Лойр-Лобсоголдою
Замысел очень понравился,
Сильно он радуется и веселится,
К младшей сестре он тотчас отправился,
В дверь ее нетерпеливо стучится.

Три дня он ей все рассказывал,
Синяки и рубцы показывал.
Три дня продолжал он жаловаться,
Плакал три дня он ровно,
Помоги, говорил, пожалуйста,
Я обижен Гэсэром кровно.

Меня измяли, меня избили,
Хорошо, живого хоть отпустили,
А они довольные удалились,
Так где же, сестра моя, справедливость?

Есть у него Урмай Гоохон жена,
Но и мне нравится она.
Сделаю я ее своей законной женой,
Будет она жить не с ним, а со мной.
А земли его прекрасно-алмазные
Превращу я в земли червивые, грязные,
А людей его истреблю я болезнями,
Будут ползать там змеи железные,
Умору я людей холерой, язвами
И другими напастями разными.

Я не буду Гэсэра щадить, беречь,
Пока яд меня перестанет жечь,
Пока месть моя не насытится,
Пока честь моя не очистится.

Старшая сестра мне чашу дала,
Превратит эта чаша Гэсэра в осла.
А когда повезу я Урмай Гоохон,
В седло ослиное ее посадив,
Когда шум и топот погони
Послышится у меня позади,
Когда погоня начнет меня настигать,
Средняя сестра обещается мне помогать.

А ты, сестра моя младшая,
Что мне на это скажешь,
В минуту важную, страшную,
Какую помощь окажешь?

Так спрашивает черный Лобсоголдой
У своей сестры молодой.
Сестра внимательно выслушала,

Что молот у брата язык,
И свои опасенья высказала
Искренне, напрямик:

— Нападать-то ты нападаешь,
Но на кого — не знаешь.
Хочешь ты, брат, сражаться,
Хочешь ты состязаться,
Но прежде бы ты подумал,
С кем ты решил связаться.
Душой я кривить не стану,
Отвечая на твой вопрос:
Победить Абай Гэсэра хубууна
Ты еще не дорос.
Ты встаешь на дорогу ложную,
Хочешь сделать ты невозможное.

Ведь он от пятидесяти пяти небесных долин
На землю спустился,
С указанием из пяти священнейших книг
На землю спустился.
Ведь его родная бабушка Манзэн Гурмэ
Всю вселенную держит в уме.
Сидит она
С серебряной чашей в руках,
Следит она
За всеми звездами в небесах,
Опирается она
На множество горных вершин,
Обозревает она
Множество небесных долин.
Все звездные книги она читает,
Все вселенские швы она сшивает.
Ведь баторов у Гэсэра
Тридцать три,
А воевод у него
Три сотни,
Оруженосцев у него
Тридцать сотен.

А теперь на себя посмотри.
Волосенки-то твои,
Я гляжу — жидковаты,
А ручонки-то твои,
Я гляжу — слабоваты.
Ни суставы твои, ни жилы
Не имеют крепости, силы.
И кости-то твои — хрящеваты,
И ноги-то твои тонковаты,
И спина-то твоя — мягка,
И ступня-то твоя — узка.
Когда войско в погоню за тобой устремится,
Чем сумеешь ты оборониться?

Ты пока еще не черт, а чертенок,
Вырасти, возмужай, накопи силенок.
Будешь знать ты сам свою силу,
Выходя навстречу врагу.
А пока о помощи не проси меня,
Я помочь тебе не смогу.

Убедила ли сестра брата
Иль не убедила,
Но за дверь его проводила.

Вышел чертенок, не знает он,
Что бы все это значило,
Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.
Старшая сестра обещала ему помочь,
Средняя сестра обещала ему помочь,
А третья сестра — не хочет.
Третья сестра его напугала
И в помощи отказала.

Но две сестры — это две сестры,
Волшебством сильны и умом остры,
Не может Лобсоголдой усидеть на месте,
Не может он удержаться от мести,
Младшая сестра ему — не закон,
Решает задуманное исполнить он.

Поехал первым делом домой
Опечаленный мститель Лобсоголдой.
С грустными думами, на исходе дня,
Привязал он к коновязи коня.
Позвал он верных молодых слуг,
Из всех своих баторов выбрал двух.
Двух заставил к походу коня готовить,
Двух заставил снаряжение готовить.
С четырьмя
Крылатыми этими баторами,
С четырьмя
Надежными, верными опорами,
На железно-синем своем коне,
На серебряно-белом своем седле,
В железно-черной своей броне,
По твердо-черной своей земле,
Надеясь на благополучный исход,
Отправился он в далекий поход.

Отправился он в сторону вечного моря
Отправился он в зеленую долину,
Где живет-поживает, не зная горя,
Ненавистный Абай Гэсэр хубуун.

Два крылатых батора
Справа и слева скачут,

Два крылатых батора
Сзади и спереди скачут,
В середине скачет Лобсоголдой,
Чертенок черненький, молодой.

Хоть длинна река,
Но до моря все равно добирается,
Хоть цель далека,
Но все равно приближается.

На берегу вечного моря,
На краю широкой долины,
Где живет Абай Гэсэр хубуун
На привольном родном просторе,
Лобсоголдой остановился,
Сделав знак,
И распорядился
Он так.
Двух крылатых баторов
За небом заставил следить,
Двух крылатых баторов
За землей заставил следить,
А сам у них на виду
Превратился в сверкающую звезду,
На небесной груди закрепился,
На всю вселенную засветился.

В это время,
О котором идет у нас речь,
Абай Гэсэр со своими женами,
В это время,
О котором рассказу нашему течь,
С молодыми и ублаженными
Жил себе поживал,
Ничего не зная,
Вкусное сладким он запивал,
О кознях черта не подозревая.

В то же время,
Живущий в долине Сагаанты,
Имеющий мудрую белую голову,
По бело-облачному пути,
На слоново-соловом коне
Сидящий красиво и молодо,
Плетку держащий на руке, на ремне,
С законами в книге белыми,
С мыслями чистыми, белыми,
С желаньями добрыми, белыми,
В белой душе в глубине,
Добро рассыпающий горстью,
Серебристыми седидами убелен,
Приехал к Гэсэру в гости
Дядя Саргал Ноён.

Когда они поздоровались
И за столом разместились,
Когда яства они перепробовали
И степенно разговорились,
Доброжелателен, мудр и прост,
Спрашивает у хозяина гость:

— А что-то там,
На пределе видимости
Как будто новое видно?
А что-то там,
На пределе слышимости
Как будто новое слышно?
Абай Гэсэр удалой
Глаза до крайности напрягает,
Абай Гэсэр удалой
Слух до тонкости наостряет.

Ничего, говорит он,
На пределе видимости я не вижу,
Ничего, говорит он,
На пределе слышимости я не слышу.
А если ты что слышишь — скажи,
И если видишь что — покажи.
Ты ведь старше меня и мудрее,
Зрение твоё острее.
Расскажи, не томи ты душу мою,
А я уж тебя послушаю.

— Вижу я на груди прекрасной у неба,
Звезду, которой там раньше не было.
На самом вымени поднебесья
Кто-то эту звезду повесил.
Ярко звезда сверкает,
Вчера она только зажглась,
Но пока что никто не знает,
Откуда она взялась.
Давай подумаем двое,
Чье это волшебство?
Не черта ли Лобсоголдоя
Черное колдовство?

Черт, наостривший ухо,
Понял, что уличен,
Сразу звезда потухла,
Чистым стал небосклон.
Но зато уже на земле
Светлой и зеленой
Черт превращеньем новым
Свежей пророс травой.

Ищет Гэсэр, поищет —
Куда же делась звезда?

На небосклоне чистом
Нет от нее и следа.

Глазами зоркими глядя,
Обшарил все небеса,
Спрашивает у дяди,
Что тут за чудеса?

Отвечает Гэсэру дядя,
Не на небо, а на горы глядя.

Вон, говорит, на вершине,
На границе земли и неба,
Выросла трава в два аршина,
Которой там раньше не было.
Трава высокая, свежая,
Трава зеленая, нежная.
Растет она, расцветает,
Где раньше была лишь грязь.
И пока что никто не знает,
Откуда она взялась.
Давай подумаем двое,
Что это за волшебство?
Не черта ли Лобсоголдоя
Черное колдовство?

Черт, наостривший ухо,
Понял, что уличен,
Сразу трава пожухла,
Голым стал горный склон.

Ищет Гэсэр, поищет —
Куда же делась трава?
На горном склоне все чисто,
Камни да синева.

Глазами зоркими глядя,
Шарит Гэсэр по горам
И говорит он дяде:
— Это все почудилось нам.
Ничего тут чудесного не было.
Как с тобой мы оба решили?
Ну и что, что звезда на небе?
Ну и что, что трава на вершине?
Всякой всячины много на свете,
Не во всем же повинен черт.
И звезда та, наверное, светит,
И трава та, наверно, растет.
Пусть бы вечно звезда блистала,
Пусть всегда бы трава вырастала,
Нам тревожиться не пристало.

Как услышал черт речь такую,

И хихикает, и ликует,
Значит ум у Гэсэра — не золото,
И не серебро, хотя б.
Значит ум у Гэсэра — короток,
Значит ум у Гэсэра — слаб.
И хоть он огромного роста,
Обмануть его будет просто.

После этого Лобсогдóй,
Чертенюк черный, чертенюк злой,
На жену Гэсэра Урмáй Гóохон
Наслал пророческий сон.

Приснились ей зори багряные
На солнечном небосклоне:
Гора там стоит песчаная,
А склон у горы — зеленый.

У подножия этого склона
Дворец, крыльцо со ступенями,
Сверкает он весь чистым золотом,
Сверкает он весь камнями.

Спускается с неба во дворец золотой
Прорицатель и исполнитель желаний святой.
Весь он в одеждах белых,
Излучает сияние,
Молитвы шепчет, ничего не делая,
Неподвижно сидя, как изваяние.
Но если Гэсэр
Без потомства остаться боится,
Надо ехать туда молиться.

В это время рассвет заалел,
Очнулась от сна царица.

Наступает день настоящий,
Исчезает ночи покров.
Урмáй Гóохон идет на пастбище
Тучных доить коров.

То ли глаза обманывают,
То ли продолжается сон,
Видит она в тумане:
Гора и зеленый склон.

У подножия этого склона
Дворец, крыльцо со ступенями,
Сверкает он весь чистым золотом,
Сверкает он весь камнями.
На нитке ли он с неба спускается,
На подпорке ли с земли поднимается.

Смотрит на этот дворец она,
Не понимает, что бы все это значило.
Большим удивлением удивлена,
Задачей большой озадачена.
Быстро побежала она домой,
Рассказать про сон чудесный свой.
Рассказать про свое виденье,
Когда шла она на доенье.

— Ты послушай,—
Говорит Гэсэру Урмай Гоохон,—
Какой мне приснился чудесный сон.

Будто восходят зори багряные
На солнечном небосклоне,
Будто гора там стоит песчаная,
А склон у горы зеленый.

У подножия этого склона
Дворец, крыльцо со ступенями,
Сверкает он весь чистым золотом,
Сверкает он весь камнями.
На нитке ли он с неба спускается,
На подпорке ли с земли поднимается.

Приходит с неба во дворец золотой
Прорицатель
И исполнитель желаний святой.
Весь он в одеждах белых,
Излучает сиянье,
Молитвы шепчет, ничего не делая,
Неподвижно сидя, как изваяние.
Поскольку
Некого нам на коленях качать,
Поскольку
Некого нам около подбородка ласкать,
Поскольку
Некого нам на ночь баюкать,
Поскольку
Некому нам языком люлюкать,
Поскольку
Без потомства мы остаться боимся,
Не поехать ли нам во дворец помолиться.
Высокому небу мы помолимся,
Святому белому мы поклонимся.
Не от пятидесяти ли пяти небесных долин,
С заданием он спустился,
Не от пяти ли священнейших книг
С указанием он спустился.
Попросим мы у белого старика
Сынка.
Чтобы было нам кого

На коленях качать,
Чтобы было нам кого
Около подбородка ласкать,
Чтобы было нам кого
На ночь баюкать,
Чтобы было нам кому
Языком люлюкать.

Гэсэр глубоко задумался:
Нет ли тут злого умысла.
Если старца святого, белого
Небожители на землю спустили,
Почему тайком они это сделали,
И Гэсэра не известили?
Говорит задумавшись он
Жене Урмай Гоохон:
— Давай-ка подумаем двое.
Что это за волшебство?
Не черта ли Лобсоголдоя
Черное колдовство?
И тебе, Урмай Гоохон,
Не он ли навеял сон?

Расскажу тебе дело тайное,
Как охотились на Алтае мы.
Ехали мы таежным склоном,
Северной стороны держась,
Ехали мы по каменистым склонам,
Южной стороны держась.

По тринадцати хребтам мы скакали,
Дичь выслеживали,
По двадцати трем хребтам мы скакали,
Дичь постреливали.
Повстречался нам чертенок,
Черный, маленький постреленок.
За оленем бежал он прытко,
А попал коню под копыта.
Черного Лойр Лобсоголдоя
Взял тогда я левой рукою,
Приподнял я его за шкуру,
Так что он боялся и пикнуть,
А в руке моей правой плетка,
Она хлещется очень хлестко.

Я сгибал его,
Как сырое дерево,
Я ломал его,
Как сухое дерево.
Чтобы впредь по горам он не рыскал
И добычи здесь не выискивал.
Не пришел ли теперь он мстить,
За обиду мне отплатить?

Уж не он ли тут вокруг прыгает?
Но жена в ответ только хныкает.

Призадумался Гэсэр,
Сидит, молчит,
А жена между тем
Ворчит, бурчит.

На коленях, де, качать нам некого,
У подбородка, де, ласкать нам некого,
Баю-бай, де, распевать нам некому,
Языком, де, люлюкать нам некому.
Зачем напрасно
Подвоха искать?
Когда все ясно,
Зачем туман напускать?
Спустился святой
Во дворец золотой,
А обиженный черт
Тут ни при чем.

Так Урмай Гоохон
Целый день ворчит,
Вспоминая свой сон,
Без конца бурчит.
Ей детей наконец
Иметь хочется,
На молитву во дворец
Она просится.

Абай Гэсэр хубуун,
Решивши быть осторожным,
Буйдай Улаан батора
Спутником взяв дорожным,
Навесив на руку плеть,
Сев на коня Бэльтэна,
Поехал сам посмотреть —
Что там за старец белый.
Видят — место сухое, печальное,
Трава вся зноем спаленная,
Гора там стоит песчаная,
А склон у горы — зеленый.
У подножия этого склона
Дворец, крыльцо со ступенями,
Сверкает он чистым золотом,
Сверкает он весь камнями.
На подвеске ли с неба спускается,
На опоре ли с земли поднимается.
То ли поднятый, то ли спущенный,
Но сверкает дворец, горит.
Своему помощнику-спутнику
Абай Гэсэр говорит:

— Надо нам хорошенько проверить,
Что там в храме за чудеса,
Проползи потихоньку в двери
И смотри ты во все глаза,
Старец там — настоящий святой
Или чертенок Лобсоголдой.

А я соберу в свой голос
Тысячу голосов лосиных,
Оглушительно закричу,
Потом соберу в свой голос
Десять тысяч голосов лосиных,
Сотрясающе закричу.

Горы-скалы начнут качаться,
Море Сун-далай начнет волноваться,
Вся вселенная задрожит,
Сумбэр уула-гора задребезжит.
Если старец в одеждах белых,
Излучающий свет-сияние
Никакого движенья не сделает,
Неподвижный, как изваяние,
Значит он настоящий святой,
А не хитрый Лобсоголдой.

Если ж он от испуга свалится,
С возвышения на пол скатится,
Значит это черт притворившийся,
В старца белого превратившийся.

Вот пробрался помощник в храм,
Старца белого видит там.
Он уселся на возвышении
И сидит себе без движенья.

Тут Абай Гэсэр, собрав в свой голос
Тысячу лосиных голосов,
Оглушительно закричал,
А потом он, собрав в свой голос
Десять тысяч лосиных голосов,
Сотрясающе закричал.

Горы-скалы стали качаться,
Сун далай-море пошло волноваться,
Вся вселенная задрожала,
Сумбэр уула-гора задребезжала.
Старец белый сперва подпрыгнул,
Он с испугу ногами дрыгнул,
С возвышения он свалился,
На пол кубарем покатился.

Тут батор Буйдан Улаан,
Поскорее из храма выйдя,

Побежал к Абаю Гэсэру, чтоб там
Рассказать обо всем, что видел.

Но и черный черт не дурак-простака,
Моментально успел батору он
Весь язык во рту неизвестно как
Повернуть в обратную сторону.

Собирался сказать батор,
Что в храме — Лобсоголдой,
А на деле сказал батор,
Что в храме старец святой.

Абай Гэсэр хубуун,
Решивши быть осторожным,
Буйдан Улаан батора,
Спутника своего дорожного,
Посылает вторично проверить,
Что там в храме за чудеса,
Проползти потихоньку в двери,
Наблюдая во все глаза.
Настоящий ли там святой
Или хитрый Лобсоголдой.
Если он от испуга свалится,
С возвышения на пол скатится,
Значит это черт притворившийся,
В старца белого превратившийся.

Вот пробрался помощник в храм,
Старца белого видит там,
Тот уселся на возвышеньи,
И сидит себе без движенья.

Тут Абай Гэсэр
В тысячу лосиных голосов
Оглушительно закричал,
А потом Гэсэр
В десять тысяч лосиных голосов
Сотрясающе закричал.

Горы-скалы стали качаться.
Сун далай-море пошло волноваться,
А вселенная задрожала,
Сумбэр уула-гора задрезбезжала.

Старец белый опять подпрыгнул
И с испуга ногами дрыгнул,
С возвышения он свалился,
На пол кубарем покатился.

Буйдан Улаан, ни мгновенья не ждя,
Побежал искать своего вождя,

Чтоб скорее из храма выйдя,
Рассказать обо всем, что видел.

Но и черный черт не дурак-простак,
Моментально успел батору он
Язык его неизвестно как
Повернуть в обратную сторону.

Собирался сказать батор,
Что в храме — Лобсоголдой,
А на деле сказал батор,
Что в храме — старец святой.

Очень Абай Гэсэр удивился,
Призадумался Абай Гэсэр очень.
В дивный храм он войти решился,
Чтобы все увидеть воочию.

Вот заходит он в дивный храм,
Старца белого видит там.
Он сидит, испуская сиянье,
Неподвижный, как изваяние.
На подставке, на возвышении
Он сидит себе без движения.

Спрашивает у него Гэсэр,
Для чего он тут в храме сел?
Откуда ты спустился в этот храм золотой,
Не прорицатель ли ты,
Не исполнитель ли всех желаний святой?
Но если тебя, святого, белого,
Небожители на землю спустили,
Почему тайком от меня они сделали
И меня об этом не известили?

Отвечает ему старец святой,
Он же хитрый Лобсоголдой:

— Да, от пятидесяти пяти небесных долин
С поручением я спустился,
Да, из пяти священнейших книг
С указанием я спустился:
Великая бабушка Манзан Гурмэ,
У которой вся сила в ее уме,
Все тайны вселенские знающая,
Все швы во вселенной сшивающая,
Шлет свое благословение в виде чаши,
Чтобы исполнились все желания ваши.

Прознала она,
Что живешь ты с тремя прекрасными женами,
Всем довольными, всем ублаженными.

Что они тебя нежат, холят,
Что у тебя завидная доля.
Что питаешься ты три раза на дню,
Наслаждаешься ты три раза в году,
Но что некого тебе на коленях качать,
Некого тебе около подбородка ласкать,
Некого тебе на ночь баюкать,
Некому тебе языком люлюкать.
Детей у тебя что-то не получается,
Без потомства ты остаешься.
Вверх посмотришь ты — не улыбаешься,
Вниз посмотришь ты — не смеешься.

Взяла она серебряную чашу в руку,
Осчастливаю, говорит, своего внука,
Ты исполни, говорит, поручение наше,
Передай Гэсэру мою чашу.

Чашу бабушки своей Манзэн Гурмэ
Гэсэр, конечно, сразу узнал.
Значит старец есть старец честный,
Осторожность его исчезла.

На Бэльтэна коня он садится,
Поскорее домой стремится,
Чтоб Урмай Гоохон с собой взять
И сюда прискакать опять.

В это время
Урмай Гоохон глядит в окошко,
Похожая на красное солнышко.

— Ты послушай,—
Говорит Гэсэр Урмай Гоохон,—
Оказывается, был правдив твой сон,
С этим старцем, который тебе приснился,
В храме будучи я объяснился.
На подставке, на возвышеньи
Восседает он без движенья,
От одежд испуская сиянье,
Восседает он, как изваянье.

А в руках своих держит чашу,
Что прислала бабушка наша,
Наша мудрая бабушка Манзэн Гурмэ.
Эту чашу серебряную я сразу узнал.

Хочет бабушка нас с тобой благословить,
Хочет бабушка нас детьми одарить.
Без потомства мы остаться боимся,
Поедем с тобой во дворец помолиться.
Мы высокому небу помолимся
И святому белому мы поклонимся.

Попросим у белого старика
На радость нам обоим сына.

Поехал Гэсэр ко дворцу с женою,
Кости его разогрелись, ноют,
Кровь его разгорячилась сильно,
Хочется ему сына.

Въезжают в страну печальную,
В землю зноем всю опаленную.
Видят — гора стоит песчаная,
А склон у горы зеленый.
У этого зеленого склона
Дворец, крыльцо со ступенями,
Весь сияет он чистым золотом,
Весь сверкает дорогими камнями.

На подвеске ли с неба храм спускается,
На подпорке ли с земли поднимается.

Входят они в золоченый храм,
Старца белого видят там.

Молятся они перед ним, каются,
Головами пола касаются.
Молится Урмай Гоохон без лени,
На округло-прекрасные встав колени,
Молится и Абай Гэсэр усердно
Старцу белому, милосердному.

В это время черт притворившийся,
В старца белого превратившийся,
Хитрый черный Лобсоголдой
Поднял чашу правой рукой.
Тебя, говорит, как сына я люблю,
Тебя, говорит, я чашей благословлю.

Гэсэр от этих слов встрепенулся
И к старцу белому лицом обернулся.

После этого,
Не тратя уж лишних слов,
Тот метнул свою чашу Гэсэру в лоб.
Заколдованной чаша та была,
Упал Гэсэр и превратился в осла.

Старец
Вместо Гэсэра, молитву творящего,
Увидел осла, на полу лежащего.
От великой радости задрожал,
К ослу лежащему подбежал.

Пока этот осел на ноги не встал,
Пока этот осел опять Гэсэром не стал,

Смотрит испуганно Гэсэра жена,
Не поймет, что бы все это значило,
Удивленьем великим удивлена,
Задачей большой озадачена.

После этого черт пронзительно свистнул
И своих баторов крылатых вызвал.
В одно мгновение появились
Баторы, что хозяйина стерегли,
Два крылатых батора

Красавицу Урмай Гоохон они схватили
И на осла стреноженного посадили.
И повез ее куда нужно
Тот осел — безропотный труженик.
Он красавицу Урмай Гоохон в седле везет,
А черт его за узду ведет.

Далеко там была страна,
Безводна, безмолвна лежала она.
Была та страна холодной,
Была та страна голодной,
Была та страна постылой.
Все там в ней наизнанку вывернуто,
Все деревья с корнями выдернуты,
Лишь, проскальзывая под тремя преградами,
Текла там река с тремя водопадами.
Вот куда на безмолвном осле,
Вот куда в деревянном седле
То стегая ослу, то тыча,
Черт увозит свою добычу.

138

Заднее наперед загнув,
Неломаемое сломав,
Непугаемое спугнув,
Красавице женщине молодой,
Радуется черный Лобсоголдой.

Высоченный перевал он перевалил,
Необмениваемые шелка обменял,
Месть его тут насытилась,
Честь его тут очистилась.

Черным кнутом трехременным
Бьет он осла по ребрам,
До самых костей пробивает,
К себе домой прибывает,
Ведь как ни длинна река,
А до моря она добирается,
Как ни была бы цель далека,
Но все равно приближается.

А как въехали
в страну пустынную,
А как въехали

в страну постылую,
В страну бестравную,
В страну бесславную,
В страну сухую,
В страну глухую,
В страну, где ветрено и темно,
В страну, где солнышка нет давно,
Сказал веселящийся черт:
«Береженого бог бережет».

Стал укреплять он свои границы,
Чтоб ни зверь сюда не проник, ни птица,
А на случай лихой погони,
Чтобы здесь не прошли и кони.
Чтобы не было здесь никому пути,
Чтобы даже змея не могла проползти.

Заставил он вырасти на всякий случай
Почти до неба чашу колючую,
Чашу прочную, чашу плотную,
Чашу крепкую и добротную.

После чаши устроил он ров-канаву
И напустил в нее кипящую лаву.
Все тут бурлит,
Все тут дымит,
Синие огни над лавой витают,
Огненные брызги до неба взлетают.

После этого устроил он широкое море,
Расплеснув его на просторе.

Но не кипит это море волнами гладкими,
А кишит это море червями гадкими.
Червями желтыми и вонючими,
Червями толстыми и ползучими.

После этого
Черт оглушительно свистнул,
Четырех крылатых баторов вызвал.
Двух баторов
Он за небом следить заставляет,
Двух баторов
За землей следить заставляет,
Так дозорных он расставляет.

— Ну,— думает хитрый Лобсоголдой,—
Пускай теперь погоня скачет за мной.
Тридцать три батора Гэсэра
Пусть скачут,
Триста тридцать три воеводы
Пусть скачут,
Три сотни воевод Гэсэра
Пусть скачут,
Три тысячи оруженосцев Гэсэра
Пусть скачут.
Пусть вся эта погоня,
Как ветер мчится.
Перед моими преградами встанут кони,
Через мои заграждения никому не пробиться.

Приезжает победитель к себе домой,
Призывает он сестер Ёнхобой.
Накрывают они золотой стол,
Яствами редкими его уставляют,
Расстилают они серебряный стол,
Напитками крепкими его уставляют,
Восемь дней они тут пируют,
Восемь дней они тут ликуют,
На девятый день опохмеляются,
На десятый день разъезжаются.

На десятый день черный Лобсоголдой
Берет Урмай Гоохон твердой рукой,
Он берет ее железной рукою
И уводит в свои покои.
Потник шелковый он расстилает,
Свою голову с ее головой соединяет.

В баловстве и ласках
Десять лет, как один день, пролетает,
В игре и плясках
Двадцать лет, как два дня, пролетает,
Лобсоголдой поет-припевает,
Вкусное сладким запивает.

А труженик осел бессловесный
Содержится в сбруе железной,
Кнут тяжелый и трехременный
Бьет его по бокам и ребрам.
До костей его пробивает,
Камни черные возит осел болезный,
Черный пот осел проливает.
Пена белая с него — хлопьями,
А он ушами длинными хлопает,
Он избитый весь, измочаленный,
Он беспомощный и печальный.

В это самое время
На просторах пятидесяти пяти небесных долин,
Где главным небожителем Хан Хурмас,
А вместе с ним Засá Мэргэн, его первый сын,
Два внука Хана Хурмаса,
Два сынишки Засá Мэргэна,
Которых звали Айзаем и Мýузаем,
Веселятся не помня ни дня, ни часа,
Бегают по небу, играя.

Вот на краешек неба они присели,
Смотрят вниз, прислушиваются в тревоге,
Что-то не видно их дяди Гэсэра
Ни в лесу, ни дома, ни на дороге.
Открывают они
Небесную квадратную дверь,
Осматривают они
Обширную земную твердь,
На небосвод они синий вышли,
Смотрят с неба они высокого,
Что-то дыханья дяди нигде не слышно,
Копыта коня его не цокают.
Осматривают они землю тшательно,
Прислушиваются они внимательно.

На просторах Алтая
Дядю они тшательно ищут,
По долинам Хангáя
Взглядами они рыщут.
На тропинках они дядю выискивают,
Нет его ни далеко и ни близко.

Юную гладкую землю
Трижды поворачивая, осматривают,
Молодую нежную землю
Четырежды поворачивая, осматривают,
То спереди на землю посмотрят, то сзади,
Нет нигде Гэсэра, их дяди.
Наконец они видят,
Что в восточной стране,
Где все наизнанку вывернуто,

Как веселились не помня ни дня, ни часа.
Как на краешек неба они присели,
Как догадались они в тревоге:
Что-то не видно их дяди Гэсэра
Ни в лесу, ни дома, ни на дороге.
Как открыли они
Небесную квадратную дверь,
Как осматривали они
Обширную земную твердь,
Как на просторах Алтая
Дядю они искали,
Как по долинам Хангáя
Взглядом они летали,
Как юную гладкую землю
Трижды повернув они осмотрели,
Как молодую нежную землю
Четырежды повернув они осмотрели.
Спереди осмотрели ее и сзади,
Нигде не нашли Гэсэра-дяди.

Мальчишки друг друга перебивают,
Но рассказывать продолжают.
Что, наконец, в восточной стране,
Где все наизнанку вывернуто,
В засушливо-выветренной стране,
Где деревья с корнями выдернуты,
В стране голодной,
В стране бесплодной,
В стране бестравной,
В стране бесславной,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами,
Что Гэсэр там теперь — осел бессловесный,
Содержится Лобсоголдóем в сбруе железной.
Лобсоголдóй его до костей пробивает,
Черный пот осел проливает,
Возит он тяжелые черные камни,
Белая пена летит с него комками,
Да, летит с него пена хлопьями,
А он только ушами хлопает.
Он избитый весь, измочаленный,
Он измученный и печальный.

А еще что они там увидели,
Так уж лучше б совсем не видели.
Дом Гэсэра собой украшавшую,
Зеркала красотой своей наполнявшую,
Солнцеликую красавицу Урмáй Гóохон
Ласкает и щекочет Лобсоголдóй,
И день и ночь потешается он,
С Гэсэровой женой молодой.
В баловстве и ласках,
Десять лет, как день один, пролетает.

В игре и плясках
Двадцать лет, как два дня, пролетает,
Лобсоголдой красавицу лучшую
Ласкает, терзает, мучает,
Лобсоголдой поет-припевает,
Вкусное сладким запивает.
Вот о чем перебивая друг друга
Поведали деду два шустрых внука.

Хан Хурмас их внимательно выслушал, он
Не понимает, что бы все это значило,
Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.

Четко, словно перед сражением
Отдает он распоряжение:
На седловине между двух высоких гор
Живет мой сын Заса Мэргэн батор.
Конь его масти серой, соколиной,
Преград не знает,
Перелетает через долины,
Ветер перегоняет.
Пусть Заса Мэргэн на этом коне
Немедленно приедет ко мне.

Копыта конские стук да стук,
Заса Мэргэн тут как тут.
Коня он привязывает, бросает он повод,
Хан Хурмас говорит ему:
— Беда!

Чертенюк мстительный, хитрый, злой
Черный Лойр Лобсоголдой
Своим коварством и волшебством,
Черным своим колдовством
Обрек на муки нашего Гэсэра,
Превратил в осла, жалкого, серого.
Черный камень осел таскает,
Черный пот осел проливает,
Белая пена летит с него хлопьями,
А осел лишь ушами длинными хлопает.

Так терзает черт Гэсэра славного нашего,
Но это, мой сын, не самое страшное.
Оказывается,
Вселенную собой украшающую,
Оказывается,
Зеркала красотой своей наполняющую,
Солнцеподобную красавицу Урмай Гёохон
Ласкает и щекочет Лобсоголдой,
И день и ночь потешается он,
С ней, прекрасной и молодой.
Обманом и коварством он ее захватил,

Шелковый потник он для нее расстелил,
Свою голову с ее головой соединил.

В баловстве и ласках
Десять лет, как одно мгновение, пролетает,
В игре и плясках
Двадцать лет, как два мгновения, пролетает,
Лобсоголдой счастьем своим упивается,
С новой красавицей-женой наслаждается.

Ты, сын мой самый старший и лучший,
Ты, батор наш самый ловкий, могучий,
Ты потом у меня что хочешь проси,
Но на землю спустись и Гэсэра спаси.
Пусть снова станет батором он.
Выручи и жену его Урмай Гóохон.
Выручи их из плена жуткого, злого,
Тогда лишь ко мне возвращайся снова.

Заса Мэргэн батор приказанье понял,
И сказал отцу: «Хорошо, исполню».

Собрался он очень скоро,
Приготовился он умело,
С неба белого и высокого
На землю ринулся смело.
Конь его, как птица, летит,
Звезды мелькают, в ушах свистит.
Не успела закрыться небесная дверь,
А под копытами уж земная твердь.

Оказался он в долине Моорэн,
Оказался он около вечного моря,
Где жил во дворце, среди прочных стен,
До недавних пор Абай Гэсэр хубуун.

Алма Мэргэн, Гэсэра третья жена,
Встречает почетного гостя,
Во дворец его приглашает она,
За стол она его просит.

Золотой она стол накрывает,
Пищу редкую ставит,
Серебряный стол расстилает,
Напитки крепкие ставит.
Гостя потчует, угощает,
Добавляет и доливает.

Заса Мэргэн хорошо наелся,
Заса Мэргэн хорошо напился,
Но помнит, зачем он здесь,
Зачем на землю спустился.

Собрал он
Тридцать трех баторов Гэсэра,
Три сотни воевод Гэсэра,
Три тысячи оруженосцев Гэсэра,
Говорит им, что предстоит великий поход,
Он начнется с восходом солнца.
Говорит, что нельзя успокоиться,
Пока Гэсэр и его жена пленены,
Пускай баторы готовятся
Идти дорогой войны.
Утром рано вышли они в поход,
Заса Мэргэн их вперед ведет.

Направляются они в страну Хонин Хотó,
Где солнца красного не видит никто.
В страну пустынную,
В страну постылую,
В страну сухую,
В страну глухую,
В страну, где ветры черные дуют,
В страну, где черти живут, колдуют,
В страну, где все наизнанку вывернуто,
В страну, где деревья с корнями выдернуты.
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами,
Надеются они там Гэсэра найти,
Надеются они Гэсэра спасти.
Будут биться они смертным боем,
С черным чертом Лобсоголдобем.

Как ни длинна река,
Но до моря все равно добирается,
Как дорога ни далека,
Но цель все равно приближается.
Проходят они свои земли
Благодатно-прекрасно-алмазные,
Начинаются чудные земли,
Погано-червиво-грязные.

Подходят они к владеньям Лобсоголдóя
И видят — по всей границе
Колючая чаща стоит стеной,
Ни зверь не проникнет, ни птица.
Нет через чащу никакого пути,
Даже змее не проползти.
Смотрит Заса Мэргэн поверху,
Ищет прохода и не находит,
Смотрит Заса Мэргэн понизу,
Ищет прохода и не находит.
Направо обойти он колючки пробует—
Нет пути.
Налево обойти он колючки пробует —
Нет пути.

А ведь надо идти.
Делать нечего,
Берет Заса Мэргэн стрелу хангайскую черную,
Берет он желтый бухарский лук
И в черные заросли черного черта
Черную стрелу выпускает из рук.
Стрела в полете запела,
Запела и зашуршала,
За колючки она задела,
Тьма деревьев сразу упала.
Образовался в чаще проход,
Через который и бык пройдет.
Образовались ворота тут,
Через которые пройдет и верблюды,
Тем более хватило простора
Пройти на конях баторам.

Дальше идут они в пределы чуждой земли,
Но далеко они не ушли.
Лежит на пути у них ров-канава,
А в ней до краев кипящая лава.
Все тут бурлит,
Все тут дымит.
Синие огни над лавой витают,
Огненные брызги до неба взлетают.
Даже исполинская птица Турак¹
Не пролетела бы здесь никак.
Даже божественный конь-аргамак
Не перескочил бы через лаву никак.
Смотрит Заса Мэргэн поверху,
Ищет прохода и не находит,
Смотрит Заса Мэргэн понизу,
Ищет прохода и не находит.
Направо обойти он лаву пробует —
Нет пути,
Налево обойти он лаву пробует —
Нет пути,
А ведь надо идти.
Очень он рассердился,
Сильно надул он щеки,
Брови его зашевелились,
Торчат, как щетки.
Но был Заса Мэргэн батор запасливый,
Достает он в этот миг из-за пазухи
Красный камень волшебный свой
Лежавший пока без дела.
Красный камень он в рот кладет,
Зубами белыми его разгрызает,
Крошками от камня в небо плюет,
Громы и молнии вызывает.

¹ Буквально: огромных размеров.

Девять дней грохотали грозы,
А потом начались морозы,
А потом повалили снега,
А потом замела пурга.
Все вокруг померзло, пожухло,
Лава огненная потухла.
Лава огненная остыла,
Все тут стало, как раньше было.
На коне скакать иль пешком идти —
Во все стороны есть пути.

Двинулись баторы в пределы чуждой земли,
Но отойти не успели, недалеко ушли.
Перед ними широкое море
Расплеснулось вдруг на просторе,
Но не блестит это море волнами гладкими,
А кишит это море червями гадкими,
Червями желтыми и вонючими,
Червями толстыми и ползучими.
Даже царственный аргамак
Не перескочил бы море никак.
Даже самый лучший батор
Не преодолел бы этот простор.
Смотрит Заса Мэргэн поверху,
Возможности пройти не находит.
Смотрит Заса Мэргэн понизу,
Возможности пройти не находит.
Направо обойти море он пробует —
Нет пути.
Налево обойти море он пробует —
Нет пути.
Нету морю никакого обхода,
Нету в море мелкого брода.

Измучился Заса Мэргэн, рассердился,
Надул он щеки,
Брови его зашевелились,
Торчат, как щетки.
Но был Заса Мэргэн батор запасливый,
Достает он в этот миг из-за пазухи
Книгу желтую, исполинскую,
Книгу древнюю, праматеринскую.
Имеющей власть правой рукой
Он праматеринскую книгу листает,
Имеющей силу левой рукой
Праотцовскую книгу листает,
Листает он ее при свете луны,
Все буковки в книге ему видны,
Листает он ее при солнечном свете,
Каждая буковка на примете.
Пальцем он по книжным страницам водит,
Нехорошие вести в книге находит.

Об очень плохом книга вещает,
Червивое море переходить запрещает.
Перейти-то море и перейдешь,
Да за морем гибель себе найдешь.
Если все небожители
Пятидесяти пяти небесных долин
Выручать Гэсэра придут, как один,
До изможденья они измучаются,
Но ничего у них не получится.

Так книга священная, книга заветная
Выручать Гэсэра идти не советует.
Море желтое переходить запрещает,
О нехорошем книга вещает.
Засá Мэргэн священную книгу закрыл,
Очень он опечален был.

Очень был Засá Мэргэн огорчен,
Не понимает, что бы все это значило,
Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.

Значит,
Задуманное не осуществится,
Значит,
Начатое не закончится,
Не придется с чертом сразиться,
Хоть сразиться с ним очень хочется.
Не закончится то, что начато,
Брат с женой в плену остаются,
Вверх посмотрит он — чуть не плачет,
Вниз посмотрит он — слезы льются.
На душе и на сердце горе,
Но таков судьбы приговор.
От червивого, гадкого моря
Поворачивает батор.
Вместе с ним повернуло к дому
И все воинство, им ведомое:
Три сотни воевод главных,
Три тысячи оруженосцев,
Три тысячи триста тридцать три оруженосца,
С доспехами, сверкающими, как солнце.

Как бы ни была длинна река,
Но до моря все равно добирается,
Дорога, как бы ни была далека,
Но цель все равно приближается.

Возвращаются они в долину Мóорэн,
Приближаются они к морю Мунхэ Манзán.
Где жил во дворце, среди прочных стен,
До недавних пор Абáй Гэсэр хубуун.
Здесь вода,

Которую он в детстве пил,
Здесь земля,
На которой он с детства жил.
Всех баторов, все свое воинство,
Хоть вернулись они без доблести,
Поблагодарил он за верность и службу
И по домам распустил их тут же.

А сам помчался дорогой длинной
К пятидесяти пяти небесным долинам,
Полетел он с думой большой в уме
Прямо к бабушке Манзан Гурмэ.
К ней, сидящей
С серебряной чашей в руках,
К ней, следящей
За всеми звездами в небесах,
К ней, опирающейся
На множество горных вершин,
К ней,
Все швы во вселенной сшивающей,
К ней,
Все тайны вселенной знающей.
Прилетел он к ней, на помощь надеется:
«Что же это на свете делается?»
Враги
Тринадцати подопечных наших ханов рассвирепели,
Враги
Семидесяти трех народов наших совсем обнаглели.
Ненависть свою распалили,
Мстительность свою возбудили.
Особенно отличился Лобсоголдой,
Этот чертенок хитрый и злой.
Наш Гэсэр уж не Гэсэр, а осел бессловесный,
Содержится Лобсоголдом в сбруе железной,
Лобсоголдой его до костей пробивает,
Черные камни таскать заставляет,
Черный пот с осла безотказного льется,
А Лобсоголдой глядит и смеется,
Пена белая с осла летит хлопьями,
А осел лишь ушами хлопает.
Достаются ему лишь побои за все труды,
Но и это бы — полбеда.
Нет границ у черного зла,
Хуже там происходят дела.

Дом Гэсэра собой украшавшую,
Зеркала красотой своей наполнявшую,
Солнцеликую нашу Урмай Гоохон
Ласкает и щекочет Лобсоголдой,
И день и ночь потешается он
С красавицей нежной и молодой.
Конечно, стерпеть такое нельзя,
Спустился я на землю, летя и скользя,

Избавить двух наших младших
От мучений позорных и страшных.
Но по дороге книгу я достал исполинскую
Праотцовскую, праматеринскую,
Стал я эту книгу листать,
Стал я эту книгу читать.
И увидел, что эта книга заветная
Гэсэра выручать — не советует.
Ты,
На тысячи небожителей опирающаяся,
Ты,
Всеми швами вселенной распоряжающаяся,
Ты,
Сидящая в руке с серебряной чашей,
Ты,
Заступница и надежда наша.
Ты
Эту книгу сейчас возьми,
И что нам делать, нас вразуми».

Манзán Гурмэ священную книгу берет,
Листает спереди назад и сзади наперед,
Листает она ее при свете луны,
Все буковки ей видны.
Листает она ее при солнечном свете,
Все буковки на примете.
Пальцем она по книжным страницам водит,
Нехорошие вести в книге находит.
— Да,— говорит,—
Лобсоголдóй слабенький
Взрослым стал, силу набрал.
— Да,— говорит,—
Гэсэр наш маленьким
и плаксивым стал.
Стал он маленьким, как ребенок,
Только что из пеленок.
Матушка Манзан Гурмэ даже вздрогнула:
Что за строчки такие вздорные!
После этого что есть силы
Вселенную за края она схватила,
Начала ее трясти и качать,
Начала ее качать и трясти.
Начали ветры на земле крепчать,
Начали тучи на небе расти.
Горы все задрожали,
Скалы — задребезжали.
Моря расплескались,
Бури разбушевались.

На черную землю Хонín Хотó,
Где солнышка не видал никто,
На землю сохлую,

На землю дохлую,
На землю безлистую,
На землю мглистую,
На землю пустынную,
На землю постылую,
Где жизни каждый живущий не рад,
Посыпались с неба дождь и град.
Под этот дождь и под град небесный
Попал Гэсэр — осел бессловесный.
Был этот дождь ему — добрый знак,
Напился и ободрился бедный ишак.
И даже Лобсоголдоя он так лягнул,
Что тот коленку едва разогнул.
Потом,
Когда вселенную потрясла и покачала,
Бабушка Манзан Гурмэ так сказала:
— Тот, кто осилил бы дьявола черного,
Еще не появился среди неба просторного,
На земле же такой человек имеется,
Но не на баторов нам надо надеяться.
Победит его слабая с виду женщина,
Так священной книгой завещано.
Тут бабушка Манзан Гурмэ, чей ум остер,
Призывает трех Гэсэровых сестер.
Призывает сестер, сажает их рядом.
Рассказывает сестрам, что делать надо.
Чтобы три коровьих кишки искусно
Наполнили они пищей самой вкусной,
Чтобы преобразились они в трех проворных птиц
И полетели скорее на землю вниз.
Да, чтобы в виде трех птиц Онголи
Полетели они в пределы земли.
В трех птиц Онголи три сестры превращаются,
На землю вниз они устремляются.
Спустились они в долину Мбоорэн,
Оказались они около моря Мунхэ Манзан,
Где жил во дворце, среди прочных стен,
Когда-то их брат Абай Гэсэр хубуун.
Здесь вода,
Которую он в детстве пил,
Здесь земля,
На которой он с детства жил.

Оказались они перед его дворцом,
Опускаются они на его крыльцо,
В золотые ворота они влетают,
По дворцовым покоем они порхают.

Прекрасная, молодая Алма Мэргэн,
Живущая без Гэсэра средь дворцовых стен,
Трех сестер Гэсэра тотчас узнала,
С уважением и достоинством их повстречала.

Золотой стол она накрывает,
Пищу вкусную ставит,
Серебряный стол она расстилает,
Напитки сладкие ставит.
Предлагает она им еду и питье,
А они ей предлагают угощенье свое.
Три коровьих кишки, набитых искусно
Пищей особенной, пищей вкусной.
Ты попробуй, говорят, этого мяса,
Будешь сильнее с этого часа.
Это мясо многолетнее, многодавнее,
Нашей матушкой Манзэн Гурмэ данное.
Алма Мэргэн от всех трех кишок поела
И как будто бы опьянела.
А три сестры говорят, рассказывают,
Все завязанное развязывают.
Рассказывают они про землю Хонин Хотó,
Где солнышка не видит никто,
Про землю сухую,
Про землю глухую,
Про землю безлистую,
Про землю мглистую,
Где одна лишь река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами,
Где все наизнанку вывернуто,
Где деревья с корнями выдернуты.

Там
Бессловесным ослом Гэсэр живет,
Камни таскает, колючки жует,
Дыханье его прервется вот-вот,
Жизнь его оборвется вот-вот.
Надо ждать его гибели не с года на год,
А надо ждать его гибели со дня на день.
Спасать Гэсэра немедленно надо.

Но тот, кто осилил бы дьявола черного,
Еще не появился среди неба просторного.
На земле же такой человек имеется,
Не на баторов нам надо надеяться.
Победит его слабая с виду женщина,
Так священной книгой завещано.
Там написано,
Что спасти Гэсэра и Урмай Гоохон
От черного дьявола Лобсоголдóя,
Над которыми издевается и насмехается он,
Не найти ни витязя, ни героя,
Спасти его может только одна
Алма Мэргэн — молодая жена.

Так,
На тысячи небожителей опирающаяся,

Так,
Всеми швами вселенной распоряжающаяся,
Так,
Сидящая в руке с серебряной чашей,
Заступница и надежда наша,
Когда священную книгу раскрыла
И прочитала, что там написано было,
Нас, трех сестер, посадивши рядом,
Рассказала подробно, что делать надо.
Велела она превратиться нам в птиц,
Велела она спуститься нам вниз,
Велела она три коровьих кишки искусно
Наполнить пищей, особенной, вкусной,
Которая вроде бы опьяняет,
Но которая сил и храбрости прибавляет.
Велела она
Найти, Алма Мэргэн, вас,
И передать вам этот наказ.
Гэсэра выручить и спасти
И в свой дворец его привезти.
Отвечает Алма Мэргэн, побелев, как мел:
— Гэсэр в три раза больше сил имел,
Был он меня хитрее,
Был он меня мудрее,
И то обманул его черный Лобсоголдой.
Как же я-то справлюсь с такой бедой?
И хоть вы меня тут напутствуете
И наказ принесли мне свыше,
Нужных сил я в себе не чувствую
И отваги в себе не слышу.

Три сестры ее угощать продолжают,
Напитки особые предлагают.
Подносят они ей
Светлый напиток арзу.
Подносят они ей
Крепкий напиток хорзу.
Алма Мэргэн напитки особые пьет,
Алма Мэргэн вдруг с места встает.

От арзы
Алма Мэргэн захмелела,
От хорзы
Алма Мэргэн запьянела.
Кровь ее разгорячилась,
Душа ее размягчилась.
Развеселилась она,
Как двадцать пять человек,
Расходилась она,
Как сорок пять человек.
Вошла в нее сила ста человек,
Глаза огнем горят из-под век.

Подбирая длинные волосы,
Говорит она твердым голосом:

— Тело мое сделалось мощным,
Сердце мое сделалось каменным,
Не боюсь я теперь ни дня, ни ночи,
Не боюсь я теперь огня-пламени.
Стала я сильной и властной,
Сделалась я безжалостной.
Мысли мои теперь — волчьи,
Убедиться хочу воочию,
Где Абай Гэсэр живет, как в аду,
Я его выручать пойду.
Дьявол черный Лобсоголдой
Дело будет иметь со мной!
Приготовьте мне коня кроваво-рыжего,
Позовите ко мне Буйдан Улаан батора! —
С этими словами из комнаты вышла...
Начались к походу спешные сборы.

После этого
Надевает Алма Мэргэн
Не то, что красиво и модно,
Не женские свои безделушки и украшения,
А то, что понадобится ей для похода,
Что понадобится ей для сраженья,
Для черта черного укрощенья,
Что для битвы ей будет нужно —
Боевое берет оружие,
Боевое берет снаряжение.

И оделась Алма Мэргэн и обулась,
Перед зеркалом так и сяк повернулась,
Где пылинка — ее сдувает,
Где соринка — ее счищает.
В зеркало,
С дворцовую дверь величиной,
Алма Мэргэн погляделась:
Хорошо ли она обулась-оделась.

После этого
Говорит она трем сестрам вещим:
— Будьте радостны, будьте счастливы вечно.
А я поеду по вашему знаку
Убивать Лобсоголдою-собаку.

Три сестры ей в ответ желают удачи,
Все закончить успешно, что будет начато.
В той земле чужой, отдаленной,
Чтоб судьба была к ней благосклонной,
Чтоб она своего добилась
И домой к себе возвратилась.
Так друг друга они любили,

Так друг друга благословили.
Как следует Алма Мэргэн снарядилась,
Как следует оделась, обулась.
Перед зеркалом она покрутилась,
Так и сяк перед ним повернулась.

После этого
Изящным движением
Открывая перламутровую дверь,
Наружу она выходит теперь,
Плавными движениями,
Не уронив ни пылинки с ног,
Перешагивает она мраморный хангайский порог.
С озаряющим землю лицом
Выходит она из дворца на крыльцо.
Крыльцо это так построено,
Что не слышно его под пятками.
Крыльцо это так просторно,
Что пастись бы там кобылицам с жеребятками.
Легкими движениями, без суеты,
По ступенькам серебряным с высоты,
Ни разу на лестнице не оступясь,
Идет она туда,
Где резная серебряная коновязь.
Туда она плавно вышла,
Где стоит ее конь кроваво-рыжий.
Красно-шелковый повод от коновязи
Неторопливо она отвязывает,
Этого повода полукруг
Берет она в левую руку,
А кнут с рукояткой из красного дерева
В правой руке она держит.
Ногу в чисто-серебряное стремя она продела,
В якутско-серебряное седло устойчиво села.

После этого,
У повода правую сторону натянув,
А левую сторону ослабляя,
Морду коня в нужную сторону повернув,
Она его по солнышку направляет,
Скачет с ней вместе опора опор,
Верный Буйдан Улаан батор.
Батора этого молодого и мощного
Взяла она спутником и помощником.

От дворца отдаляется конский скок,
Поехали они на восток.
Поехали он в страну Хонии: Хото,
Которой из них не видал никто.
Летят они не низко, не высоко,
Летят они, как ястребы-соколы.
Не стрелы выпущенные свистят,
Не камни брошенные шуршат,

Два коня один за другим подряд,
Выше гор и лесов над землей летят.
Через горы древние они перемахивают,
Через верхи деревьев они перескакивают.
Хоть длинна река,
Но до моря все равно добирается,
Хоть дорога и далека,
Но цель все равно приближается.
Вот родная земля
Уж кончается,
Вот чужая земля
Начинается.
То жара им в лицо, то дует метель,
Из Алма Мэргэн выходит весь хмель.
По сторонам оглядывается она,
Не понимает, что б это значило,
Большим удивленьем удивлена,
Задачей большой озадачена.
Сидит она в седле еле-еле,
Становится ей тревожно и страшно.
— Куда это мы едем? —
У спутника она спрашивает.

Буйдан Улаан батор,
Боолуура-небожителя первый сын:
— Скачем мы, — говорит, — превыше гор,
Дальше лесов, дальше пустынь.

— Скачем мы, — говорит, — в направлении востока,
Во владенья Лобсоголдоя жестокого.
Едем мы его победить-извести,
Нашего Гэсэра из неволи спасти,
Едем мы с напутствием трех сестер,
С благословения бабушки, чей ум остер.

У Алма Мэргэн сердце замерло,
Чуть не падает она замертво,
Испугалась она очень сильно,
У Буйдана Улаана она спросила:
Но разве справлюсь я, слабая женщина,
С Лобсоголдоём, чертом злоеющим?
Говорит Алма Мэргэн, побелев как мел:
— Гэсэр в три раза больше силы имел,
Был он меня хитрее,
Был он меня мудрее,
И то обманул его черный Лобсоголдой.
Как же я-то справлюсь с такой бедой?
И хоть сестры меня напутствовали
И наказ принесли мне свыше,
Нужных сил я в себе не чувствую,
И отваги в себе не слышу.
Конь кроваво-рыжий вперед несется,
Алма Мэргэн в седле трясется.

Ничего она впереди не видит,
Из седла вот-вот выпадет.
Буйдан Улаан батор головой качает,
Ну, говорит, женщины, ну, говорит, и дела.
О чем же думала ты вначале,
Зачем же сестрам клятву дала?
Подбирая длинные волосы,
Говорила ты твердым голосом:
«Тело мое сделалось мощным,
Сердце мое сделалось каменным,
Не боюсь я ни дня, ни ночи,
Не боюсь ни огня, ни пламени,
Стала я сильной и властной,
Сделалась я безжалостной.
Дьявол черный Лобсоголдой
Дело будет иметь со мной!»

Все слова свои Алма Мэргэн вспомнила,
Силой-мужеством грудь наполнила.
Виду робости не показывает,
Твердым голосом батору приказывает:
— Ты, Буйдан Улаан, батор верный мой,
Поверни назад, поезжай домой.
Дальше лежит чужая страна,
Дальше я поеду одна.
Будет черный дьявол Лобсоголдой
Дело иметь со мной с одной.

После этого
Выпускает Алма Мэргэн на ладонь
Двенадцать своих волшебств,
Заставляет плясать по пальцам
Двадцать три своих волшебства,
Заговорные произносит слова.
Коня своего кроваво-рыжего
Заколдовала Алма Мэргэн и заморозила.
Превратился большой и сильный конь
В кресало, которым высекают огонь,
Кресало Алма Мэргэн в карман положила.

После этого
Алма Мэргэн солнцелица
Новые заговорные слова прошептала,
Превратила себя в легкую птицу,
Жаворонком крылатым стала.
Полетела она высоко, высоко
От земли, от деревьев и от травы.
Поднялась она
Чуть повыше белоснежных облаков,
Поднялась она
Чуть пониже небесной синевы.
Летит она в переливах небес,
Крылышками трепещет,

Летит она не в страну чудес,
А где правит дьявол зловещий,
В проклятую страну Хонин Хотó,
Где солнышка не видит никто.
В страну холодную,
В страну голодную,
В страну бестравную,
В страну бесславную,
В страну засушливую,
В страну удушливую.
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами.
В страну, где пыль лежит до колен,
Где умереть никому не жалко.
Прилетела на крылышках Алма Мэргэн
В виде легкого певчего жаворонка.

Еще небесных не покинув просторов,
Увидела она двух крылатых баторов.
Они дозорными поставлены были,
За синим небом они следили.

Но Алма Мэргэн
Двенадцать волшебств своих вынула,
Но Алма Мэргэн
Двадцать три волшебства по ладони раскинула
И баторов глаза дозорные
Повернула в другую сторону.
Видят они прошедшее, что когда-то было,
А уши у них совсем заложило.

После этого,
Спустившись на землю из небесных просторов,
Увидела Алма Мэргэн еще двух крылатых баторов.
Они дозорными поставлены были,
За обширной землей они следили.

Но Алма Мэргэн
Двенадцать волшебств своих вынула,
Но Алма Мэргэн
Двадцать три волшебства на ладонях раскинула,
И глаза баторов дозорные
Повернула в другую сторону.
Видят они прошедшее, что когда-то было,
А уши у них совсем заложило.

После этого
К дворцу Лобсоголдоя она подлетает,
Над крышей вьется, около окон порхает,
Хочет она, любопытная женщина,
Хотя бы взглянуть на черта зловещего,
Что у него за лицо, что у него за тело,
Но не в одном любопытстве дело.

Надо ей оценить его возможности,
Узнать его коварства границы,
Его волшебств бесчисленных сложности,
Вот зачем порхает вокруг дома птица.

Видит она,
Тело у Лобсоголдоя угольно-черное,
Каждый зуб у него с лопату,
Живот, как мешок, мотается у черта,
Сам нечесанный и кудлатый.

Видит она, как в сбруе железной
Тащится понуро осел бессловесный,
Как хозяин кнутом трехременным
Стегает его по бокам и ребрам.
Черные камни осел таскает,
Черный пот осел проливает.
Видит она, как солнцеликую Урмай Гоохон
Окружил черный Лобсоголдой.
Как, обнимая, потешается он
Над красавицей нежной и молодой.
Удивилась Алма Мэргэн, возмутилась,
Сердце гневно в груди забилося.
Если была бы в руках ее сила,
Лобсоголдоя тотчас бы удавила.
Но действует она неторопливо и плавно,
Действует она по задуманному плану.

Полетела она дорогой небесной и голубой
К чертовой старшей сестре Ёнхобой.
Оценить все ее возможности,
Узнать коварства ее границы.
Ее волшебств бесконечных сложности,
Полетела узнать золотая птица.

Алма Мэргэн ахнула даже,
Сестру Лобсоголдоя увидев старшую.
Никогда не видела она женщины гаже,
Не видела женщины более страшной.
Веки ее одрябли
И на щеки свесились.
Щеки ее одрябли
И до грудей свесились.
Грудь ее одрябли
И до пупка свесились.
Живот ее одряб
И до колен свесился.
Кожа на коленях одрябла
И до ступней свесилась.
Думает Алма Мэргэн:
«Если бы я такая была,
Я бы давно повесилась».

Плюнула бы она на это тело,
Да птичка жаворонок плевать не умела.

А ест сестра Ёнхобой из железного блюда,
А ездит она на помеси коня и верблюда.
Есть у нее железная мялка,
Мнет она на ней звериные кожи,
Помнет, помнет, пока ей не жарко,
Кожи мятые в кучу сложит.
Полетала птичка вокруг окон и крыши
И вспорхнула повыше.
Полетела она по дороге небесной и голубой
К чертовой средней сестре Ёнхобой.

Оценить все ее возможности,
Узнать коварства ее границы,
Ее волшебств бесконечных сложности,
Полетела узнать золотая птица.
Вокруг дворца она полетала,
Все она высмотрела, все узнала.
Но увидев саму сестру, вздрогнула даже,
Трудно быть женщине страшнее и гаже.
Брови ее одрябли
И до губ свисают.
Губы ее одрябли
И до грудей свисают.
Грудь ее одрябли
И до пупка свисают.
Живот ее одряб
И до колен свисает.
Кожа на коленях одрябла
И до ступней свесилась...
Думает Алма Мэргэн в облике жаворонка:
«Если я такая была бы,
Я бы сразу повесилась».
Полетела птичка вокруг окон и крыши
И вспорхнула повыше.
Полетала она по дороге небесной и голубой
К чертовой младшей сестре Ёнхобой.
Оценить все ее возможности,
Узнать коварства ее границы,
Ее волшебств бесконечных сложности,
Полетела узнать золотая птица.
Вокруг дворца она полетала,
Все она высмотрела, все узнала.
Увидела она, что сестра эта тоже
На двух старших сестер похожа.
Ресницы-брови одрябли,
До щек свисают.
Щеки одрябли,
До грудей свисают.
Грудь одрябли,
До пупка свисают.

Живот одряб
До бедер свисает.
Кожа на бедрах одрябла,
До щиколоток свесилась.
Думает Алма Мэргэн в облике жаворонка:
«Если я такая была бы,
Я бы давно повесилась».

Полетала птичка вокруг окон и крыши
И поднимается выше.
Полетела она обратно
Легко и плавно.
Обдумывает она многократно
Свои планы,
Чтобы все задуманное — осуществилось,
Чтобы начатое все — закончилось,
Чтобы Гэсэр и Урмай Гоохон освободились,
Очень ей хочется.
Крылышки у птицы легки и быстры,
Возвратилась она до жилища старшей сестры,
Которая ест из железного блюда,
А ездит на помеси коня и верблюда,
Которая имеет железную мялку,
Мнет на ней звериные кожи,
Помнет, помнет, пока ей не жарко,
Кожи мятые в кучу сложит.

Тогда Алма Мэргэн
Двенадцать волшебств своих вынула,
Тогда Алма Мэргэн
Двадцать три волшебства своих раскинула.
Полдневный зной трех последних лет
В одно место собрала она запросто,
От дикого зноя спасенья нет,
Наступила великая засуха.
Лошадиная моча на дороге кипит,
Лошадиный помет сам собой горит.
Лобсоголдоя старшая сестра Ёнхобой
Не может вынести этот зной.
Искупаться в озере захотела,
Долго она купается,
Хочет она охладить свое тело,
Но тело не охлаждается.
А зной все палит без жалости,
До жженья и до сожженья.
Купается Ёнхобой до усталости,
Купается до изнеможения.
Наконец нашла от дерева тень,
Лежит в тени, распростертая,
Думать лень, шевелиться лень,
Уснула она, как мертвая.
Алма Мэргэн уж тут как тут.
Носиком птичьим тук да тук.

Попискивает она и щебечет,
Заклинательные слова лепечет:
«Восемьдесят дней тебе не очнуться,
Восемьдесят дней тебе не проснуться».

Потом Алма Мэргэн
Двенадцать волшебств своих вынула.
Потом Алма Мэргэн
Двадцать три волшебства своих раскинула.
И вместо жаворонка,
Птички певчей и золотой,
Обернулась она, как ни гадко, ни жалко,
Уродливой сестрой Ёнхобой.

Стало самой ей жарко,
Стало душно ей тоже,
Взяла она железную мялку,
Мнет она звериные кожи,
Мнет она кожи лосиные,
Мнет она кожи медвежьи,
Мнет она кожи прокисшие,
Мнет она кожи свежие.
После этого
Пакостного того ублюдка,
Помесь лошади и верблюда,
Запрягла она в телегу железную
И сама на телегу залезла,
Ничего она не забыла.
Даже палицу-скребок с собой захватила
И поехала потихоньку вперед,
Где Лобсоголдой, ее брат, живет.

В это время
Урмай Гоохон солнцеликая,
Полземли освещая лицом,
Вышла из дворца освежиться
На широкое серебряное крыльцо.
Сестру Лобсоголдой она встречает,
Как почетную гостью ее приветчает.
Берет уродливого ублюдка,
Помесь лошади и верблюда,
Из телеги его распрягает,
К коновязи его подводит,
Руку тетушке предлагает,
Во дворец ее важно вводит.

Та идет, ковыляет жалко,
Опираясь на железную мялку,
Как на посох или на палку.
Но достойно здоровается она с «невесткой»,
Говорит ей слова уместные.
А невестка ее за стол сажает,
Привечает и ублажает.

Накрывает она золотой стол,
Кушанья редкие на него ставит,
Расстилагает она серебряный стол,
Напитки крепкие на него ставит.
Настойки, напитки выставила
Она все старые, выстоянные.
Угощает гостью прозрачной арзой,
Угощает гостью светлой хорзой.
Вкусно гостя пила и ела,
Захмелела и опьянела,
А когда закурила трубку,
Ей сидеть уже стало трудно,
Клонит ее ко сну и вот-вот
Прямо за столом она заснет.
Хорошо она угостилась,
Ведь хозяйке она не перечила...
В это время солнце уже садилось,
День кончался, клонился к вечеру,
Дьявол черный Лобсоголдой
Возвращался из гор домой.
Рядом, сбруей гремя железной,
Семеня осел бессловесный.
Целый день, выбиваясь из сил,
Он тяжелые, черные камни возил,
А хозяин по бокам и по ребрам,
Бил кнутом его трехременным.

Урмай Гоохон, как шаги услышала,
Встречать хозяина вышла.
Сообщает ему: «О, хозяин мой,
На осле возивший камни с утра,
В гостях у нас сама Ёнхобой,
Старшая твоя, дорогая сестра».
Думает хозяин: «Ничего не пойму,
Что тут за наваждение...»
Не могла сестра приехать к нему
В гости без предупреждения.
В недоумении осла распрягает он,
Не знает, что бы это значило.
Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.
«Все, — он думает, — в этом мире возможно,
Надобно вести себя осторожно.
Надо проверить, в чем тут дело,
Что тут за колдовство.
Может быть небожителей белых
Это белое волшебство.
Надо проверить, набравшись терпенья,
Нет ли тут чьего-нибудь превращения».
Приказывает черный дьявол и хан
Солнцеликой Урмай Гоохон хатан:
— Мы проверим, какого свойства

В нашем доме пошли чудеса.
Ты иди-ка опять, где гостья,
И смотри там во все глаза.
А я соберу в свой голос
Тысячу голосов лосиных,
Оглушительно закричу,
А я соберу в свой голос
Десять тысяч голосов лосиных,
Сотрясающе закричу.
Ты сама этих криков не бойся,
А смотри неотрывно на гостью.

Если это сестра моя старшая
К нам приехала в самом деле,
Ей мой голос будет не страшен,
Никакого движенья не сделает.
Если ж гостья с испуга свалится
И со стула на пол покатится,
Значит чье-то тут колдовство,
Чье-то белое волшебство.

Вот Урмай Гоохон появляется,
Где застолье еще продолжается,
Вкусно-сладко наевшись, напившись,
Табаку потом накурившись,
Гостья дремлет на стуле сидя,
Ничего уж вокруг не видя.

В это время
Лобсоголдой, собрав в свой голос
Тысячу лосиных голосов,
Оглушительно закричал,
А потом он,
Собрав в свой голос
Десять тысяч лосиных голосов,
Сотрясающе закричал.
Горы-скалы стали качаться,
Сун далай-море пошло волноваться,
Вся вселенная задрожала,
Сумбэр уула-гора задребезжала.
Тут Алма Мэргэн со стула свалилась,
На пол кубарем покатилась.
Урмай Гоохон того не выдержала,
Испугавшись, из комнаты выбежала,
Чтобы рассказать, как, на стуле сидя,
Дремала гостья, ничего не видя.
Как она испугалась крика
Лобсоголдоя великого.
Как она со стула свалилась,
На пол кубарем покатилась.

Но пока она из комнаты выходила,
Алма Мэргэн, оказывается, не дремала,

Язык ей в другую сторону поворотила,
Чтобы правды не рассказала.

Собиралась сказать Урмай Гоохон,
Что там не сестра Ёнхобой,
А на деле сказала Урмай Гоохон,
Что там сестра Ёнхобой.

Лобсоголдой почувствовал себя виноватым,
Что родная сестра могла напугаться.
Черно-угольный, нечесаный и кудлатый,
Пошел он к ней извиняться.

Здоровается он с ней, как хан,
Приветствует ее, уважаемую хатан,¹
Колени перед ней преклоняет,
Черную голову наклоняет.
Видит он, что на стуле сидит она,
И нисколько не напугана.
А сестра говорит с ним сердито,
Его встретила бранью-руганью.

— Почему не встречаешь достойно
Ты в воротах родную сестру,
А потом орешь, как разбойник
Или лось в осеннем бору.

Не напился ли ты с утра? —
Так ругает его сестра.

Но потом они помирились
И как следует угостились,
Угостились светлой арзой,
Угостились чистой хорзой.

Сидят брат с мнимой сестрой,
Начинают они разговор простой.
Начинают они после обеда
Медлительную беседу,
То, что прежде древнего произошло,
Выясняют,
То, что позже нового проистекло,
Объясняют.
Вспоминают немногословно
Они древние родословные.
Но собеседница носом клюет то и дело,
От еды, питья она захмелела.
Говорит Лобсоголдой сестра:
— Ты как хочешь, а мне спать пора.
На постель ее уложили,

¹ Царца.

Одеялом теплым укрыли.
Но сам Лобсоголдой еще не спит,
С Урмай Гоохон за столом сидит.
Все, он думает, в этом мире возможно,
Надобно вести себя осторожно.
Надо проверить, набравшись терпенья,
Нет ли тут чьего-нибудь превращения.
Приказывает черный дьявол и хан
Солнцеликой Урмай Гоохон хатан:
— Ты к спящей сестре моей тихонечно подойди
И под правой рукой у нее погляди,
У нее под мышкой ты разглядишь
Родинку величиной с конский катыш.
Эта родинка круглая, черная,
Как печать стоит наша, чертова.

Вот идет Урмай Гоохон солнцелица,
Идет на цыпочках по половицам она,
Гостя пышная, полнокровная
Спит раскинувшись, дышит ровно.
И под правой ее рукой
Нету родинки никакой.
Все там гладко и все там чисто,
Кожа белая, золотистая,
Урмай Гоохон из спальни вышла,
Говорит она ее пославшему:
— Заглянула я сейчас под мышку
Нашей гостии в кровати спавшей,
Словно конский катыш у ней там родинка,
Я рукой ее даже трогала.
Эта родинка круглая, черная,
Как печать стоит ваша, чертова.

Утро ясное наступило,
Солнце красное засветило.

Алма Мэргэн в постели проснулась,
Сладко-сладостно потянулась.
Настроенье у ней прекрасное,
Словно утро свежее, ясное.

Но когда она вышла к брату,
Тот глядит на нее виновато,
Словно в чем провинился, глядит он
И готов уже извиняться,
Она сдвинула брови сердито,
Начала кричать и ругаться.
— Пока не было у тебя этой бабы,
Ты нас, сестер, уважал хотя бы.
Ты бывало встречал нас
За три видимости,
Ты бывало провожал нас
На три видимости.

А сейчас не только что провожать-встречать,
За человека меня перестал считать.
Не встретил меня с почетом внушительным,
А встретил криком меня оглушительным.
Не встретил меня с почетом посильным,
А встретил криком меня лосиным.
Видно с бабой связавшись, сам бабой стал,
Видно весь свой ум ты с бабой проспал.
А теперь вспомни-ка, любезный браток,
Кто тебе во всем этом деле помог?
Кто тебе помогал, когда ты женился,
Когда скотом, хозяйством обзаводился?
Кто тебе помог превратить Абай Гэсэра
В осла бессловесного, серого?
С чьей помощью тебе камни таскает он?
С чьей помощью досталась тебе Урмай Гоохон?
С чьей помощью своей железной рукою
Ты ее привел в свои покои,
Потник шелковый там расстелил,
Свою голову с ее головой соединил?

Жестоко сестра Лобсоголдоя ругает,
А он, что в ответ ей сказать, не знает.
Ничего он лучшего не нашел,
Как накрыть опять изобильный стол.
Накрывает он стол золотой,
Кушанья редкие на него расставляет.
Расстилагает он серебряный стол,
Напитки крепкие на нем расставляет.
Напитки на стол он выставил,
Все старые, чистые, выстоянные,
Хрустальную он поставил арзу,
Кристалльную он поставил хорзу.
Угощает он гостью, потчует,
И сам он пьет-ест, что хочет.

Сидят брат с мнимой сестрой,
Разговор ведут простой.
Ведут они во время обеда
Медлительную беседу.
Собеседница от еды разогрелась,
Собеседница от вина раскраснелась.
Во всем она принимает участие,
Урмай Гоохон она желает счастья.
— Сто лет тебе жить,— она ей говорит.
— Мужа любить,— она ей говорит.
Урмай Гоохон смущенья полна,
Не знает, что бы это значило,
Большим удивленьем удивлена,
Задачей большой озадачена.
Тихо-мирно, без утренней злости
Говорит теперь с братом гостя.
— Очень бы я довольна была

Узнать, как используешь ты осла.
Эту тварь, безмозглую, бессловесную,
Запрягаешь ли ты в сбрую железную?
Камни черные заставляешь ли ты его таскать,
Черный пот заставляешь ли ты его проливать?
Кнутом тяжелым, ремённым
Лупишь ли ты его по ребрам?
Падает ли хлопьями с него белая пена,
Гнутся ли от ноши его колена.
Заставляешь ли ты его тощать, худеть?
А, кстати, нельзя ли на него поглядеть?

Лобсоголдой, дьявол черный и страшный,
Показал осла сестре своей старшей.

Сестра на осла-беднягу воззрилась,
Но тотчас же вспыхнула, рассердилась,
Надула она щеки, губы,
Говорит своему брату грубо:
— Так осла используют разве?
У тебя ему вечный праздник!
Я-то думала: быть бы живу,
А он бесится, наверно, с жиру.
Ему в коже собственной тесно,
Кожа с жиру едва не треснет.
Посмотри-ка ты, как он лоснится,
Сам, бездельник, под плетку просится,
И, наверно, силен к тому же,
Не слабее тебя ничуть.
Ты возьми-ка его за уши,
Да попробуй его покачнуть,
Говорят, что он сильно ослаб,
Мне житье такого осла б.
Черт осла за уши схватил
Да и дернул, что было сил.
А осел его так рванулся,
Что хозяин сам покачнулся,
На колени упал неловко,
О землю стукнулся подбородком.
— А! — кричит сестра Енхобой, —
Вот что сделал осел с тобой,
Не осел у тебя, а бездельник,
Дай ты мне его на недельку,
Я тебе покажу, как брату,
Как с ослом обращаться надо.
Я его трудиться заставлю,
Я жирку ему поубавлю.
Если дашь мне его на месяц,
Будет шкура его просвечивать.

Отвечает сестре ее черный брат:
— Я тебя, сестра, уважить бы рад,
Но такой выносливый труженик

Самому мне в хозяйстве нужен.
Невозможно с ним находиться врозь нам,
Невозможно выполнить твою просьбу.

На брата сестра Ёнхобой воззрилась,
Очень сильно она рассердилась.
Надула свои щеки и губы,
Говорит она брату грубо:
— Нет, ты вспомни-ка, мой браток,
Кто тебе во всем этом деле помог.
Кто тебе помог Абая Гэсэра
Превратить в осла бессловесного, серого,
В своей жизни, в дальнейших действиях —
На кого ты будешь надеяться?
У кого будешь брать советы,
На вопросы искать ответы?
Хорошо же, живи, как знаешь.
Ты сестру навеки теряешь.
И пошла,
Опираясь на палицу-скребок стальной
В десять тысяч сажен длиной,
Очень быстро пошла по дороге.
По дороге старой, знакомой,
К своему удаляется дому.

Испугался Лобсоголдой
Этой ссоры с сестрой родной,
Он ее догонять пустился,
На колени перед ней опустился.
Виноват я, говорит, виноват,
Но ведь, все-таки, я тебе — брат.
Ты меня извини, пожалуйста,
Пожалей меня родственной жалостью.
А осла, так и быть — бери,
Сколько хочешь его дери,
Хочешь — голодом умори,
Хочешь — шкуру с него спусти,
Но меня ты, сестра, прости.
Тут сестра Ёнхобой смягчилась
И назад она воротилась.
Запрягла она своего ублюдка,
Помесь лошади и верблюда.
И велела жестом достойным,
Чтобы вывели осла из стойла.
Когда труженика, осла бессловесного
Выводили из стойла железного,
Он узнал Алма Мэргэн, жену свою милую,
Заорал он со всею силою,
Не по-прежнему, по-лосяному,
А по здешнему, по-ослиному.

Алма Мэргэн железом бича
Стеганула его сплеча,

Чтобы он не выдал себя, крича.
Лобсоголдой в этом крике нескладном
Заподозрил что-то неладное.
Только делать ему было нечего,
Забоялся сестре перечить.

А сестра осла бессловесного
Привязала к телеге железной,
И, стегая кнутом ублюдка,
Помесь лошади и верблюда,
На осла прикрикнула строго
И отправилась в путь-дорогу.
Перевалили они через гору высокую,
Поднялись они на серебряную сопку,
В это время Лобсоголдой спохватился:
Как же вышло, что он осла лишился.
Ведь знает же он, что этот осел — не простой,
Что это Абай Гэсэр удалой.
Призывает он четырех баторов крылатых,
Как и сам, мохнатых, кудлатых.
Говорит им, что гостила у него сестра Ёнхобой.
Но возникло у него подозренье,
Что это вовсе не сестра Ёнхобой,
А чье-нибудь белое превращенье,
А она ведь труженика-осла,
Привязав к телеге, с собой увела.
Вот какие дела!

Вы, крылатые мои баторы,
Вы, мои четыре опоры,
Мои черные, зоркие вороны,
В небесные поднимитесь просторы,
Поглядите оттуда во все стороны,
Правда ли сестра моя Ёнхобой
Едет к себе домой?
Или поднялась она на серебряную сопку,
Или перевалила она через горы высокие?
Или едет она в долину Мбоорэн,
К великому морю Мунхэ Манзэн,
Где жил во дворце среди прочных стен
Заколдованный нами Абай Гэсэр хубуун?

Напрягите свое вы зренье,
Поглядите вдаль на дорогу,
Вы рассейте мои подозренья,
Успокойте мою тревогу.
Мне узнать доподлинно надо,
Где тут ложь, а где чистая правда.

Четыре крылатых батора
Вверх взвились,
Оглядывают неба просторы,
Смотрят вниз.

На небе, на воде и на суше
Все выглядывают, все выслушивают.
И видят, что едет там не сестра Ёнхобой,
А едет Алма Мэргэн сама собой.
Перевалила она уже горы высокие,
Поднялась она уже на серебряную сопку,
Значит, едет она в долину Моорэн,
К великому морю Мунхэ Манзан,
Где жил во дворце среди прочных стен
Удалой Абай Гэсэр хубуун.

Как увидели это издали,
Лобсоголдоя крылатые изверги
Полетели скорее назад,
Все хозяину рассказать.
Летят они вдаль, летят в высоту,
Но и Алма Мэргэн ведь — не дура,
Языки у крылатых баторов во рту
В обратную сторону перевернула.
Все понятия их смешала,
Все слова у них перепутала.
Не поймут, где концы, где начала,
Не поймут, где вечер, где утро.

Встретил их дьявол Лобсоголдой,
Они тараторят наперебой.
Хотят сказать баторы крылатые,
Что Алма Мэргэн там едет домой,
А на деле сказали баторы крылатые,
Что осла ведет сестра Ёнхобой.

Успокоился дьявол черный,
Спать пораньше улегся он
На кровати своей просторной
С солнцеликой Урмай Гоохон.

В это время
Алма Мэргэн хатан,
Ведя за телегой своей осла,
Из далеких и чуждых восточных стран
До своей прекрасной земли дошла.
На опушке прекраснейших таежных лесов
Она остановку делает,
У истоков девяти прекраснейших родников
Она остановку делает.
Отвязывает она от телеги осла,
Расколдовывать его начала.
Девятью можжевельниками она его окурила,
Из девяти родников она его напоила,
В девяти родниках его купает,
Девятью родниками его оmyвает.
Вся великая тайга на него дышит,
Чтобы черное колдовство из него вышло.

После этого
Алма Мэргэн хатан
Правой ладонью осла по морде бьет.
Осел, на передние колени упав,
Вонючей черной жижей блюет.

После этого
Алма Мэргэн хатан
Левой ладонью осла по морде бьет.
Осел, на задние ноги припав,
Поганой черной рекою блюет.

Девяти родников воды светлей
Ничего не бывает на свете,
Великой тайги зеленых ветвей
Ничего нет лучше на свете.
В течение трех дней три раза в день
Осла она очищает,
Заводит его под деревья в тень,
Окуривает и оmyвает.
От этих усилий Алма Мэргэн
Осел тщедушный и серый,
Осел, испытанный железный плен,
Превратился опять в Гэсэра.
Принимает Гэсэр нормальный вид,
На двух ногах он опять стоит.
Принимает Гэсэр свой прежний вид,
Языком человеческим говорит,
Принимает Гэсэр прекрасный вид,
Алма Мэргэн он благодарит:

— Ты, Алма Мэргэн, солнцеликая,
Совершила ты дело великое,
Ты спасла меня от гибели,
Больше люди меня не увидели б.
Обо мне ты, прекрасная, вспомнила
И пришла ты ко мне очень вовремя.
Жизнь моя висела на липочке,
А душа была тоньше ниточки.
После этого Абай Гэсэр
За гибкую, тонкую шею жену обнимает,
В правую щеку целует, гладит, ласкает.

После этого
Поехали они в долину Мóорэн,
К великому морю Мунхэ Манзан,
Где жил всегда среди прочных стен
Удалой Абай Гэсэр хубуун.
Вернулся Гэсэр к воде,
Которую в детстве пил,
Вернулся Гэсэр к земле,
Которую с детства любил.
Устроили Гэсэр и Алма Мэргэн

С возвращеньем веселый пир.
Но во время пира
Гэсэр задумался,
Но во время веселья
Гэсэр пригорюнился.
Вспомнил бедную Урмай Гоохон,
Которую у дьявола оставил он.
Черный дьявол ее ласкает,
Черный дьявол ее щекочет,
Ни на шаг из дома не отпускает,
Милуется с ней и хохочет.
«Почему,— подумал Гэсэр,—
Законная моя жена
В руках у другого находиться должна?»
Волосы его поднялись дыбом,
Зубами он заскрипел, заволакиваясь дымом.
Муж гуляет в тепле и холе,
А жена его в черной неволе.
Мужчиной зваться недостойн,
Быть батором непристойно.

Коня-скакуна кости
На горных склонах валяться могут.
Участь батора — поход и битва.
Баторов своих он зовет
Тридцать трех.
Воевод своих он зовет
Три сотни,
Оруженосцев своих он зовет
Три тысячи.

— Гэй, вы,— крикнул Гэсэр,— э, гей!
Для похода готовьте коней,
Все вооруженье мое вы возьмите,
Все снаряженье мое соберите,
Все колющее соберите, все острое,
Все режущее, все сверкающее,
Все черно-желтое, все пестрое,
Врага поражающее.
Все оборванное пришейте,
Все разохшееся прибейте,
Все развязанное свяжите,
Все раскрученное скрутите,
Все ослабшее укрепите,
Затупившееся заострите.
Припасите все, что понадобится.

Тридцать три богатыря,
Три сотни воевод,
Три тысячи оруженосцев
Слушают, радуются.
Истомилась по битве душа баторов,
Собираются баторы, снаряженьем звеня,
А Гэсэр среди этих шумных сборов

Вспомнил про Бэлыгэна — гнедого коня:
«Где ты, спутник прекрасный мой,
Где ты, друг, мой конь золотой?»
Взял он в руки манок,
Двенадцатиколенную трель издающий,
Взял он в губы манок,
Двадцатитрехмерный звук издающий.
Встал он там, где коновязь золотая,
Смотрит он в сторону гор Алтая,
Смотрит он, где большая лежит тайга,
Поджидая своего боевого коня,
Одновременно он громкий свист издает,
Своего коня Бэлыгэна зовет.

В то самое время
Его вещей гнедой скакун
С крепким горячим телом,
С лоснящейся гладкой шерстью,
С легкими прочными костями,
С скользкими копытами,
С неутомляющейся спиной,
С туловищем в тридцать шагов длиной,
С зубами в три пальца,
С ушами в три четверти,
С хвостом в тридцать локтей,
С гривой в тридцать аршин
Лежал под сосной пяти вершин.
Грел он на солнце свои бока,
Ветерок его обдувал слегка.

Вдруг беспокойство почувствовал он,
Начал ушами прядать,
Словно голос Гэсэра услышал он,
Словно Гэсэр здесь, рядом.
На ноги Бэлыгэн вскочил стремглав,
Ноздри раздувая, громко заржав.
Одно ухо в сторону неба он наострил,
Другое ухо в сторону земли наострил.
Одно ухо повернул он на юг,
Другое ухо — в сторону севера.
Думает: откуда донесся вдруг
Клич призывный Гэсэра?
Далекого ли, грозного врага
Гэсэр встречать собирается,
Близкого ли, коварного врага
Сокрушить он намеревается,
Косит Бэлыгэн конским глазом
На тайгу, стоящую тихо.
Говорит Бэлыгэн животным разным,
Изюбрихам и лосихам:

— Вы на склонах Алтая паситесь,
По просторам тайги носитесь,

Наедаясь травы, жирейте,
Родниковую воду пейте,
Я же конь боевой и от века
Должен я служить человеку.
Должен я совершать походы,
Резвым быть во время охоты,
Должен я участвовать в битвах,
В состязаниях и молитвах,
Когда звезды тихонько светятся
И сиянье идет от месяца.
И сейчас вот меня домой
Призывает хозяин мой.
Мне на зов не идти нельзя,
Такова уж моя стезя.
Но зато меня почитают,
Золотым конем величают,
Скакуном огненным называют,
В песнях нас прославляют.

Говорят изюбрихи и лосихи
Ему голосом грустным, тихим:
— Не хотим с тобой расставаться,
И тебе нельзя оставаться.
Значит мы звериной гурьбой
Все пойдем сейчас за тобой.
Куда ты пойдешь,
Туда мы пойдем.
И что ты найдешь,
То и мы найдем.

— Ничего из этого не получится,
Не годитесь вы мне в попутчицы,
Только мы дойдем до долины
И ее перейти пожелаем,
Как собаки с хвостами длинными
Нам навстречу бросятся с лаем.
Вы — копытные, гладкошерстные,
А у них у всех зубы острые.
Тотчас выбегут и двуногие,
Полетят на вас стрелы многие.
Стрелы меткие, знаменитые,
Упадете вы все убитые.

Нет уж, здесь вы все оставайтесь
И двуногим не попадайтесь.
На алтайских склонах паситесь,
По тайге просторной носитесь,
Наедаясь травы, жирейте,
Родниковую воду пейте.

Знайте,
Если трава зеленая
Высоко здесь у вас растет,

Мимо стрелы летят каленые,
И копьё меня не берет.
Знайте,
Если в ручьях таежных,
Как и прежде вода бурлит,
Я врагом пока не стреножен
И в бою пока не убит.
Если ж травы посохнут ваши,
В родниках иссякнет вода,
То считайте меня пропавшим
И не ждите меня сюда.
Я от вас скачу, улетаю.

Вскинул голову конь высоко
И по ветру расправил хвост,
Чуть повыше таежных сопок,
Чуть пониже небесных звезд.

Далеко ли он скачет, близко ли,
Высоко ли он скачет, низко ли,
Из-под черных крепких копыт
Кругляшами земля летит.
Если ж камень вдруг попадается,
То огонь из него высекается,
Искры брызгами вылетают,
В клубах пыли гаснут и тают.
Так и в пламени, и в дыму,
Конь к Гэсэру летит своему.
Остановился Бэлыгэн усталый
У коновязи серебряной и резной,
С восьмьюдесятью восьмью драгоценными вставками
Сверху донизу — расписной.
Коновязь конь губой потрогал,
И обнюхав ее, узнал,
Повернулся к дворцу, к порогу
И призывно, негромко заржал.

Абай Гэсэр выбегает из дому,
Бросается к коню своему гнедому.
Подошел Гэсэр к коню твердо,
Обнял за шею, поцеловал в морду.
В глаза косящие коню глядя,
По спине коня гладит.
Где пройдет по коже его ладонь,
Еще больше лоснится конь.

После этого
Серебряный недоуздок на коня надевает,
После этого
Серебряно-ремневой уздой коня уздает,
После этого
Шелковый потник по коню расстилает.

После этого
Вогнуто-серебряным седлом коня седлает.
Складчато-серебряный надхвостник
Через круп перетягивает,
Из сплошного серебра подгрудник
На лопатки натягивает.
Подпругу с десятью ремешками
Под брюхом затягивает,
Подпругу с двадцатью язычками
Под брюхом застегивает,
Тамарисковый кнут
Под седло подсовывает —
Прекрасного повода полукруг
На луку седла набрасывает,
Красно-шелковым поводом
К расписной серебряной коновязи
Бэльтэна привязывает.

После этого
Коня по шее погладил и потрепал,
После этого
Сам одеваться и снаряжаться стал.

Сшитые из семидесяти лосиных кож
Исчерна-черные штаны
Он натягивает,
Сшитые из семидесяти тюленьих кож
Облегающие унты
Он ступнями растягивает,
Ярко-шелковую накидку-дэгэл,
Плечом поведя, на себя надел.
Семьдесят латунных пуговиц и крючков
Силой пальцев своих умело он застегнул,
Серебром и золотом вышитый кушак
В десять сажен длины
Вокруг себя туго-натуго обернул.
А его оставшиеся концы
Аккуратно с боков запихнул.
Одевается Гэсэр, снаряжается он,
А сам вспоминает Урмай Гоохон:
«Какой же я муж, какой же батор,
Если жена моя в плену до сих пор?
Какой я батор, какой великан,
Если в неволе моя хатан?»

Все женщины
Вправе меня осуждать.
Все мужчины
Вправе надо мной хохотать».

Одевается Гэсэр, снаряжается,
А злость в груди разгорается.

Волосы у него на голове поднимаются,
Челюсти его до хруста сжимаются.
Волосы у него поднялись дыбом,
Зубами скрежещет, заволакиваясь дымом.

Черно-угольный панцирь
Он на себе укрепил,
Спину прикрыл.
Железно-кремневый панцирь
Он на себе укрепил,
Грудь защитил.
Узорно-узкой долиной измеряемый
Серебряный налучник
На правый бок прицепил,
Косым полем измеряемый
Красочно-серебряный колчан
На левый бок прицепил.
Семьдесят пять стрел
Растопыренно ему спину закрыли.
Девяносто пять стрел
Торчат, как крылья.
В летнюю жару тень от них будет,
В зимнюю стужу ледяного ветра не будет.
Похожую на копну травы,
Соболиную шапочку на себя надевает,
Похожую на пучок травы,
Кисточку на шапочке поправляет.
Литой, серебряный шлем надел на голову,
Стал похож на большую гору.
То не солнце сверкает,
То не дуб листвою шелестит,
То Гэсэр в боевых одеждах стоит.

И оделся Гэсэр, и обулся,
Перед зеркалом так и сяк повернулся,
Где пыlinка — ее сдувает,
Где соринка — ее счищает.
В зеркало,
С расправленный потник величиной,
Гэсэр погляделся,
Хорошо ли он обулся-оделся.
Своим видом Гэсэр удовлетворился,
— Хорошо, — говорит, — я снаряжился.
После этого,
Чтобы голода не чувствовать десять лет,
Рот себе паучьим жиром намазал.
После этого,
Чтобы голода не чувствовать двадцать лет,
Губы себе червячьим жиром смазал.
— Я готов, — говорит Гэсэр, — пора в дорогу.
И степенно пошел к порогу.
Величественным движением
Открывая перламутровую хангайскую дверь,

Из дворца он выходит теперь.
Неторопливыми движениями,
Не уронив ни соринки с ног,
Переступает мраморный хангайский порог,
На серебряно-обширное крыльцо попадает,
Со ступеньки на ступеньку переступает.
На ступеньках этих он не запнулся,
На серебряном крыльце не споткнулся,
Ни разочку не покачулся,
Ни разу на ступеньках не оступился,
Без оплошности, благополучно спустился.

Медленно и достойно спустясь
С серебряно-ступенчатого крыльца,
Идет Гэсэр туда, где стоит коновязь,
Красный повод отвязывает от серебряного кольца.
По крупу глядя,
По шее хлопая звонко,
Бэлыгэна он ласкает, как жеребенка.
Вокруг него с любовью похаживает,
Там и сям по шерсти поглаживает.

После этого
Тамарисковый кнут
На правую руку надевает.
После этого
Левую ногу, обутую в унт,
В серебряное стремя вдевает.
После этого
В якутское серебряное седло он сел,
Правую ногу в стремя вдел.
После этого
Повод слегка натянул,
По ходу солнца коня повернул.
На северо-восток он идет,
Двигается вслед за солнцем,
И ведет он за собой в эту пору
Тридцать трех баторов,
Три сотни воевод
И три тысячи оруженосцев.
Едет весь этот могучий строй
Туда, где живет Лобсоголдой.
Едут они туда, чтобы биться в поле,
Чтобы царицу вызволить из неволи.
А две оставшиеся его жены,
Две молодые красавицы
Между собой во дворце дружны,
И Гэсэр им обоим нравится.

Сидят они обе, тужат,
Разговор между ними идет,
Из всех возможных лучшего мужа
Проводили они в поход.

Друг против дружки сели,
Вспоминают они о Гэсэре.
Говорит Тумэн Жаргалан хатан:
— Не человек он, а ястреб,
Сокол он, а не всадник.
Глазом я не успела моргнуть,
А уж он отправился в путь.
Мигнула-то один лишь раз,
А они уж скрылись из глаз.
Поглядела я где коновязь,
А там только пыль взвилась.

Говорит Алма Мэргэн хатан:
— А я гляжу, за дальней горой
Что-то молнией просверкнуло.

— И я вижу, над дальней горой
Шапка с кисточкой промелькнула.
Это он проскакал, не иначе,
Пожелаем ему удачи.
Чтобы он с Лобсоголдоём сразился,
Чтобы выручил Урмай Гоохон.
Чтобы жив и здоров возвратился
В эти стены родные он.

Так они его обе любили,
В путь далекий благословили.

Между тем
Абай Гэсэр и все его оруженосцы, воеводы, баторы
Уезжают все дальше в ночную темь,
Углубляются в земные просторы.
Едут они
По дальней звонкой дороге,
Мчатся они
По людской торной дороге,
По дороге широкой, по дороге лесистой
Едут они рысисто.
По гребням высоких гор они мчатся,
Копыта до гор не успевают касаться,
Над лесными верхушками они пролетают,
За верхушки копытами не задевают.

Южные склоны они перескакивают,
Северные склоны они перемахивают.
Мчатся они
Чуть пониже неба высокого,
Мчатся они
Чуть повыше лесов и сопок.
С черным ветром
Наперегонки летят,
С белым ветром
Наравне летят.

И луна, и звезды, и солнце,
Все мелькает, летит, несется.
Все летит вокруг, завихряется,
Все мелькает и удаляется.
Словно беркут парит-пластается,
Словно сокол с небес бросается,
Словно гуси летят, гогочут,
Словно эхо в горах хохочет.

Не стрела шуршит оперением,
Скачут воины с нетерпением.

Уж родная земля
Кончается,
Уж чужая земля
Начинается.

Подъезжают они к владеньям Лобсоголдоя
И видят по всей границе
Колочая чаща стоит стеной,
Ни зверь не проникнет, ни птица.
Нет через чащу никакого пути,
Змее и той не проползти.

Но видят в чаще они проход,
Через который и бык пройдет.
Широкий проход нашелся тут,
Через который пройдет и верблюд.
Тем более хватило простора
Пройти на конях батареям.
Гэсэр догадался, почувал, узнал,
Что Заса Мэргэн проход здесь пробил,
Когда выручать его скакал,
Но с дороги обратно поворотил.

Дальше батареи пошли
В пределы чужой земли.

Лежит на пути у них ров-канавка,
А в ней до краев остывшая лава,
Ничего уж тут не бурлит,
Ничего уж тут не дымит,
Синие огни над лавой не витают,
Огненные брызги до небес не взлетают.

Догадался Гэсэр,
Что Заса Мэргэн здесь был,
Что огненную лаву он остудил.

Дальше пошли батареи
В чуждой земли просторы.
Перед ними широкое желтое море
Расплескалось вдруг на просторе,

Но не блестит это море волнами гладкими,
А кишит это море червями гадкими.
Червями желтыми и вонючими,
Червями толстыми и ползучими.

Смотрит Абай Гэсэр поверху,
Возможности пройти не находит.
Смотрит Абай Гэсэр понизу,
Возможности пройти не находит.

Тогда Абай Гэсэр
Двенадцать волшебств своих вынул,
Двадцать три волшебства по ладони раскинул,
По пальцам они пляшут и бегают,
Делают все, что Гэсэр от них требует.

После этого Абай Гэсэр
Волшебной сандаловой палочкой
Море гладит, над морем водит,
Море чистым, прозрачным стало,
Брод Гэсэр через море находит.

Переправился он на другую сторону
Со своими друзьями-баторами,
Со своими воеводами верными,
С оруженосцами своими примерными.

Дальше смело они пошли,
Показался дворец вдали.
Дворец без окон,
Черный, как уголь,
Железом окован
Каждый угол.
Смотрит Гэсэр на здание,
Железом окованное со всех сторон,
Слышит горестные рыдания,
Это плачет Урмай Гоохон.

Кровь у Гэсэра взъярилась,
Напряглось могучее тело,
Сердце его забилося,
В глазах у него потемнело.
Великие его думы
В голове закипели,
Белые его зубы
Яростно закрипели.
Очень он рассердился,
Сильно надул он щеки,
Брови его зашевелились,
Торчат, как щетки.

Мысли он сделал волчьими,
Сердце он сделал каменным,

Задушить Лобсоголдóя он хочет
Собственными руками.

Разделил он все свое воинство
На три равных отряда,
Рассказал он каждому воину,
Что делать надобно.

Первый отряд
Из одиннадцати баторов,
Из ста воевод,
Из тысячи оруженосцев-гвардейцев
Послал он с боевым наказом вперед
Для ответственных, решительных действий.

Должны они напасть на крылатых баторов,
Со сторожами дьявола биться,
Должны они в схватке жестокой и скорой
Победить этих черных рыцарей.

Посылает Гэсэр второй отряд
Не с баторами на жестокий бой,
А поймать одну за другой подряд
Трех сестер колдующих — Ёнхобой.

Третий отряд воинства славного
Послать Гэсэру наступила пора.
Разбить войска черного дьявола,
Кишащие, как мошкара.

После этого
Повод за левую сторону Гэсэр потянул,
По правому боку коня стегнул.
И поскакал на Бэльтгэне туда, где вдали,
Из каменистой черной земли
Поднималось черное здание,
Окованное железом со всех сторон,
Откуда доносились горестные рыдания
Солнцеликой Урмай Гоохон.

В это время
Своим звериным обонянием,
Кудлатой своей головой
Догадался, сидя в железном здании,
Черный дьявол Лобсоголдóй,
Что Абай Гэсэр по его душу

Со своими баторами сюда идет,
Что его он зарубит или задушит,
Уж как-нибудь да убьет,

Что выручит он жену красавицу,
Солнцеликую Урмай Гоохон,
Что за все отомстит и расправится

Подошедший с воинством он.
Вот уж дыханье Гэсэра слышится,
Слышится явственно перестук копыт...
Сердце у Лобсоголдоя колышется,
Ребра гнутся, печень дрожит.

Думает Лобсоголдой:
«Не умирать же сидя
В собственном доме, как будто я трус.
Лучше я навстречу противнику выйду,
В чистом поле с Гэсэром сражусь».

Железно-синего коня он седлает,
Топор широкий, черный берет,
Коня он всячески понукает,
Кнутом тяжелым жестоко бьет.
В одежде старой, дырявой,
Черный Лобсоголдой,
Седло под ним деревянное,
А потник — волосяной.
Узду он тянет и дергает,
Коню изорвал он рот,
Пена капает с морды,
Капает с брюха пот.
Торопится он навстречу
Смертельным своим врагам,
Жаждет схватки и сечи,
Бьет коня по бокам.

И вот два врага съезжаются,
Лицом к лицу приближаются.
В земле сухой и пустынной,
В земле глухой и постылой,
В земле, где пыльно и ветрено,
Они наконец-то встретились.

Вихрь на вихрь налетели,
Со стеной столкнулась стена,
Друг за дружку задели
Звонкие стремена.

Сшиблись витязи лбами,
Плечом зацепили плечо,
Друг на друга большими ртами
Дышат они горячо.
Друг с другом они ругаются,
Друг на друга кричат,
Седлом за седло цепляются,
Коней своих горячат.
Кружатся они двое
В пустыне, где сушь и темь,
Гэсэр у Лобсоголдоя
Спрашивает между тем:

— Будем ли мы состязаться
Коней своих быстротой?
Будем ли мы сражаться
Мечей и стрел остротой?
Силой ли плеч померяемся,
Чьи руки-ноги сильней,
Спин упругость проверим,
Крепость жил и костей?
Конными или пешими
Сражаться будем с тобой?
Презрительной усмешкой
Ответил Лобсоголдой.
Друг у друга они
Мясо со спины пальцами выдирают,
Друг у друга они
Мясо с груди зубами выгрызают.
Реки крови по земле текут,
Горы мяса вокруг растут.
Вороны с юга тут как тут,
Разбросанное мясо жадно клюют.
Сороки с севера прилетают,
Свежее мясо кусками глотают.
Наклевавшись за ночь, птицы-вороны
Разлетаются на день в разные стороны.
В течение трех дней
Бойцы друг друга свалить стараются.
В течение восьми дней
Друг за друга руками хватаются.
Из-за равной силы
Они одинаково бьются,
Из-за равной удали
Они не сдаются.
— Зачем же коней нам мучить,
Зачем же мечи тупить?
Разве не будет лучше
Просто тебя удавить?
Этими вот руками
На части тебя разорву,
Будешь ты гнить кусками
В грязном вонючем рву.
Гэсэр отвечает спокойно
Дьяволу Лобсоголдою:
— Пожалуй, и правда лучше
Схватиться вручную нам,
Давно уж я шей не скручивал
Этаким хвастунам.

Тут оба бойца поспешно,
Слов уж не тратя зря,
Седла покинули, спешились,
Опора для них — земля.
Гэсэр движением медленным
Стрелу из колчана взял,

В землю воткнул, Бэдьгэна
К этой стреле привязал.

Две красивых полы халата
За кушак Гэсэр затыкает.
Два красивых рукава у халата
По локти Гэсэр закатывает,
С ноги на ногу он переступает,
За плечи противника схватывает.
Схватил он дьявола крепко,
Держит его он цепко.
Но и дьявол черный силен,
Словно бык упирается он.

Друг за друга борцы схватились,
Затоптались и закружились,
Перетаптываются они по кругу,
Лбами уперлись они друг в друга.

Когда же в небе утреннем, сером,
В девятый раз появилось солнце,
Почувствовал борющийся Гэсэр,
Что сильнее с каждым шагом становится.
Ослабевшего дьявола, черного силача
Вскидывает он себе на плеча,
В оборот берет,
В обхват берет,
Веревки он из дьявола вьет,
Под крепкими подмышками сильно жмет,
И наконец вселенную сотрясая,
На твердую землю его бросает.

С хлестом и стоном,
Как кедр подрубленный,
Брякнулся о землю дьявол погубленный.
Всеми позвонками
Хрястнулось о землю черное тело.
Земля жесткая, каменная
Долго еще гудела.

В это время в походной пыли
Воины, разделенные на три отряда,
К Абаю Гэсэру с трех сторон подошли,
Каждый отряд сделал, что надо.

Воины первого доблестного отряда
Крылатых баторов Лобсоголдоа
Преследовали долго, ибо баторы крылатые
Избегали открытого боя.
Вокруг молодой безгрешной земли
Трижды все они пробежали,
Вокруг юной нежной земли
Четырежды они проскакали.

Хотели крылатые войны
Подняться все, как один,
К сорока четырем властелинам достойным
Сорока четырех восточных небесных долин.
Но одиннадцать славных баторов,
Но сто доблестных воевод,
Но тысяча сто оруженосцев-гвардейцев
Вовремя разгадали этот ход
И опередили их действия.
Свои стрелы
Они в крылатых баторов пустили
И всех четырех насквозь прострелили.
Теперь,
Потрудившись здорово,
Привезли они Гэсэру их головы.

Был послан второй гвардейский отряд
Не с баторами на жестокий бой,
А поймать одну за другой подряд
Трех сестер колдующих — Ёнхобой.

Гвардейцы всех трех сестер поймали,
Железом их головы оковали,
И между собой не споря,
Сбросили их в мутное море.
Третий отряд воинства славного,
Провоевав от утра до утра,
Истребил войска черного дьявола,
Кишащие, как мошкара.

Теперь все три боевых отряда,
Сделав все, что им было надо,
Непобедимых врагов победившие,
Непереваливаемый перевал перевалившие,
Заднее наперед загнувшие,
Переднее назад заворотившие,
Неломаемое сломавшие,
Непугаемое спугнувшие
Пришли к Гэсэру и доложили,
Что всех врагов они победили.

В это время Абай Гэсэр
Дьявола черного добивает,
Измочалил его совсем,
Кости ему ломает.
Берцовые кости
Выдернет и отбросит,
Бедренные кости
Выдернет и отбросит.

Но в это время
Своим особенным знанием,
Особенным умом,

Золотой своей головой
Оценил и понял свои деяния
Абай Гэсэр удалой.
Он понял, что дьявола Лобсоголдоя
До конца убивать нельзя,
Что черта с кудлатой его головою
Жизни лишать нельзя.
Что вследствие этих действий
На землю обрушатся бедствия.
Реки и родники пересохнут,
Завянет трава, стада передохнут.

Поэтому,
Вережущего, как козленок,
Поэтому,
Брыкающегося, как связанный жеребенок,
Лобсоголдоя, дьявола страшного,
Избитым, изорванным ставшего,
Положил на землю Абай Гэсэр удалой
И придавил сначала скалой.
После этого
Южную великую гору
Он перетащил и на грудь Лобсоголдою поставил.
После этого
Северную великую гору
Он перетащил и на задницу Лобсоголдою поставил.
После этого
Бешеного земного силача и батора
С булатным молотом в изголовье поставил,
Сторожить Лобсоголдоя заставил.
После этого
Глупого небесного силача и батора
С тяжелым молотом возле ног поставил,
Сторожить Лобсоголдоя заставил.
После этого
Заговорные слова произносит,
У великих небожителей просит:
«Веки вечные пусть дьявол здесь лежит,
Время пусть мимо него бежит,
Черный ворон над ним постоянно кружит.
В летнюю пору
Пусть копыта его дробят,
В зимнюю пору
Пусть полозья саней скрипят.
Пусть исшаркивается он, измельчается.
Эта казнь его пусть не кончается».

— Теперь, — говорит Гэсэр, —
Если дьявол сам не ушел от меня,
Нужно убить его коня.
Приводит он коня железно-синего
Рукою правой, рукою сильной,
Словно каменной скалой, его по лбу бьет,

С хозяином рядом коня кладет.
Потник волосяной, дырявый
На мелкие клочья он изорвал,
Седло большое, но деревянное.
Ногами он истоптал.

Так покончено было на веки вечные
С хитрым, страшным, бесчеловечным,
Грозящим земле и людям бедою,
Лойром черным Лобсоголдой,
Происшедшим из зада Атай Улаана,
Погибшего от меча Хурмаса, великого хана.

Если не был бы спущен
На землю
Абай Гэсэр для решительных действий,
Все народы давно бы погибли от бедствий,
Все живое на земле давно бы погибло,
Превратилась бы земля в большую могилу.
Вот почему народы по праву
Поют Гэсэру громкую славу.

Итак,
Черный дьявол Лобсоголдой
Лежать побежденным в пустыне оставлен,
Несдвигаемой тяжелой скалой
И двумя горами придавлен.

С утренним солнцем
Молодость к нему возвращается,
С вечерним солнцем
В старца он превращается.
Темной ночью
Чуть живой лежит, трепыхается.
Два батора,
Которые его сторожат,
В утреннюю пору
От страха дрожат,
В вечернюю пору
От смеха лежат,
В ночную пору
Спокойно спят.
Так говорят.

Если голову Лобсоголдой приподнимает,
То бешеный земной силач меч вынимает,
Вынимает он свой булатный меч,
Заставляет Лобсоголдою на место лечь.

А глупый силач, что в ногах стоит
И дьявола с молотом сторожит,
По голове, как по котлу чугунному, бьет,
Лобсоголдою дьяволу привстать не дает.

Непобедимого победивший,
Непереваливаемое переваливший,
Заднее наперед загнувший,
Переднее назад заворотивший,
Неломаемое сломавший,
Непугаемое спугнувший
Абай Гэсэр удалой
Все воинство повел за собой.
Славные баторы,
Умелые воеводы,
Ловкие оруженосцы
За Абаем Гэсэром послушно пошли,
Видят: среди долины просторной
Большой дворец показался вдали.
Дворец без окон,
Черный, как уголь,
Железом окован
Каждый угол.
Подъезжает Гэсэр к этому зданию,
Окованному железом со всех сторон,
И тут состоялось у него свидание
С солнцеподобной Урмай Гоохон.

Из дворца Лобсоголдоя ярости полон
Абай Гэсэр на улицу вышел.
Все, что было крышей, сделал он полом,
Все, что было полом, сделал он крышей.
Наизнанку он все тут вывернул,
Всю траву вокруг он повыдергал,
Родники он перебаламутил,
Были светлыми, стали мутью.
Серебро белое и красное золото,
Что было Гэсэром захвачено, добыто,
На телеги ящиками грузили
И в свои края увозили.
Всех телят, что в горах паслись,
Гэсэр с собой в дорогу забрал,
Табуны, что в степи носились,
Впереди себя он погнал.
На долину мгла опустилась,
Жизнь в долине остановилась.
Там, где жизнь текла говорливо,
Расплодилось теперь крапива.
Всюду пни торчат, как зазубрины,
Не заходят сюда изюбры.
Даже лоси тех мест избегают,
Даже птицы их облетают.
На одном только старом дереве
Там остался сидеть ворон древний,
Чтобы карканьем он пугал леса,
Да еще одна хромая лиса
Все вынюхивает там что-то, бегают,
А убить ее там уж некому...

После этого
Абай Гэсэр удалой
С Урмай Гоохон хатан женой
Отправились на конях к себе домой,
Ведя все воинство за собой.
По равнине едут
Во всю ширину,
По долине едут
Во всю длину,
А в долине не помещаются,
По горам скакать ухитряются.
Как ни длинна река,
Но до моря все равно добирается,
Как дорога ни далека,
Но цель все равно приближается.

Подъезжают они к долине Моорэн,
Подъезжают к морю Мунхэ Манзан,
Где живет во дворце среди прочных стен
Предводитель их Абай Гэсэр.

Приезжают они к воде,
Которую в детстве пили,
Приезжают они к земле,
Которую с детства любили,
Где глаза впервые открыли,
Где счастливыми были.
Пусть морские волны шумят-шуршат,
Победных криков не заглушат,
Пусть великое море колышется,
А победные крики слышатся.
Пусть свинцовое море о скалы бьется,
А победная песня поется.
Пусть бурлит, гремит море серое,
Не заглушить ему славы Гэсэровой.

ВЕТВЬ ДЕВЯТАЯ

ПОБЕДА ГЭСЭРА НАД ШАРАЙДАЙСКИМИ ХАНАМИ

*Д*евять ветвей у священного дерева,
На каждой ветви свеча горит.
Девять сказаний древних,
Каждое о доблести говорит.
Соболя, что ценнее всех зверей,
Почему не добыть, пустив стрелу?
Великому роду богатырей
Почему не воздать хвалу?

А-э-э-э!

А-э-э-э!

А-а-у-у-дон!

Абай Гэсэр силу злую, черную
В жестоком бою победил, сокрушил,
Возвратился на землю свою просторную,
Где маленьким бегал, где с детства жил.
Возвратил из неволи он
И красное солнышко — Урмай Гоохон.

В это время
Живущий в долине Сагаанты,
Имеющий скакуна слоново-солового,
Имеющий белую седую голову
С белым желанием, с мыслями белыми,
С дорогами светлыми, облачно-белыми,
Имеющий белые свитки с законами
Мудростью долгих лет умудренный,
Чтимый со всех четырех сторон
Дядя Гэсэра Саргал Ноён
В золотые барабаны бьет,
С северных склонов народ собирает,
В серебряные барабаны бьет,
С южных склонов народ собирает.

С двумя младшими братьями властными,
С двумя невестками юными, прекрасными,
На концах десяти пальцев золотые свечи воскуривают,
На концах двадцати пальцев серебряные свечи возжигают.
Силу черную победившего,
Жену домой возвратившего,
Удачливо-счастливого Гэсэра встречают.

Со всеми его баторами,
Со всеми военачальниками,
Со всеми оруженосцами
Гэсэра они величают.

От долины до гор земная
Вширь и вдаль вся страна родная.
Великое море синее,
Ходит белыми волнами.
Долина Хатан виднеется,
Цветущими травами полная.
Леса, как шкура соболя,
Под солнцем переливаются.
Лежит земля, широкая, вольная,
Реки по ней извиваются.
Лежит земля вся зеленая,
Встречает светлое утро.

Золотые столы накрываются,
Яства редкие расставляются.
Серебряные столы расстилаются,
Напитки крепкие появляются.
Напитки измеряются
Озерами да прудами.
Еда измеряется
Пригорками да холмами.
Мясо-масло горой лежит,
Арза-хорза рекой бежит.

Угощаясь яствами разными,
Друг друга люди целуют,
Восемь дней они празднуют,
Девять дней они пируют.
На десятый день опохмеляются,
По своим домам разъезжаются.

Остается Абай Гэсэр с тремя молодыми женами,
Всем довольными, убаженными.
У себя во дворце Гэсэр прохлаждается,
Тишиной и счастьем он наслаждается.
Однако,
Все мышцы его без дела вялыми стали.
Однако,
Руки его без дела как бы устали,

Просит тело действия и движенья,
Охоты, если уж не сраженья.

Приказал Гэсэр к началу нового дня
Приготовить Бэлыгэна, гнедого коня,
С костями прочными, с ногами тонкими,
С упругой спиной, с копытами звонкими.

Отложил Гэсэр все дела и заботы,
Решил отправиться на охоту.
Проскакать
По тринадцати алтайским склонам,
Северной стороны держась,
Проскакать
По двадцати трем таежным склонам,
Южной стороны держась.

В это время
Скинутого Ханом Хурмасом с высоких небес
Вниз, на землю, в таежный лес
Атая Улаана три крепких сына,
Захватившие на востоке желтую долину,
На берегу восточного желтого моря
Жили себе без нужды и без горя.
Находился в их владении обширнейший край,
А звалось троеханство — Шарайдай.
Первым из трех шарайдаев
Был хан Сагаан Гэрэл,
Многочисленных подданных он имел.
Надо было табун белогривый взять,
Волосы тщательно пересчитать
В косматых гривах у всех лошадей,—
Вот сколько было у хана людей¹.

Вторым из трех шарайдаев
Был хан Шарá Гэрэл,
Бесчисленных подданных он имел.
Надо было табун соловых кобылиц взять,
Волосы тщательно пересчитать
В хвостах и в гривах у всех лошадей,—
Вот сколько было у хана людей.

Третьим из трех шарайдаев
Был хан Харá Гэрэл,
Бесчисленнейших подданных он имел.
Надо было табун игреневых кобылиц взять,
Волосы тщательно пересчитать
В хвостах и в гривах у всех лошадей,—
Вот сколько было у хана людей.

¹ буквально: податной черни (албата харата)

В это время
Старший сын Сагаан Гэрэл,
Который вместе с братьями желтой долиной владел.
Который многочисленных подданных имел,
Надумал своего старшего сына женить,
Чтобы не оборвалась родословная нить.
Призывает он к себе сороку чернохвостую,
Призывает он к себе сороку пеструю,
Сороку ловкую, сороку хитрую,
Все умеющую повсюду высмотреть.
Посылает он ее в чуждадьние страны,
Чтобы летала она беспрестанно,
Чтобы выискала она невесту самую лучшую,
Царевну самую выдающуюся,
Со щеками румянными, алыми,
С глазами, как звезды, горящими,
С губами-кораллами,
С зубами, как снег, слепящими.
Чтобы можно было ее сравнить с луной,
Чтобы можно было ее сравнить и с солнцем...

Сорока пестрая над землей,
Вниз поглядывая, несется.
Молодую свежую землю
Трижды она облетает,
Юную нежную землю
Четырежды она облетает,
Но не видит она невесты
Со щеками алыми,
Не видит она невесты
С губами-кораллами,
С глазами,
Как звезды, горящими,
С зубами,
Как снег, слепящими.
Чтобы можно было ее сравнить с луной,
Чтобы можно было ее сравнить и с солнцем.
Сорока пестрая над землей
Дальше несется.

Подлетает сорока к долине Моорэн,
Подлетает она к долине Хатан,
Где живет во дворце, среди крепких стен
Абай Гэсэр богатырь-великан.
Летает она над белоснежным дворцом,
Летает она над серебристым крыльцом.
Летает она то ниже, то выше,
Вдруг видит — словно солнышко вышло,
Словно месяц выплыл на небосклон:
То появилась царица Урмай Гоохон.

Ступила она на серебряное крыльцо,
Показала миру свое лицо.

Прекрасна Урмай Гоохон, без изъяна,
Щеки у нее, как заря, румяны,
Губы у нее свежи и алы,
Не сравнятся с ними никакие кораллы.

Правой щекой своей она солнце затмила,
Левой щекой своей она месяц затмила.
Глаза, как звезды, сверкают ясно,
Свет разливается от белого тела,
Рассветная заря на востоке погасла,
Закатная заря на западе потускнела.
Сиянье месяца струит направо,
Налево струится сиянье солнца,
Радуются утру цветы и травы,
Радуются утру люди и овцы.
Прячется в норы ночная тень,
И в степь и в горы приходит день.

Сорока-сплетница чернохвостая,
Сорока-разведчица, полосато-пестрая,
Сорока ловкая, сорока хитрая,
Сорока, посланная невесту высмотреть,
Увидев Урмай Гоохон, даже дышать перестала,
Так Урмай Гоохон красотой блистала.

Летала сорока вокруг красавицы,
Пока со счету не сбилась,
Разглядывала она красавицу,
Пока сознанием не помутилась,
Оглядывала она ее, не смущаясь,
Помня старшего хана напутствие,
Пока мысли ее все не смешались,
Все понятия не перепутались.

В это время
Живущий в долине Сагаанты,
Имеющий скакуна слоново-солового,
Имеющий белую седую голову
С белым желанием, с мыслями белыми,
С дорогами, светлыми, облачно-белыми,
Имеющий белые свитки с законами,
Мудростью долгих лет умудренными,
Чтимый со всех четырех сторон
Дядя Гэсэра Саргал Ноён
Особенным знанием про все узнал,
Умом углубленным во все проник,
Тридцать трех баторов к себе позвал
И голосом строгим напустился на них,
Он прикрикнул на них, на каждого:
— Лежебоки вы или стражники?
Летает над дворцом
Сорока чернохвостая.
Кружится над крыльцом

Сорока полосато-пестрая.
Откуда она сюда прилетела?
Какое ей нашлось тут дело?
Зачем она кружится тут без времени,
Какого она роду-племени?
Какие у нее тут цели-задачи?
Что ее появление значит?

Похоже, что эта сорока-сплетница,
Похоже, что она и разведчица.
Хочет она тут что-то вывести:
На чистую воду разбойницу выведите:
Возьмите-ка вы, баторы, в руки,
Свои меткие, желтые луки,
Чтобы виноватыми вам потом не быть,
Сороку эту лучше убить,
Чтобы потом самих себя не стыдиться,
Сбейте вы стрелой поганую птицу.
Отвечают баторы Ноёну белому:
— Сорока летает — большое дело!
Птичье дело, — говорят баторы, —
В небе летать,
Рыбье дело, — говорят баторы, —
В воде шнырять.
Низко ли сорока летает, высоко ли,
Не пристало баторам сражаться с сороками.
Надоедаешь ты нам мелочами,
Не бежать ли уж нам за копьями, за мечами?
Сорока летает — большое дело!
Да к тому же вон она — улетела.

А и правда,
Сорока чернохвостая,
Черноклювая, полосато-пестрая,
Сорока, тараторка и сплетница,
Сорока, подосланная разведчица,
Сорока коварная, сорока хитрая,
Все, что надо ей было, высмотрела
И полетела восвояси к востоку.
Прозевали баторы сороку.

Как ни длинна река,
А до моря все равно добирается.
Как земля ни велика,
А цель все равно приближается.

Летела сорока дорогой длинной
И прилетела к желтой долине¹,
Где находилось троеханство — обширный край,
А звалось троеханство Шарайдай.

¹ Желтая долина — перевод с бурятского. По-бурятски: Шара гол.

Властелины этого края
Под названьем Шарайдай
Были братьями, ханами явными,
А на деле — черными дьяволами.
До их владений сорока долетела
И на воротах владений села.

В это время
Первый хан Сагаан Гэрэл,
Что сына своего женить захотел,
Увидел сороку, увидел вестницу,
Увидел разведчицу, увидел сплетницу.
Он встречает ее как сватью,
Начинает к столу ее звать он,
По обычаю — ей почет,
Мясо — дымится, вино — течет.

Сорока полосато-пестрая,
Своим клювом черным и острым
Хорошо попила и поела,
Переходит сорока к делу.
Клюв о перышки вытирает,
И рассказывать начинает
О том, как летала она беспрестанно,
Озирая сверху чужедальние страны,
Как выискивала она невесту самую лучшую,
Царевну самую выдающуюся,
Со щеками румянными, алыми,
С глазами, как звезды, горящими,
С губами-кораллами,
С зубами, как снег, слепящими.

Молодую свежую землю
Трижды она облетела,
Юную нежную землю
Четырежды облетела.
Но не увидела она невесты
Со щеками алыми,
Не обнаружила она невесты
С губами-кораллами,
С глазами,
Как звезды горящими,
С зубами,
Как снег, слепящими.

Прилетела сорока к долине Моорэн,
Прилетела она к долине Хатан,
Где живет во дворце, среди прочных стен
Абай Гэсэр, богатырь-великан.
Летала она над белоснежным дворцом,
Летала она над серебристым крыльцом,
Летала она то ниже, то выше,
Вдруг видит — словно солнышко вышло,

Словно месяц выплыл на небосклон;
То появилась царица Урмай Гоохон.
Ступила на серебряное крыльцо,
Показала миру свое лицо.
Прекрасна Урмай Гоохон, без изъяна,
Щеки у нее, как заря, румяны,
Губы у нее свежи и алы,
Не сравнятся с ними никакие кораллы.
Правой щекой своей
Она солнце затмила,
Левой щекой своей
Она месяц затмила.
Глаза, как звезды, сверкают ясно,
Свет разливается от белого тела,
Утренняя заря на востоке — погасла,
Вечерняя заря на западе — потускнела.
Как увидела я ее — дышать перестала,
Так Урмай Гоохон красотой блистала.
Летала я летала вокруг красавицы,
Пока со счету не сбилась,
Разглядывала я красавицу,
Пока сознание не помутилось,
Всматривалась я в нее до помрачения ума,
Не знаю, как жива осталась сама.

В это время
Дядя Гэсэра Саргал Ноён,
Сединами мудрыми убелен,
Особенным знанием про все узнал,
Тридцать трех баторов к себе позвал.
Он прикрикул на них, на каждого:
— Лежебоки вы или стражники?
Летает над дворцом
Сорока чернохвостая,
Кружится над крыльцом
Сорока полосато-пестрая,

Откуда она сюда прилетела?
Какое ей нашлось тут дело?
Похоже,
Что эта сорока сплетница,
Похоже,
Что она и разведчица.
Хочет она тут что-то выведать,
На чистую воду разбойницу выведите,
Чтобы потом самих себя не стыдиться,
Сбейте вы стрелой поганую птицу.

Но баторы оказались беспечными,
Пропустили мимо ушей эти речи они.
Птичье дело, говорят,
В небе летать,
Рыбье дело, говорят,

В воде шнырять.
С сороками, говорят, воевать — не наше дело,
Так ответили баторы Ноёну белому.

А я, услыхав Ноёна слова,
Вверх вспорхнула и была такова.

Три брата,
Считавшихся ханами явными,
А на самом деле
Три черных дьявола,
Пославшие пеструю сороку-сплетницу
В страны дальние, как разведчицу,
Высмотреть далекое, высмотреть близкое,
Проверить высокое, проверить низкое,
Найти невесту самую лучшую,
Царицу самую выдающуюся,
Со щеками румяными,
С губами — кораллами,
С глазами,
Как звезды горящими,
С зубами,
Как снег, слепящими.
Они выслушали старательно
Сороку-сплетницу,
Они выслушали внимательно
Свою разведчицу.
Поняли, что говорит она правду.
Вестям таким они рады.
Однако напали на них сомненья,
Не принимают они никакого решения.
Переговариваются они, рассуждают,
Все услышанное обсуждают:
— Много нам сорока настрекотала,
Да толку от этого мало,
Много она напорочила
От ума своего сорочьего,
Но ведь взяться-то мы хотим
За то, за что взяться нельзя,
Но ведь напасть-то мы хотим,
На кого нападать нельзя.

Разговаривают ханы медлительно,
Говорят они все по очереди:
— Пусть красавица восхитительна,
Но добыть ее трудно очень...

Между тем
Сын старшего хана, молодец и батор,
Из-за которого разгорелся этот сыр-бор,
Которого надумал отец женить,
Дабы не оборвалась родословная нить,
Решился счастья сам попытать

И невесту своим путем поискать.
О красавице той все разузнать.
Выкликнул он громко на четыре стороны
Имя иссиня-черного ворона,
Того ворона он имя выкликнул,
Который только что оба глаза у падали выключнул.
Говорит он этому ворону:
— Полетай на чужую сторону,
Молодую гладкую землю
Ты трижды вокруг облети.
Юную плавную землю
Ты четырежды облети.
Выгляди мне такую невесту,
Чтобы глядя на нее не стронуться с места.
Чтобы щеки у нее были горячие,
Чтобы губы у нее были нежные,
Чтобы глаза у нее были горящие,
Чтобы зубы у нее были белоснежные,
Чтобы движения ее были быстры,
Чтобы взглядом она метала искры,
Чтобы не было во всей вселенной
Красавицы столь совершенной.

Иссиня-черный обжора-ворон
Полетел в чужедальнюю сторону.
Через тринадцать горных хребтов он летит,
Зорко вниз на землю глядит.
Через двадцать три хребта он летит,
Пристально на землю глядит.

Из стороны в сторону он бросается,
Нигде не видит красавицы,
Чтобы щеки у нее были горячие,
Чтобы губы у нее были нежные,
Чтобы глаза у нее были горящие,
Чтобы зубы у нее были белоснежные,
Чтобы движения ее были быстры,
Чтобы взглядом она метала искры,
Чтобы не было во всей вселенной
Красавицы столь же совершенной.

Наконец,
Прилетает ворон в долину Моорэн,
Прилетает ворон в долину Хатан,
Где живет во дворце, среди крепких стен
Абай Гэсэр, богатырь-великан.
Но не стал он летать
Над белоснежным дворцом,
Не стал он витать
Над серебристым крыльцом.
А стал он жадно пададь клевать,
Стал он голод свой утолять.

В это время
Дядя Гэсэра Саргал Ноён,
Сединами мудрыми убелен,
Особенным чутьем про все узнал.
Тридцать трех баторов к себе позвал.
Он прикрикнул на них, на каждого:
— Лежебоки вы или стражники?
Два крыла широко простирая,
Нашу землю всю озирая,
Летает над нашей землей ворон,
Сдается мне, он не друг, а враг.
Замыслы черные он таит,
Что-то выведать норовит.
Он клюет сейчас тухлую падаль,
Но проверить его не надо ль?
Вы, баторы, луки возьмите,
Ворона черного застрелите.

Но баторы оказались беспечными,
Пропустили мимо ушей эти речи они.
— Птичье дело, — говорят, —
В небе летать,
Дело ворона, — говорят, —
Падаль клевать.
С птицами воевать — не наше дело,
Так ответили баторы Ноёну белому.

А ворон, наслушавшись этих слов,
Будучи от природы умен и толков,
Крылами взмахнул и был таков.
Полетел он назад, к востоку,
Чтобы на место вернуться к сроку.

Как ни длинна река,
Но до моря все равно добирается,
Как земля ни велика,
Но цель все равно приближается.

Летел ворон дорогой длинной
И прилетел он к желтой долине,
До владений трех ханов он долетел
И на ворота владений сел.

В это время
Старшего хана сын Эрхэ Тайжа,
Все на небо поглядывал, о невесте тужа.
Увидел он, что иссиня-черный ворон,
Который был послан в чужедальнюю сторону,
Ворон к падали тухлой привыкший,
Ворон два глаза у падали выклевавший,
Уже давно на воротах сидит,
Уже давно на него глядит.
Принял Эрхэ Тайжа его как свата,

Угостил его, как гостя, вкусно и сладко.
И хоть не сажал он за стол его,
Дал ему на расклеванье бычьью голову.

Тут пришли и три старшие хана
Послушать рассказ про дальние страны.

Ворон
Из головы, которую Эрхэ Тайжа ему выкинул,
Оба глаза сначала выключнул,
А потом без лишних прикрас
О дальних странах повел свой рассказ.
О том,
Как молодую округлую землю
Он трижды вокруг облетел,
О том,
Как юную зеленую землю
Он четырежды облетел,
О том,
Как в далекой долине Моорэн,
О том,
Как в далекой долине Хатан,
Где живет во дворце, среди крепких стен,
Абай Гэсэр, богатырь-великан.
Есть царица Урмай Гоохон,
Но лично ее не увидел он,
Потому что с дороги был очень голоден
И к наблюденью терпеливому был не годен.
Стал он падаль жадно клевать,
Стал он голод свой утолять.
Но в том краю, богатом и золотом,
И стар и мал говорит о том,
Что такой красавицы совершенной
Больше нету во всей вселенной,
Румяней ее и нежнее нет,
Ее мысли струятся, как лунный свет,
Ее добрые чувства такой красоты,
Как весной расцветающие цветы.

Выслушали ханы ворона птицу,
Своими мыслями стали делиться.
Стали думать, где ложь, где правда,
И решили, что все тут проверить надо,
Нельзя доверять ни сороке вздорной,
Ни этому ворону иссиня-черному.

Решили они,
Владея большим волшебством,
Решили они,
Владея большим колдовством,
Сотворить особую птицу чудную,
Чтобы поручить ей задачу трудную,
В далекую сторону ту слетать,

О небывалой красавице всю правду узнать.
Чтобы птица эта свечой взвилась,
Чтобы птица эта Дээбэн звалась.

Старший хан Сагаан Гэрэл
Для птицы этой под названьем Дээбэн
Голову отчеканил из белого серебра.
Средний хан Шара Гэрэл
Для птицы этой под названьем Дээбэн
Туловище отлил из желтого золота.

Младший хан Хара Гэрэл
Для птицы этой под названьем Дээбэн
Крылья выковал из черного железа.

Но была эта птица до тех пор бесполезной,
Пока ханский сын Эрхэ Тайжа,
Этой птицей больше других дорожа,
Добавил ей мяса, костей и жил,
А потом живую душу вложил.
Вдохнул он живую душу в птицу,
Чтобы могла она вверх и вдаль стремиться.

Сумев сотворить ее и оживить,
Начали ханы птицу кормить.

Мясо быка, отделив от костей,
Дали ханы сначала ей.
Птица клюв один разок раскрыла,
И все, что дадено, проглотила.

Мясо целого жеребца, отделив от костей,
После этого дали ханы ей.
Птица клюв два раза раскрыла
И все, что подано, проглотила.
Мясо большого верблюда, отделив от костей,
На третий раз предложили ей.
Птица клюв три раза раскрыла
И все до крошечки проглотила.
Понравилась птице мясная еда,
Насытилась птица едва-едва.

Накормив таким образом птицу мясом,
Подступают ханы к птице с наказом,
Чтобы
Молодую круглую землю
Трижды она облетела.
Чтобы
Юную гладкую землю
Четырежды облетела.
Чтобы
Нежную ровную землю
С высоты она оглядела.

Пусть найдет она такую невесту,
Чтобы глядя на нее не сдвинуться с места,
Чтобы не было во всей вселенной
Невесты более совершенной.
Чтобы щеки и губы были нежны,
Чтобы мысли струились, как свет луны,
Чтобы чувства были такой красоты,
Как весной распускающиеся цветы.
Чтоб движенья ее были быстры,
Чтоб глаза ее рассыпали искры,
Чтобы тело с вечера у нее светилось,
Чтобы в жены царевичу она годилась.
Таким наказом ханы птицу снабдили,
С таким наказом в путь ее проводили.

Загораживая крыльями и луну и солнце,
Над землей огромная птица несется.
Трижды круглую землю она облетает,
По пути всех прочих птиц уничтожает,
Истребляя клювом их и когтями,
Пролетает над сушей и над морями.
Но перелетая быстро с места на место,
Не видит она нигде подходящей невесты.

Чтобы щеки и губы были нежны,
Чтобы мысли струились, как свет луны,
Чтобы чувства были такой красоты,
Как весной распускающиеся цветы,
Чтобы движенья ее были быстры,
Чтоб глаза ее рассыпали искры,
Чтобы тело с вечера у нее светилось,
Чтобы в жены царевичу она годилась,
Чтобы не было во всей вселенной
Невесты более совершенной.

Наконец,
Прилетает она в долину Моорэн,
Наконец,
Прибывает она в долину Хатан,
Где живет во дворце среди крепких стен
Абай Гэсэр, богатырь-великан.
На большую лиственницу птица садится,
Лиственница под ней до земли клонится.
Лиственница под птицей сгибается,
Сучья под птицей ломаются.
Кое-как она все ж уселась
И вокруг себя огляделась.

В это время
Под серебряной дворцовой крышей
Засияло, словно солнышко вышло,
Словно месяц выплыл на небосклон,
То появилась царица Урмай Гоохон,

Ступила на серебряное крыльцо,
Показала миру свое лицо.
Прекрасна Урмай Гоохон, без изъяна,
Щеки у нее, как заря, румяны,
Губы у нее свежи и алы,
Не сравнятся с ними никакие кораллы.
Правой щекой своей
Она солнце затмила,
Левой щекой своей
Она месяц затмила,
Глаза, как звезды, сверкают ясно,
Свет разливается от белого тела,
Утренняя заря на востоке погасла,
Вечерняя заря на западе потускнела.

Увидела ее птица и дышать перестала,
Так Урмай Гоохон красотой блистала.
В это время
Дядя Гэсэра Саргал Ноён
Сединами мудрыми убелен,
Особенным чутьем про все узнал,
Тридцать трех баторов к себе позвал.
Упрекнул он батора каждого:
— Лежебоки вы или стражники?
Когда во владения наши из далёка
Полосато-пестрая прилетала сорока,
Если б погибла она от ваших стрел,
То черный ворон бы не прилетел.
Если бы ворона вы убили,
Сейчас бы спокойно и мирно жили.
Не прилетела бы сюда эта птица железная,
А задача ее пока неизвестна нам.
Но думаю, что прилетела она не с добром,
Гремя железно-черным пером.
Голова ее серебром сверкает,
Брюхо ее золотом светится.
Наши земли она озирает,
Не иначе она — разведчица.
Свои луки вы скорее, баторы, возьмите,
Серебряную голову ей прострелите,
Своих стрел каленых вы не жалейте,
Золотую грудь вы ее разбейте.
Поточнее стрелы свои пускайте,
По железным крыльям ее стреляйте.

Так кричит баторам Саргал Ноён,
Сединами мудрыми убелен.
Но у баторов
Дрожат от испуга руки,
Но у баторов
Не натягиваются их луки.
Из колчанов не могут достать они стрелы,
Птица между тем — улетела.

Полетела она,
до воробья уменьшаясь,
Полетела она,
в вошь превращаясь,
Полетела она,
Превращаясь в соринку,
Полетела она,
Превращаясь в пылинку.

В это время
Красавица Алма Мэргэн,
Абая Гэсэра молодая жена,
Отложила пряжу свою с колен,
Которой в тот день занималась она.

Схватила она лук боевой,
— Жалко будет, — Алма Мэргэн говорит, —
Если золотая птица с серебряной головой
Безнаказанно улетит.

Натянула свой лук Алма Мэргэн
И вдогонку птице, пылинкой ставшей,
Вдогонку улетевшей птице Дээбэн
Выпустила стрелу затрепетавшую.
От ее большого пальца
Стрела стремительность получила,
От ее указательного пальца
Стрела направленность получила.

Вверх скользя,
Восемь верхних сфер стрела пронзает,
Вниз скользя,
Восемь нижних сфер стрела пролетает.
Шуршит стрела,
Дребезжит стрела,
Но скрыли ее даль и мгла.

Говорит Алма Мэргэн баторам сильным,
Говорит Алма Мэргэн баторам смелым:
— Там, куда я стрелу пустила,
Что-то вроде бы зазвенело.
Вы коней своих оседлайте,
И когда наступит рассвет,
Вы скачите туда, узнайте,
Промахнулась я или нет.

Во всю прыть поскакали баторы,
Через лес, долины и горы,
В направление стрелы улетевшей,
Прошуршавшей и просвистевшей.

Мчат они без дороги прямо,
Через рытвины, через ямы.

Вдруг вдали на опушке леса
Увидали перо железное,
Значит, это перо стрела
Метко вышибла из крыла.

Утром, снова сюда приехав
И людей захватив с собой,
На семидесяти телегах
То перо повезли домой.

Все телеги под ним скрипели,
Коня двигались еле-еле,
Надрывая свое нутро,
Вот какое то было перо.

В это время
Дядя Гэсэра Саргал Ноён
Сединами мудрыми убелен,
Особенным чутьем наделен,
Тридцать трех баторов к себе призывает,
Тридцать трех баторов в беспечности упрекает.

Говорит он им,
Что Атая Улаана три крепких сына
Захватили на востоке большую долину,
На берегу восточного желтого моря
Живут они себе без нужды и без горя.
Находится в их владении обширнейший край,
А зовется троеханство Шарайдай.
А теперь эти три восточных хана
Встают на путь войны и обмана.
Встают они
На дорогу зависти, мщенья,
Встают они
На дорогу ненависти и разбоя,
Это по их коварному наущенью
Прилетала к нам птица с серебряной головою.
Была эта птица — сплетница,
Была эта птица — разведчица,
Выискивала она, над землей кружа,
Невесту для царевича Эрхэ Тайжа.
Жаль, что промахнулась Алма Мэргэн,
Стреляя в птицу ту Дээбэн,
Задела стрела лишь ее крыло,
Потеряла птица лишь одно перо.

Ну, а вы-то баторы,
Бойцы или бражники?
Лежебоки вы или стражники?
Когда Абай Гэсэр на охоте,
Слишком вы беспечно живете.
Больше всех я сам виноват,
Но стал, как видно, уж староват.

А теперь эта птица, без одного пера,
Уже долетела до реки Шара.
Парит она и сверкает
В синем небе кружа.
Как ее приманить, не знает
Царевич Эрхэ Тайжа.

Он зарезал коня спозаранку —
На восемь пальцев подкожный жир,
Эту тушу он как приманку
На виду положил.

Туша жирная кровотоцит,
Аппетитный имея вид,
Но спускаться птица не хочет,
В поднебесьи она парит.

Эта птица с крылом покалеченным
Не желает конины красной,
А желает она человечины,
Бело-нежного, сладкого мяса.

Тогда взяв одного из подданных,
Перерезали горло-жилы,
На пригорок высокий подняли,
Так, чтоб виден был, положили.

Манят птицу криками, знаками,
Поднимая гомон и свист.

Увидавши кусочек лакомый,
Стала птица спускаться вниз.
Вот уселась, клюнула метко,
Кровожадной алчбы полна,
Проклевавши грудную клетку,
Добралась до сердца она.

Ханы черные Шарайдаи,
Те, что лакомство птице дали,
Смотрят, как она плоть клюет,
Кровь живую из сердца пьет.

А когда ее ублажили,
Накормили и напоили,
Посылавшаяся с наказом
Приступила птица к рассказу.

О том,
Как молодую круглую землю
Трижды она облетела.
О том,
Как юную гладкую землю

Четырежды облетела.
О том,
Как нежную ровную землю
С высоты она оглядела.
О том,
Как летала она беспрестанно,
Озирая сверху дальние страны,
Выискивала такую невесту,
Чтоб, взглянув на нее, не сдвинуться с места,
Чтобы не было во всей вселенной
Невесты более совершенной.
Чтобы щеки и губы были нежны,
Чтобы мысли струились, как свет луны,
Чтобы чувства были такой красоты,
Как весной расцветающие цветы,
Чтоб движенья ее были быстры,
Чтоб глаза ее рассыпали искры,
Чтобы тело с вечера у нее светилось,
Чтобы в жены царевичу она годилась.
Но летая быстро с места на место,
Нигде не нашла она такой невесты.

Наконец,
Прилетела она в долину Моорэн,
Наконец,
Прибыла она в долину Хатан,
Где живет во дворце среди крепких стен
Абай Гэсэр, богатырь-великан.

Жаворонки там с утра поют,
Ручейки там среди травы звенят,
Ключевую воду там люди пьют,
Выращивают ягнят и жеребят.

В благодатную страну Дээбэн прилетела,
На старую лиственницу опустилась.
Но не выдержала лиственница ее тела,
Согнулась лиственница и надломилась.
Но кое-как она все ж уселась
И вокруг себя огляделась.
В это время
Словно солнце вышло на небосклон:
То появилась царица Урмай-Гоохон,
Ступила на серебряное крыльцо,
Показала миру свое лицо.
Глаза, как звезды, сверкают ясно,
Свет разливается от белого тела,
Утренняя заря на востоке погасла,
Вечерняя заря на западе потускнела.
Там, где плавно она шагает,
Трава зеленая вырастает.
Там, где гибко она идет,

Трава, как яркий ковер цветет.
Увидев царевну, я дышать перестала,
Такой красотой она блистала.

В это время
Дядя Гэсэра Саргал Ноён,
Сединами мудрыми убелен,
Особенным знаньем про все узнал,
Тридцать трех баторов к себе позвал,
Упрекнул он батора каждого:
— Лежебоки вы или стражники?
Полосато-пеструю сороку
Вы упустили,
Иссиня-черного ворона
Вы не убили,
А ведь были эти птицы сплетницами,
Были они разведчицами.
Теперь вот птица Дээбэн прилетела,
Все разнюхала, все разглядела.
Прилетела она не с добром,
Гремя железно-черным пером.
Голова ее серебром сверкает,
Брюхо ее золотом светится,
Наши земли она озирает,
Не иначе она — разведчица.
Свои луки вы скорее, баторы, возьмите,
Серебряную голову ей прострелите.
Своих стрел каленых вы не жалейте,
Золотую грудь вы ее разбейте.
Поточнее стрелы свои пускайте,
По железным крыльям ее стреляйте!

Но я, услышав такое дело,
Расправила крылья и улетела.
Летела я,
До воробья уменьшаясь,
Летела я,
В вошь превращаясь,
Летела я,
Превращаясь в соринку,
Летела я,
Превращаясь в пылинку.

В это время
Нашелся у них меткач-стрелок,
В соринку-пылинку он прицелиться смог,
Послал он мне вдогонку стрелу,
Царапнула стрела по моему крылу.
Очень крепкой была стрела,
Вышибла она перо из крыла.
Перо мое на землю упало...
А я, признаться, очень устала.
Пространство было слишком широкое,

Небо было слишком высокое,
Далеко я слишком летала
И, признаться, очень устала.
Полечу я туда, где вечный холод,
Где море льдами тяжелыми сковано,
В ледовитом краю на три года усну,
В трехгодичном сне хорошо отдохну.

После этого
Крыльями она замахала,
В небо взвилась, из глаз пропала.
Полетела она повыше гор,
Полетела она пониже звезд,
Где лежит во тьме ледяной простор,
Где трещит во мгле костяной мороз.

Улетела черная птица Дээбэн,
Где океан лежит ледовит и бел,
А три хана Шарайдая призадумались,
Закручинились, пригорюнились:
— Эта птица у нас всю скотину пожрет,
Эта птица у нас всех людей поклует.
Полежит она там, сил наберется,
А жрать да клевать сюда вернется.
Опустошит она все наши угодья,
Если не расправимся с ней сегодня.

Поручают Эрхэ Тайжа почтенные ханы
Отправиться к Ледовитому океану,
Чтобы он расправился с черной птицей Дээбэн.
Дают ему плетеный белый ремень,
Сжимающийся до четырех вершков,
Растягивающийся на тысячу шагов.

Этим белым ремнем плетеным
Надо сонную птицу связать-скрутить.
Птицу связанную и плененную,
Надо в черную воду под лед спустить.

Сагаан Гэрэл хана сын Эрхэ Тайжа
Ищет птицу, среди льдов кружа.
Ремень у него наготове в руке,
Но не видно птицы ни вблизи и ни вдалеке.

Наконец, в краю, где живут морозы,
Где, как горы, ледяные торчат торосы,
Между двух торосов, как между стен,
Обнаружил он спящую птицу Дээбэн.

Ремнем,
Сжимающимся до четырех вершков,
Ремнем,
Удлиняющимся на тысячу шагов,

Своим белым ремнем плетеным
Он железную птицу связал-скрутил,
А потом ее сонную и плененную
В черную воду под лед спустил.
Спустил он ее на дно глубокого океана,
Как велели ему три старших хана.

После этого
Три хана, долиной желтой владеющие,
Шарайдаи,
Бесчисленных подданных имеющие,
Чтобы старшего сына Эрхэ Тайжа женить,
Решили
Урмай Гоохон солнцеликую,
Наидостойнейшую царицу,
Красотой несравненной блистающую,
Свет дневной затмевающую,
Захватить, отобрать, пленить.

Великое множество воинов
С севера они призвали,
Бессчетное множество воинов
На юге они собрали.

Поставлен был во главе войска
Военачальник Бирүуза ноён,
Полководец доблестный и геройский,
Искусством воинским наделен.
Стал он готовиться тщательно,
Собираться он стал внимательно.

Направился он с войском к долине Моорэн,
Повел он воинов к долине Хатан,
Где жил во дворце, среди крепких стен
Абай Гэсэр, богатырь-великан.

Движущимся воинам потерян счет,
Движущееся войско, как река течет.
Передние воины травы мнут,
Задние воины по камням идут.

Из долины в долину войско идет,
А людям кажется, что лес растет.
Идет войско и не кончается,
А людям кажется — камыш качается.

Передвигается черное войско ползуче,
А людям кажется — движется туча.
Передвигается войско по горам,
А людям кажется, что буран.

Двинулось войско в наступление,
А людям кажется — наводнение.

Передвигается войско на холм с холма,
А людям кажется — ночь и тьма.

В это время
Тридцать три батора хана Гэсэра
Узнали про это дело.

Узнали, что из далеко-чуждого края,
Из долины Шара Далая,
Оттуда, где на крайне-чуждом востоке
Желтая река берет истоки,
Три хана ведут войска свои,
Кишащие, как в муравейнике муравьи,
Движущимся воинам потерян счет,
Движущееся войско, как река течет,
Передние воины травы мнут,
Задние воины по камням идут,
Из долины в долину войско идет,
А людям кажется, будто лес растет.

Идет войско и не кончается,
А людям кажется — камыш качается.
Передвигается войско ползуче,
А людям кажется — черная туча.
Передвигается войско по горам,
А людям кажется — будто буран.
Двинулось войско в наступление,
А людям кажется — наводнение.
Двигается войско на холм с холма,
А людям кажется — ночь и тьма.

Узнали про все про это баторы,
Поднялись, не тратя время на сборы,
Выехали в поле врагов встречать,
Увидали с холма идущую рать.

Саргал Ноён баторов ведет,
Саргал Ноён на стременах привстает.
Саргал Ноён седовлас и сердит,
Из-под ладони вперед глядит.

Видит, что враги муравьями ползут,
Поднимает большой свой кнут.
— Все, — говорит, — что под кнутом помещается,
В конце концов побивается.

Но не помещаются вражеские войска
Под кнутом седовласого старика.

Тогда он лук боевой берет,
Через лук на войско смотрит вперед,
— Все, — говорит, — что в луке боевом помещается,

В конце концов побивается.
Но не помещаются вражеские войска
В луке воина-старика.

Обращается Саргал Ноён к баторам
С предупреждающим разговором:
— Вышли мы в поход, ждут нас бои,
Но будьте осторожны, дети мои.

Побивали мы всех,
Кто под кнутом помещается,
Побивали мы и тех,
Кто в излучине помещается,
Но войско, идущее против нас,
Ни кнутом, ни луком не измеряется.

Но тридцать три отважных батора
Не слушают мудрого разговора.
Словам Саргал Ноёна они не внимают,
Мечи из ножен они вынимают.

— Разве, — говорят, —
Времена года уже перемешались?
Разве, — говорят, —
Местами день и ночь поменялись?

Разве наши мечи уже затупились?
Разве мы ни разу с врагами не бились?
Или мечи наши не железны, не кованы?
Или враги наши от смерти заколдованы?
Пусть же слышится звон мечей!
Пусть же слышится хруст костей!
Каждый славу пусть себе добывает,
Каждый с маху пусть врагов убивает.
С каждым махом
Пусть врагов убивает!

После этого
Сын белого небесного шамана
Батор Буйдан Улаан
Первым бросился на вражеский стан.
Своего коня, пробегающего повыше гор,
Своего коня, пробегающего пониже звезд,
Направо за повод слегка потянул,
По правому боку кнутом понукнул,
Мордой в сторону врагов повернул.
Мчится, скачет, давя-разя,
Остановить его никак нельзя.
Выпустил он стрелу, из глаз исчезающую,
Выпустил он стрелу, без промаха поражающую.
Задела стрела за тысячу людей,
Задела стрела за тысячу лошадей.

Тысяча людей мертвыми полегли,
Тысяче лошадей не встать с земли.

После этого
Сын белого прорицателя-небожителя
Бургы Шуумар батор
Поскакал на врагов во весь опор.
Своего гнедого коня,
Повыше земли пробегающего,
Своего тонконового коня,
Пониже солнца пролетающего,
Налево за повод слегка потянул,
По левому крупу кнутом стегнул,
Мордой в сторону врагов повернул.
Врезался он в войска шарайдаев,
Рубит он их и давит.
Стрела им из лука пущена
В войско, в самую гущу.
Тысячу людей стрела поразила,
Тысячу лошадей стрела положила.

Третьим
Вызвался сын властелина небесного
Батор Эржэн Шуумар,
Поскакал нанести врагам удар.
Своего рассветно-синего коня,
Скачущего повыше ночи,
Своего светло-синего коня,
Скачущего пониже утра,
Направо за повод слегка потянул,
По правому гладкому крупу он стегнул,
В сторону вражеского войска повернул.
Наносит он врагам удары свои,
Враги вокруг как в муравейнике муравьи.
Выпустил он стрелу звездно-белую,
Много его стрела всего наделала.
Тысячу воинов стрела истребила,
Тысячу лошадей стрела повалила.

Четвертым
Сын властелина небесной белой изморози
Бага Буйлэн батор
Налетел на врагов, как ветер с гор.
Измерив все измеряемое,
Пересчитав все считаемое,
Направо рубит — налево глядит,
Налево рубит — направо глядит,
Все, что видит он — разрубает,
Все, что движется — истребляет.
Что приблизится — убивает.
Убитыми лежат — тысяча людей,
Вверх копытами лежат — тысяча лошадей.

Пятый,
С доброй славой живущий,
Очень метким стрелком слывущий,
Нээхэр Эмшэн батор
Был не менее хваток.
От замахнувшего на него
Защищаясь,
От занесенного над ним
Заслоняясь,
На остроту меча своего
Полагаясь,
Рубит врагов, как лес валит,
Режет врагов, как камыш косит.
Валяется тысяча убитых людей,
Валяется тысяча лошадей.

Шестой
Батор с особой желтой стрелой,
Шестнадцатилетний Эрхэ Манзан
На врагов налетел, как ураган.
Умело
Кроваво-рыжего коня направляя,
Стрелы
С бухарского желтого лука пуская,
Тысячу шарайдайских воинов истребил.
Тысячу боевых лошадей убил.

За шестью этими баторами-воинами
Девять кузнецов — баторов
По одному
На поле битвы вступают,
Стрелы свои спокойно
Во вражеское войско пускают,
Каждая стрела убивает
Тысячу людей,
Каждая стрела поражает
Тысячу лошадей.

За кузнецами
Поспешают верхом
Девять баторов — раздувальщиков мехов.
За раздувальщиками-меховщиками
Следуют девять молотобойцев.
О силе их можно не беспокоиться,
Как махнет молотобоец рукой,
Тысяча человек — долой,
Как махнет молотобоец другой,
Тысяча лошадей долой...
Усеяна телами равнина плоская,
Но не уменьшается вражеское войско.

В завершение всего
Сам Саргал Ноён,

Сединами мудрыми убелен,
Припав на гриву
Слоново-солового коня,
Скачет неторопливо, светлее дня.
Из лука своего, золотого, гибкого
Он хангайскую стрелу пустил,
Две тысячи воинов гибнут,
Две тысячи лошадей, как добычу, он захватил.
Но овладевает им беспокойство:
Не уменьшается вражеское войско.

В это время
Хара Зутан,
С черной душой, как известно, хан,
Оказался в поле вместе со всеми,
Кричит, задором и завистью обуян:
— Дайте-ка и мне немножечко посражаться,
Дайте-ка и мне немножечко пострелять,
Дайте-ка и мне за убегающими погнаться,
Дайте-ка и мне мечом помахать.

Садится он на стрельчато-синего жеребца,
Лук муравлено-черный закидывает за плечи.
Скачет с видом героя и молодца
В самую гущу сечи.

Увидел его Саргал Ноён,
Сединами мудрыми убелен,
Вспомнил он проявившиеся когда-то
Коварство и хитрость младшего брата,
Вспомнил он его двоедушие,
Вспомнил все клятвы, им нарушенные,
Вспомнил его мстительность, его злобу,
Кричит баторам: «Смотрите в оба!
В припадке этой отваги и храбрости,
Как бы он нам же и не напакостил.
Душа его мелкая, душа его черная,
Смотрите за ним, молодцы-батыры.
К своей лишь выгоде всегда он стремится,
Может, лучше не пускать его биться».

Загалдели дружно доблестные баторы,
Пошли у них споры, пошли раздоры.
Одни говорят: пусть идет и бьется,
Другие твердят: на месте пусть остается.
Продолжают баторы неустанно
Спорить и препираться,
А хану Хара Зутану
Хочется посражаться.
Баторов он всячески умягчает,
Сражаться доблестно обещает.
Погоняет он стрельчато-синего жеребца,
Лук боевой закидывает за плечи,

Скачет с видом героя и молодца
В самую гущу сечи.

Но овладело им беспокойство,
Оказался он среди черного войска.
Огляделся — со всех сторон не свои,
Кишащие, как в муравейнике муравьи.

Вражеское войско идет,
Как лес растет,
Идет войско и не кончается,
Словно камыш качается.
Передвигается войско ползуче,
Как черная туча.
Передвигается войско по горам,
Будто дует буран.
Идут войска в наступление,
Как наводнение.
Передвигается войско на холм с холма,
Будто — ночь и тьма.

Как увидел все это Хара Зутан,
Чуть с лошади не упал,
«Ну, — думает двоедушный хан, —
Совсем я пропал».
Сердце его стало
Биться и трепыхаться,
Ребра его стали
Гнуться и размягчаться.
Испугался Хара Зутан очень,
Кое-как он дождался ночи,
Где уж тут сражаться с врагами,
Отсюда убраться бы поскорей.
Но чтобы не возвращаться с пустыми руками,
Решил угнать он сто лошадей.
Подполз, поводья перерезает,
Но среди ночи не знает он,
Что за ним внимательно наблюдает
Военачальник Бирууза ноён.

Думает Бирууза ноён: «Странно,
В темноте лошадей воровать,
Поступок, недостойный благородного хана,
Ведь не разбойник же он, не тать».
Выбрал он двух хороших бойцов,
Дал он им двух выносливых жеребцов.
— Вора этого догоните,
И ко мне его приведите.

Удирает Хара Зутан без оглядки,
Но погоня ему наступает на пятки.
С двух сторон его сжали плотно,
Бег коня его укоротили.

А потом вся эта охота
Потонула в облаке пыли.

Выпрыгнул Хара Зутан из седла,
Голая степь вокруг была,
Чтобы спрятаться, чтобы скрыться,
Чтоб до времени притаиться,
Нет ни ямки, ни бугорка,
Спрятался Хара Зутан в нору сурка.
Забился он в нору поглубже,
Ждет, чтобы не было хуже.

Баторы,
Что Хара Зутана преследовали,
Голую степь вокруг обследовали,
Оглядели они нору сурка-тарбагана,
Догадались, что она — убежище хана.

Собрали они гнилушек, чтобы сильнее дымили,
У входа в нору костер разложили,
Начали они Хара Зутана выкуривать,
Из глубокой норы вытуривать.
От дыма у Хара Зутана глаза дерет,
Дым ему дышать не дает,
Забыл он свое достоинство, свое имя,
Жалким предстал перед врагами своими.
Предстал он
Вылезшим из черной дыры,
Предстал он,
Вылезшим из грязной норы,
Предстал он
Не в славе, не в доблести,
А предстал он
Весь в саже и копоти.

Как только
Хара Зутан из норы показался,
Батор больно
За седые волосы его взялся.
Другой за колени схватился тоже,
Вытащили они его на свет божий.
Раскачали они его, на землю бросили,
Хара Зутан у них слезно просит:
— Вы, баторы, меня не губите,
Вы, баторы, меня спасите.—
Он в ногах у баторов ползает,
Не хочу,— говорит,— погибать без пользы,
У животного убиваемого,
Кровь выливают.
Человеку умертвляемому,
Высказаться позволяют.
Поглядели баторы на того, кто в ногах лежит:
— Если высказаться хочешь — скажи.

— Видите, ползаю я у ваших ног,
Видите, пыль лижу я с ваших сапог,
Погибать без времени не хочу,
За спасенье вам отплачу.
Ведь бываю я во дворце, в котором
Живет Абай Гэсэр и его баторы,
Как свой, как родственник я бываю там,
Расскажу я вам много важных тайн,
Наших людей достоинство
В жертву я вам отдам,
Родного края спокойствие
К ногам положу я вам.

Абая Гэсэра, как водится,
Нету дома пока,
Уехал Гэсэр охотиться
На Алтай, где шумит тайга.
А его тридцать три батора
Без толку не лежат,
Родной стороны просторы
Всечасно они сторожат.

Никто не проскочит мимо,
Никто не войдет туда.
Баторы непобедимы
И даже неуязвимы.
Вот в чем ваша беда.
Вы батора пораните,
А кровь из него не льется.
Вы его топорами,
А он только посмеется.
Меч булатный в бою сломается,
Батор ладонью рубит вместо меча,
У лука тетива обрывается,
Батор стреляет силой плеча.

Абая Гэсэра опора,
Их не сломать, не согнуть.
Нельзя победить баторов,
Но можно их обмануть.

Налетают они ураганом,
Стреляя, рубя на скаку.
Но вы их возьмете обманом,
И в этом я вам помогу.

Если от вас живым я выйду,
А не сложу свою голову здесь —
Есть у меня кое-какие обиды,
Счеты кое-какие есть.

За кое-что отплачу им, за прежнее,
Узнают они характер мой.

Сто кляч мне дайте самых заезженных,
Я с этими клячами вернусь домой.
Расскажу я им, что вы в походе
Лошадей заездили, измотались сами,
Что вы поворачиваете и уходите
Со своими бесчисленными войсками,
Что наступает мирное время,
Что стрелы и луки уже не нужны.
Что можно вынуть ногу из стремени,
Можно мечи убрать в ножны.
Можно панцири снять и шлемы,
Коней на пастбище отпустить,
Будем гулять, веселиться все мы,
Арзу-хорзу будем пить.

Арза и хорза рекой польются,
И все могучие богатыри,
Так в конце-то концов напьются —
Голыми руками приходи и бери.
Как дети сделаются герои,
Приходите, вооружены от пят и до головы.
Я сам ворота для вас открою,
Всех баторов уничтожите вы.

Видите, ползаю я у ваших ног,
Пыль лижу я с ваших сапог,
Погибать без времени не хочу,
За спасение вам отплачу.

Баторы поднимают Хара Зутана с брюха,
На котором ползал перед ними он,
Ведут его за два оттопыренных уха,
Где ждет их Бирууза ноён.

К восседающему ноёну строгому
Хитреца коварного привели,
За уши вниз его дергают,
Чтобы кланялся до земли.

Покорно Хара Зутан кланяется
Восседающему ноёну огромному.
Все, что сделать намеревается,
Пересказывает подробно.

Как обманет он баторов, будто враги в походе
Лошадей заморили, измотались сами,
Что поворачивают они и уходят
Со своими бесчисленными войсками.

Скажет, наступило мирное время,
Что стрелы и луки уже не нужны,
Что можно вынуть ногу из стремени,
Можно мечи вложить в ножны.

Что панцирь и шлемы снять нужно,
Коней на пастбище отпустить,
А самим гулять, веселиться дружно.
Крепкие настойки и вина пить.

Арза и хорза рекой польются,
Тогда все могучие богатыри
До того, в конце-то концов, напьются,
Голыми руками приходи и бери.

Беспомощными сделаются герои
Против вооруженных от пят и до головы,
Я сам ворота для вас открою,
Всех баторов уничтожите вы.

Так я баторам отплачу за прежнее,
Узнают баторы характер мой...
Только дайте сто кляч мне самых заезженных,
Я с этими клячами вернусь домой.

Однако,
Мой брат Саргал Ноён,
Сединами мудрыми убелен,
Может рассказам моим не поверить,
Захочет все по книге проверить.

Будет он
Священную желтую книгу листать,
Будет он
Священную желтую книгу читать.
Узнает он по книге, что не уходите вы,
А наоборот,
Стоите с войсками у самых ворот.
Тогда вы седла задом наперед поверните,
Сами в седлах спиной вперед сидите:
Саргал Ноён,
Хоть и мудр и седовлас,
Со спины, а не спереди увидев вас,
Подумает, что вы не на нас нападаете,
А и вправду к себе домой уезжаете.

Бирууза ноён восседающий и огромный,
Выслушал весь рассказ подробный.
Одобрительно он головой закивал
И своим приближенным так сказал:
— Этот план его вниманья достоин,
Хара Зутан, как видно, опытный воин,

Хочет отплатить он баторам за прежнее,
Хочет показать им характер свой.
Дайте сто кляч ему самых заезженных,
Чтобы с этими клячами он вернулся домой.

Снабдили Хара Зутана лошадьми усталыми,
С шерстью свалявшейся, с боками впалыми,
Лошадьми заезженными, лошадьми заморенными,
С шерстью вылезшей, запаленными,
С мордами до земли опущенными,
С ногами едва бредущими,
С губами вяло отвисшими,
С ушами уныло поникшими.
Набрали ему не сто коней,
А сто от бывших коней теней.
Ногами за землю они задевают,
А куда бредут, и сами не знают.
Вот каких лошадей, ухмылку тая,
Привел Хара Зутан в родные края.
Всем баторам и Саргалу Ноёну
Лошадей этих Хара Зутан показывает,
Своим сородичам удивленным
Хитроумно и коварно рассказывает,
Что враги в тяжелом походе
Лошадей заморили, измотались сами,
Что они поворачивают и уходят
Со своими бесчисленными войсками,
Что винят они свои слабые руки,
Что винят они свои неметкие луки,
Все побросали на поле боя,
Ничего не берут с собою.

А для нас наступило мирное время,
Ни стрелы, ни луки уже не нужны,
Можно вынуть ногу из стремени,
Можно мечи вложить в ножны.
Можно панцири снять и шлемы,
Коней на пастбище отпустить.
Будем гулять, веселиться все мы,
И арзу-хорзу мы будем пить.

Тогда досточтимый Саргал Ноён,
Сединами мудрыми убелен,
Выслушав внимательно Хара Зутана
И, подумав, сказал: «Все это странно.
Шарайдаи, желтой долиной владеющие,
Мечту о победе над нами лелеющие,
Ханы,
Двери войны открывшие,
Ханы,
В наши края прибывшие
Со своими бесчисленными войсками,
Добровольно домой не вернутся сами.
Черную собаку с рысью не путаешь,
А ты, Хара Зутан, что-то путаешь».

Хара Зутан обиделся, чуть не плачет:
— Если мои слова ничего не значат,

Открой священную желтую книгу,
Тогда всю правду узнаешь мигом.

Священную желтую книгу
Сарган Ноён открывает,
Священную желтую книгу
Саргал Ноён листает.
Всматривается он в ее страницы,
Показывает книга ему картины:

Вражеское войско вдали теснится,
Но видны у врагов одни лишь спины.
Как будто враги не нападают,
А, действительно, домой уезжают.

Ведь не знал он,
Что седла они задом наперед повернули,
Не догадался Саргал Ноён,
Что враги его обманули.

После этого
Тридцать три батора
Пустились в громкие разговоры:
— Если наши враги в тяжелом походе
Лошадей заморили, измотались сами,
Если они поворачиваются и уходят
Со своими бесчисленными войсками,
Зачем же мы будем натягивать луки,
Зачем же мы будем мечами махать,
Не лучше ли взять нам чарки в руки,
А коням на пастбище отдыхать.

Ведя подобные разговоры,
К Саргал Ноёну подступили баторы.

Седовласый и мудрый Саргал Ноён
Разговорами этими удивлен.
В голове его брезжит прозрение,
В груди его — подозрение.

Крепко задумался Саргал Ноён,
Не поймет он, что б это значило,
Большим удивлением он удивлен,
Задачей большой озадачен.
Мало ли что проглянуло с книжных страниц,
Человеческая злоба не имеет границ,
Коварству человеческому нет предела,
Недаром голова его поседела.

Сами себе мы творим судьбу,
Сами потом клянем судьбу.
Сами бываем во всем виноваты,
А валим вину на брата или на свата.

Но баторы не слушают мудреца,
Не хотят они мечами махать,
А хотят они, напившись винца,
Веселиться и отдыхать.

Шумя, не сдерживаемые никем,
Все тридцать три, молодец к молодцу,
Пошли они к Алма Мэргэн хатан
К ее серебряному крыльцу.

Пришли они к ней шумной гурьбой,
Рассказывают ей наперебой,
Что все враги в тяжелом походе
Лошадей заморили, измотались сами,
Коней поворачивают и уходят
Со всеми бесчисленными войсками.
Теперь можно панцири снять и шлемы,
Коней на пастбище отпустить,
Будем гулять, веселиться все мы,
Арзу и хорзу мы будем пить.

Теперь можно вынуть ногу из стремени,
Можно мечи вложить в ножны,
Для нас наступило мирное время,
Ни стрелы, ни луки уже не нужны.

Алма Мэргэн на радостях золотые столы накрывает,
Яства редкие ставит,
Алма Мэргэн для гостей серебряные столы расстилает,
Напитки крепкие ставит.

Собирает она людей с юга,
Собирает она людей с севера,
Любимая жена и подруга
Великого Абая Гэсэра батора.

Мясо меряется пригорками,
Вина меряются прудами,
Вина сладкие рядом с горькими,
Всюду выставлены рядами.

Восемь суток гости пируют,
А веселье все не кончается.
Девять суток они пируют,
А веселье лишь начинается.

С каждым часом баторы хмелеют,
Бог весть что языками мелют,
У них головы тяжелеют,
У них руки-ноги немеют.
А от крепкого злого курева
Их мозги пеленает дурью.

В это время дядя Саргал Ноён,
Сединами мудрыми убелен,
С речью к пьяницам обращается,
К мыслям давешним возвращается:

— Бесконечна людская злоба,
Вы, баторы, смотрите в оба!
Неужели вам пьянство нравится,
Вы бойцы или горькие пьяницы?
Подождите, остепенитесь,
Протрезвейте, остановитесь!

Но баторы черпают ведрами
Да лопочут языками нетвердыми.
Над Ноёном они изгаляются,
Под столами они валяются.

Шевелятся они еле-еле,
Окончательно одурели,
Спят вповалку богатыри,
Голыми руками приходи и бери.
Седовласый и мудрый Саргал Ноён
Поведеньем воинов удивлен.
В голове его брезжит прозренье,
В груди его подозренье.
Чует его сердце недоброе,
Видя пьяным войско хороброе.

Призывает он пятнадцатилетнего батора,
Смышленного и ловкого Эрхэ Манзана,
Единственно трезвого в эту пору,
На войско пьяное показал ему.

— На них надеяться нам нельзя,
Ты скачи теперь, как тень, скользя,
Как доскачешь до стана врага,
Погляди на его войска,
Правда ли,
Что измучились они в походе,
Правда ли,
Что домой они уходят.
Ты скачи туда на своем коне,
Что увидишь там, все расскажешь мне.

Пятнадцатилетний Эрхэ Манзан,
Ни словечка поперек не сказав,
На кроваво-рыжего коня садится,
Куда велено ему, быстро мчится.
Поднимается он на Песчаную гору,
Все оттуда видно батору.

В даль туманную он зорко вглядывается,
Ко всему, что видит, присматривается.

Смотрит он далеко ли, близко ли,
Что бы еще увидеть, выискивает.

Видит он,
Что три хана, долиной желтой владеющие,
Шарайдаи,
Бесчисленных подданных имеющие,
Ведут к границам войска свои,
Кишащие, как в муравейнике муравьи.
Песчаную гору
Они у подножия огибают,
Как будто море
Ее со всех сторон обтекает.

Как увидел это Эрхэ Манзан,
Не сразу он повернул назад.
Сердце его забилося часто,
Остановил он коня гривастого.
Во враждебное войско,
Как в ползущую мглу,
Из лука геройского
Пустил он стрелу.
Тысячу
Шарайдайских воинов истребил,
Тысячу
Боевых лошадей убил.
После этого
Повернул к родному порогу,
Чтобы поднять тревогу.

Но военачальник Бирууза ноён,
Ведущий шарайдаев войска,
Воскликнул обеспокоен и удивлен:
— Кто это там на коне поскакал?
Кто это нашелся смелый и рьяный?
Ведь все баторы сейчас должны быть пьяны.

Ну-ка, ты,
Бухэ Сагаан Мангилай,
И ты,
Зургаадай Мэргэн,
Всадника этого догоните,
Пополам его разрубите,
Стрелой навывлет его прострелите,
Или в плен возьмите.

Два огромных богатыря
Приказанье исполнить рады,
Поскакали, глазами горя,
Убегающий уже — рядом.
С двух сторон его сжали плотно,
Бег коня его укротили,

А потом эта вся охота
Потонула в облаке пыли.

В пыльном вихре всадники кружат,
Вся долина пыли полна,
Только стучаясь друг о дружку,
Громко звякают стремяна.

Перекрещены пики грозно,
О побеге тут думать поздно.

Шумно дышат потные кони,
Пыль редет, конец погони.

Два батора, огромные, страшные,
У отважного юноши спрашивают:

— Ты откуда тут взялся, юноша,
Ты чего по горам тут рыскаешь?
Или что-нибудь ты вынюхиваешь,
Или что-нибудь ты выискиваешь?

Ты чьего будешь роду-племени,
Что ведешь себя по-геройски?
И зачем среди ночи-темени
Ты подкрался к нашему войску?
Не тобой положенное — хватаешь,
Не тобой закрытое — открываешь,
Не тобой разорванное — сшиваешь,
Не тобой устроенное — ломаешь,
Не тобой придуманное — рассказываешь,
Не тобой завязанное — развязываешь.—
Так они кричат и ругаются,
Кто такой он, узнать стараются.

Пятнадцатилетний батор и воин
Отвечает врагам достойно:
— Дверь войны, что вами открыта,
Разве вами была закрыта?

Разве вами было положено
Все, за что вы хвататься пытаетесь?
Разве вами было умножено,
Все, что вы разделить пытаетесь?

А я, как и вы, такой же воин,
Своих родителей и предков достоин.

— Если ты достойный мужчина,
Пререкаться нам нет причины.

Была бы охота, да время было бы,
Можем мы померяться силами.

Если каждый из нас отважен,
Пусть искусство свое покажет.
Вдруг один, поглядевший в сторону,
Закричал: «Глядите-ка — вóроны!»

Был неопытен и честен юный батор,
Бросил он в сторону быстрый взор.

Но этого мгновенья достаточно было,
Чтобы стрела его насквозь прострелила.
Прострелили его злоумышленники
От подмышки и до подмышки.

А сами — оба батора — коней своих вздыбили,
Только этих баторов и видели.

Однако юный батор
Стрелу его разившую,
От подмышки и до подмышки пронзившую,
Схватил за развилку, положил на лук,
Заговорил над ней, не выпуская из рук.

— Ты, стрела, меня поразившая,
Ты, насквозь меня прострелившая,
Ты лети, стрела, трепещи, свищи,
Своего хозяина отыщи.

Ты найди его широкое тело,
Ты найди его черное сердце...
Стрела послушная полетела
И батора намертво срезала.
Не успел он двинуть и бровью,
Полетел с коня, обливаясь кровью.

А раненый батор Эрхэ Манзан
Камень величиной с жеребенка взял,
В руках его так и смяк повернул,
Рану под правой подмышкой заткнул.

Потом,
Наклонившись с коня опять,
Камень с овцу сумел он поднять,
Так и смяк его в руках повернул,
Под левой подмышкой рану заткнул.
Шелковым кушаком обе раны перевязал,
В ослабевшие руки повод взял.
Направил коня к родной стороне,
Кровь запеклась на рыжем коне,
Конь в крови и седло в крови,
А помощи нет, зови не зови.

Едет воин, вперед глядит,
Видит воин — сорока летит,

Сорока, трескуча и говорлива,
А он объясняет ей торопливо:

— Ты лети, сорока, в долину Моорэн,
Ты лети, сорока, в долину Хатан,
Где живет во дворце, среди крепких стен,
Абай Гэсэр, богатырь-великан.
Расскажи ты тридцати трем баторам,
Несущим стражу,
Что на нашу милую сторону
Враг надвигается страшный.

Шарайдаи,
Желтой долиной владеющие,
Шарайдаи,
Бесчисленных подданных имеющие,
Ведут на нашу землю войска свои,
Кишащие, как муравьи,
Скажи им, что я Эрхэ Манзан,
По своей оплошности умираю от ран,
Насквозь простреленный у Песчаной горы лежу,
Кровью истек, едва дышу.
Коварно-черными злоумышленниками
Прострелен я навывлет под мышками.

Пусть баторы там поторопятся,
К битве яростной приготовятся,
Чтобы встретить врагов у Песчаных гор,
Чтобы дать врагам жестокий отпор.

А Нээхэр Эмшэн на быстром коне
Пусть скорее скачет ко мне...
Сорока пестрая, послушав батора,
На языке сорочьем затараторила:

— Некогда мне летать туда-сюда,
Я еще себе не свила гнезда,
А время припело — яйца нести...
Улетела сорока хвостом трясти.

Пролетал тут, каркая, ворон,
Обратился к нему батор:
— Ты слетал бы в родную сторону
У подножья Песчаных гор,
Расскажи там баторам нашим,
Враг на нас надвигается страшный,
Шарайдаи,
Желтой долиной владеющие,
Шарайдаи,
Бесчисленных подданных имеющие,
Двигают на нас войска свои,
Кишащие, как муравьи,
Пусть баторы там поторопятся,

К битве яростной приготовятся,
Чтобы встать стеной у Песчаных гор,
Чтобы дать врагам удалой отпор.
А Нээхэр Эмшэн на быстром коне
Пусть скорее скачет ко мне.
Скажи ему, что я Эрхэ Манзан
По своей оплошности умираю от ран,
Насквозь простреленный у горы лежу,
Кровью истек, едва дышу.
Коварно-черными злоумышленниками
Прострелен я навывлет под мышками.

Слышит батор карканье черного ворона:
«Ладно, слетаю в родную сторону.
Собирался я накормить двоих воронят,
Да ладно уж, денек голодными посидят.
А начнется битва — мы попируем,
На убитых войнах — пожирuem».

Раненый батор птицу благословляет,
Всяческой удачи он ей желает,
Чтобы взгляд у нее с высоты был ясным,
Чтобы не прозевала она ни кусочка мяса.

Чтобы своими зоркими сверху взглядами,
Не прозевала она ни кусочка падали,
Чтоб ни косточки мимо не пропустила,
Чтоб детенышей падалью угостила.

Прилетает птица в Долину Моорэн,
Прилетает ворон в долину Хатан,
Где в дворце из бело-сахарных стен,
Живет Гэсэр, богатырь-великан.
Покружился ворон, огляделся,
На золотые ворота уселся.
Спят баторы пьяные, жарко им,
А ворон над ними каркает:
— Эй, баторы,
Лежебоки вы или стражники?
Враги на вас надвигаются страшные.
Шарайдаи,
Долиной желтой владеющие,
Шарайдаи,
Бесчисленных подданных имеющие,
Ведут сюда войска свои,
Кишащие, как муравьи.
А юный батор Эрхэ Манзан
Истекает кровью, умирает от ран,
Лежит умирая отважный батор
У подножья Песчаных гор.
Он сражался храбро, как подобает,
Но коварство иногда побеждает.
Хитро-черными злоумышленниками

Он прострелен насквозь под мышками.
В вашей помощи он нуждается,
Вашей помощи дожидается.

Остальные батареи, берите оружие,
Защищать свою землю нужно,
Становитесь стеной у подножья гор,
Окажите врагу удалой отпор.
Сидит ворон, каркает, надывается,
А батареи пьяные кувыркаются.
Тридцать три батора — все пьяные,
Триста военачальников — пьяные,
Три тысячи пьяных оруженосцев,
На ноги встать никому не удастся.

Наконец,
Друг за дружку держась,
Обнимаясь, шатаясь,
Не одевшись и не вооружась,
Под громкие крики, под пьяный гам
Направились навстречу врагам.

Безоружные,
Но все же — богатыри,
Бьются они от зари до зари.
Сила на силу стеной идет,
Сила силу ломит и бьет,
У подножья горы Песчаной
Кровь течет большими ручьями.
Из костей холмы поднимаются,
Черно-желтый туман расстилается.
Черно-желтая пыль клубится,
Продолжают батареи биться.

Там, где они упираются,
Возникают ямы глубокие,
Там, где они напрягаются,
Возникают овраги широкие,
Высокое, просторное небо
До краев содрогается,
Низкая просторная земля
До глубин сотрясается,
Реки крови по земле текут,
Горы мяса вокруг растут.

Вороны с юга тут как тут,
Разбросанное мясо жадно клюют,
Вороны с севера прилетают,
Свежее мясо кусками глотают,
Хоть бы вечно, — думают, — бойцы эти бились,
Мы бы вечно свежим мясом кормились.
Наклевавшись за ночь, птицы-вороны
Разлетаются на день в разные стороны.

Но войска, как муравьи в муравейнике,
Ты попробуй всех перебей-ка их,
В крови они плавают, задыхаются,
Но битва страшная продолжается.

Между тем баторов с похмелья
Стала жажда одолевать,
Руки-ноги у них ослабели,
Нету сил мечами махать,
Побежали они к реке,
Протекающей невдалеке,
Но вода оказалась там
С кровью смешанной пополам.
Напились баторы жижи кровавой,
Повалились кто налево, а кто направо,
Словно острой косою подкосили их,
Окончательно они обессилели.

Неподвижно валяются на берегу,
А над ними враги вперед бегут.

Лежат баторы — к бойцу боец,
А враги окружили большой дворец.

Дворец высокий и белоснежный,
По кирпичику выстроенный прилежно,
С золоченой крышей, с серебряным крыльцом
Окружили враги сплошным кольцом.
Стрелы свистят и шуршат летая,
А хан Гэсэр охотится на Алтае.

Оказалась защитницей дворцовых стен
Молодая хатан Алма Мэргэн.

Взяла она лук самого Гэсэра,
С дворцовой стены пускает стрелы.
Одну стрелу она выпускает —
Дорога широкая пролегает,
Вторую стрелу она выпускает —
Пустырь обширнейший возникает.
Вражеские полководцы, целы пока,
Назад поворачивают свои войска.
«Как видно обманул нас Хара Зутан,
Будто на охоту уехал великий хан,
Только из лука Абая Гэсэра
Могут лететь такие стрелы,

Где пролетела одна стрела,
Дорога широкая пролегла,
Где вторая стрела пролетела,
Вмиг
Широченный пустырь возник.
Воевать с Гэсэром — плохая штука,

Перестреляет он нас, как уток.
Нет, давайте, целы пока,
Назад повернем свои войска».

Хара Зутан про это узнал,
Всполошился, засуетился,
Стрельчато-синего жеребца оседлал,
Вдогонку за отступающими пустился.

Черные мысли его бурлят,
Грязные чувства его кипят.
Догоняет он вражеское войско,
Принимает он позу геройскую,
Загораживает он войскам дорогу,
На полководцев кричит он строго:
«Вы настолько, — кричит он, — слабы,
Что от одной убегаете бабы!»

У Бухэ Сагаан Мангилая
Голова огромная и седая,
Волосы его встали дыбом,
Зубами он закрипел с дымом.

— Ты зачем нам наврал, болтая,
Что Гэсэр охотится на Алтае?
Самой черной души обладатель,
Ты союзник или предатель?
Очень ловко ты и умело
Нас подставил под ханские стрелы.

Рассердился хан Бирууза ноен
Сильно надул он щеки,
Вздыбилась голова его седая,
Брови топорщатся, словно щетки.

Схватил он Хара Зутана поперек живота,
А хватка у него крепка и крута.
Дышать Хара Зутану уж нечем,
И сердце его и печень,
И легкие у него вот-вот
Наружу выскочат через рот.
Корчится Хара Зутан, извивается,
Оправдывается, извиняется:
— Меня убьете — ничего не добьетесь,
Меня послушаете — ума наберетесь,
Не Гэсэр в вас стрелял с высоких стен,
А жена Гэсэра Алма-Мэргэн.
Обмануты вы обманывающими,
Подкошены вы подкашивающими.

Обман откроется,
Простой она женщиной обернется,
Стрелы кончатся,

Слабой женщиной обернется.
Неужели женщины вы побоитесь,
К дворцу Гэсэра не возвратитесь?

Хан Бирууза ноен
Пальцы крепкие чуть ослабил,
Хара Зутана — чуть душа его вон —
Еле живого на землю поставил.
Приказывает он войскам остановиться.
Приказывает он войскам назад возвратиться.
Черной тучей они дворец обложили,
Тройным кольцом они дворец окружили.
С трех сторон они на дворец наступают,
Их сердца пощады не знают.
Ясное небо омрачается и мутнеет,
Зелено-яркая земля обугливается и чернеет.
Стрелы свистят и шуршат летая,
А сам Гэсэр охотится на Алтае.
Оказалась защитницей дворцовых стен
Молодая Алма Мэргэн Хатан
Взяла она лук самого Гэсэра,
С дворцовой стены пускает стрелы.

Одну стрелу она выпускает,
Дорога широкая пролегает,
Вторую стрелу она выпускает,
Пустырь обширнейший возникает.

Войска, как муравьи в муравейнике кишашие,
Оказываются разбросанными и лежащими,
Как трава под косой,
Ложатся они валками.
Как камыш речной,
Валяются они рядами.
Как на ветру сено,
Ключьями они разлетаются...
Но у Алма Мэргэн стрелы
Уже кончаются.
Окружена она тройным кольцом,—
Поймают ее в конце концов.

Тогда
Выпускает Алма Мэргэн на ладонь
Двенадцать своих волшебств,
Заставляет плясать по пальцам
Двадцать три своих волшебства,
Произносит заклинающие слова.

После этого
Золотой сверкающий дворец
Взяла она, словно полог за задний конец,
Приподняла его, отогнула
И под край его проскользнула.

И оказалась она в мгновение ока
Вместо врагами захваченного дворца
В подводном царстве глубоком
Уса Лосона, собственного отца.

А войска шарайдаев,
Как муравьи в муравейнике кишашие,
Снующие, лезущие, кричащие,
Поняв, что ускользнула от них Алма Мэргэн
Из золоченых дворцовых стен,
Окружили покои
Прекраснейшей из Гэсэровых жен,
Белоснежной, достойной
Солнцеликой Урмай Гоохон.

Урмай Гоохон во дворце одна была,
Меч Гэсэра в руки она взяла,
Поступила она просто
С мечом булатным, кованым, острым.
Над головой она меч вращает,
Порог серебряный защищает.
Зазвенела сталь,
Захрустели крепкие кости.
Валиться стали
Незванные гости.

Только на порог он вступить собирается,
А голова его уже на полу валяется.
Только пяткой на порог он встал,
А меч уже просвистал.
Только он ногой ступил на порог,
А меч его пополам рассек,
Только порог переступить хотел он,
На две части разваливается тело.
Свистит и сверкает хангайский меч,
Головы слетают с вражеских плеч.

В это время
Сагаана Гэрэла сын,
Царевич Эрхэ Тайжа,
Кому и предназначалась в расцвете красы
Урмай Гоохон — госпожа,
Два шелковых рукава халата
До локтей завернув,
Две шелковых полы халата
За кушак заткнув,
Широкой, развернутой грудью вперед
На хангайский порог он прямо идет.
Схватить, полонить надеется он
Солнцелико-великую Урмай Гоохон.
Но только пяткой на порог он встал,
Меч над его головой просвистал,
Только он ногой ступил на порог,

А меч его крепкую шею рассек.
Порог перешагнуть он старается,
А голова уже на полу валяется.

Да, голова у царевича с плеч слетела ..

Полководцы, видя такое дело,
Сами живы и целы пока,
Назад поворачивают войска.
Видят они, что их ряды поредели,
Чувствуют они, что их тела ослабели,
Нет прежних сил, нет и натиска,
А меч свистит то прямо, то наискось,
А головы на землю продолжают катиться.
«Нет уж,— думают полководцы,—
Лучше домой возвратиться».
Со своими войсками кишачими, муравьиными,
Повернулись они ко дворцу широкими спинами.

Хара Зутан про это узнал,
Всполошился, засуетился,
Стрельчато-синего жеребца оседлал,
Вдогонку за отступающими пустился.
Черные мысли его бурлят,
Грязные чувства его кипят.
Догоняет он вражеское войско,
Принимает он позу геройскую,
Загораживает он войскам дорогу,
На полководцев кричит он строго:

— Вы настолько,— кричит он — слабы,—
Что от одной убегаете бабы!
Обмануты вы обманивающими,
Подкошены вы подкашивающими,
Неужели женщины вы побоитесь,
К дворцу Гэсэра не возвратитесь?

Кобыла
Во время скачек отстанет,
Женщина
Во время битвы — устанет.

Она во дворце своем затворилась,
Но кроме силы бывает хитрость.
Зачем же на меч открыто лезть,
Ведь задние двери во дворце есть.
Нападите на дворец с двух сторон,
Будет вашей Урмай Гоохон.

Полководцы Хара Зутану поверили,
Показал он им все задние двери.
Дружно они на дворец напали,
Урмай Гоохон полонили, взяли.

После этого
Шарайдаи, желтой долиной владеющие,
Троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Обрадовались,
Что достигли цели.
Развеселились,
Что сами остались целы.

Запрягли они трех иноходцев
В телегу серебряно-зеркальную,
Под руки ведут подобную солнцу
Царицу прекрасную, но печальную.
Посадили ее, всячески обласкали
И к себе домой поскакали.

В это время Хара Зутан
С черной душой, как известно, хан,
Понял,
Что он один теперь остается.
Понял он,
Что за все ему отвечать придется.
Понял он,
Что наступит расплата скоро,
Что Саргал Ноён
И тридцать три батора
Измены черной ему не простят,
И его по-своему угостят.
Бежит он
Вслед войскам отступающим,
Кричит он
Вслед его одного оставляющим,
Восвояси
К себе домой уходящим,
Без боязни
Царицу прекрасную увозящим.

— Вы бросаете меня,— он кричит,—
Чуть не голого,
Чурбаны у вас,— кричит,—
А не головы.

Рады вы, что нашу Хатан
В плен увозите,
А о том, что будет дальше,
Вы не спросите.
На то, что случится, и скоро,
Вы не смотрите,
Тридцать трех великих баторов
Вы считаете мертвыми,

А они лежат,
Отнюдь не убиты,

У них только глаза
До поры закрыты,

Пока мой старший брат
Саргал Ноён,
Что сединами мудрыми убелен,
Жив
И дышит,
И произносит слова,
В каждом баторе душа жива.

Вечером вам сдается,
Что они убиты валяются,
Но утром, с восходом солнца
Они опять просыпаются.
Встанут они, проснутся,
За мечи и луки возьмутся,
Полетят вам вслед хангайские стрелы,
Никто из вас не вернется целым.

Убьете меня,
Ничего не добьетесь,
Послушаете меня,
Ума наберетесь.

Мой старший брат
Саргал Ноён,
Сединами мудрыми убелен,
У большого озера лежит в камышах,
Затаившись и не дыша.

Выберите вы рысака
Самого редкого,
Выберите вы стрелка
Самого меткого.
Пусть он до озера белого доскачет,
Коня своего надежно спрячет,
Если крадучись он в камыши проберется,
Саргал Ноён не проснется.

Стрелой железной стрелок Ноёна погубит,
Голову и руку ему отрубит.
Из головы надо сделать кубок,
Вино пить сладкое,
А правой руки обрубок,
Для кнута — рукоятка.

Шарайдаев полководец хан Бирууза
Выслушал предателя и приказал,
Чтобы выбрали рысака
Самого редкого,
Чтобы выбрали стрелка
Самого меткого.

Чтоб туда, где озерная ширь,
Доскакал он, добрался,
Чтоб в озерные камыши
Он неслышно прокрался,
Чтоб Саргала Ноёна он стрелой погубил,
Чтобы голову и руку ему отрубил,
Чтобы из головы он сделал прекрасный кубок,
Вино пить сладкое,
А правой руки обрубок
Для кнута — рукоятка.

Был послан для этого Мангилай великан,
Все он сделал, как велел изменник и хан,
До озера белого доскакал,
Саргал Ноёна в камышах отыскал,
Стрелой железной его убил,
Руку и голову ему отрубил.
Голова пошла на прекрасный кубок,
В кнут превратился руки обрубок.

В это время
Урмай Гоохон солнцеликая красавица,
Что на зеркальной телеге на чужбину скачет,
Вверх на небо посмотрит — печалится,
Вниз на землю посмотрит — плачет:
«Хара Зутан, душа его черная,
Меня несчастную погубил,
На веки вечные опозорена я,
Белый свет мне теперь не мил,
Но, так и быть, куда вы хотите
Меня от родины увозите,
Все мученья приму не глядя,
Жаждой-голодом уморенная,
Лишь отдайте мне голову дяди,
Бело-мудрого Саргал Ноёна».

Между тремя шарайдайскими ханами
Пошли споры-раздоры выпревание.
Кто говорит, что слова у нее обманные,
Кто говорит, что слова у нее искренние.
Один скажет веское слово,
А другой в ответ скажет пять,
Кто говорит: «Надо отдать ей голову».
Кто говорит: «Нельзя ее отдавать».
Кто говорит: «А что случится?»
Голове на место не воротиться.
Мы уж держали ее в руках,
Мы уж ее, между прочим,
У наших воинов на глазах
Ремнями к седлу приторочили.
Саргалу Ноёну
Урмай Гоохон невестка,
В руках у нее

Голове этой самое место.
Пусть она немного потешится,
В пути тяжелом — развеселится.
А нам тут бояться нечего,
Голове на место не воротиться».
Поспорили они еще немножко,
Еще немножко они побурчали
И пленнице, похожей на красное солнышко,
Голову Саргала Ноёна отдали.

Как взяла Урмай Гоохон голову дяди в руки,
На лице ее отразились муки.
Очень дядю она жалела,
Тотчас же взялась за дело.

Водой
Из девяти живых родников
Голову она тотчас же омыла.
Дымом
От девяти можжевеловых кустов
Голову она окурила.
Произносит она заклинательные слова,
Чтобы летела омытая и окуренная голова
К бабушке,
Сидящей с серебряной чашей в руках,
К бабушке,
Следящей за всеми звездами в небесах,
К бабушке,
Опирающейся на множество небесных вершин,
К бабушке,
Обозревающей множество небесных долин,
К бабушке,
Звездные книги читающей,
К бабушке,
Все швы во вселенной сшивающей,
К бабушке,
Держащей все тайны в уме,
К великой бабушке Манзан Гурмэ.

После этого
Урмай Гоохон на глазах у всех
Бросила оживленную голову вверх,
Полетела голова, зашуршала,
Полетела голова, засвистела.
Ни одна рука ее не достала,
Ни одна стрела за ней не успела.
А та стрела, что успела,
Пролетела мимо и не задела.

Бойцы-лихачи,
Стрелки-меткачи,
Израсходовав все стрелы железные,
Опустили луки свои бесполезные.

А голова,
Поднимаясь со свистом вверх,
А голова,
Пролетев через тридцать небесных сфер,
Оказалась на коленях у бабушки Манзан Гурма,
У которой вся сила в ее уме.

От неожиданности бабушка вскрикнула,
Не поймет, что бы это значило.
Большим удивленьем удивлена,
Задачей большой озадачена.
Движеньем властной правой руки
Материнскую книгу она открывает,
Прекрасными пальцами правой руки
Священнейшую книгу она листает.
Смотрит она в книгу при солнечном свете,
Каждая буква на примете.
Смотрит она в книгу при свете луны,
Все буквы до одной видны.

С первой страницы прочитывает до середины,
С середины прочитывает до конца.
Все через эту книгу ей видно,
Удивление не сходит с ее лица.

Видит она,
Что в долине Моорэн,
Видит она,
Что в долине Хатан,
Где живет во дворце среди крепких стен
Абай Гэсэр, богатырь-великан,
Там, где песенки жаворонков
Слышатся спозаранку,
Там ручьи текут, от крови красны.
Там у дальней горы и у ближней
То ли спят, то ли стрелами сражены,
Тридцать три батора лежат неподвижно.
Бывшие всадниками и стрелками
Лежат они изваяниями каменными.

Видит она разоренье от края до края,
А сам Гэсэр охотится на Алтае.

Видит она,
Что шарайдаи,
Желтой долиной владеющие,
Видит она,
Что троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Огромны, всеильны, разъярены
Открыли двери войны.
Привели они в долину войска свои,
Кишащие, как муравьи.

Видит она
Через книгу, как через окошко,
Что похожую на красное солнышко,
Совершенную от сияющих глаз до округлых колен,
Урмай Гоохон увозят в плен.

Тогда,
Сидящая с серебряной чашей в руках,
Тогда,
Следящая за всеми звездами в небесах,
Тогда,
Опирающаяся на множество небесных вершин,
Тогда,
Обозревающая множество небесных долин,
Тогда,
Звездную книгу читающая,
Тогда,
Все швы во вселенной сшивающая,
Тогда,
Державшая все тайны в уме,
Великая бабушка Манзан Гурмэ,
Происшедшему на земле удивилась,
Происшедшим на земле возмутилась.
Характер у нее был круг, а ум был остер,
Призывает она к себе трех Абая Гэсэра сестер.

Призывает сестер, сажает их рядом,
Рассказывает сестрам, что делать надо.
Чтобы преобразились они в трех проворных птиц
И полетели скорее на землю вниз,
Да, чтобы в виде трех птиц Онголи
Полетели они в пределы земли.

В трех птиц Онголи три сестры превращаются,
На землю вниз они устремляются.

Прилетают они на Алтай,
В благословенный зеленый край,
Где при помощи метких стрел
Охотится брат их родной, Гэсэр.
Встретились они на десяти зеленых холмах,
Увиделись они в двадцати зеленых лесах.
Обрадовался Гэсэр трем птицам,
Трем милым, родным сестрицам.

А сестрицы ему все рассказывают,
Все завязанное развязывают,
Рассказывают они от вершины и до корней,
Про землю Гэсэра и что происходит на ней.

Рассказывают они, что в долине Моорэн,
В благословенно цветущей долине Хатан,
Где живет во дворце, среди прочных стен,

Братец их Абай Гэсэр великан.
Там ручьи текут от крови красны,
Там у дальней горы и у ближней,
То ли спят, то ли стрелами сражены
Тридцать три батора лежат неподвижно,
Бывшие всадниками и стрелками,
Лежат они изваяньями каменными.

Рассказывают они,
Что шарайдаи,
Желтой долиной владеющие,
Что троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Огромны, всеильны, разъярены,
Открыли двери войны,
Привели они в долину войска свои,
Кишащие, как муравьи,
Рассказывают они,
Что царицу великую,
Лунно-звездную, солнцеликую,

Совершенную
От сияющих глаз до округлых колен,
Урмай Гоохон захватили в плен.

Рассказывают они,
Как там дело было,
Сколько голов Урмай Гоохон срубила,
Не даром она далась им в руки,
Но теперь ее повезли на муки.

И Алма Мэргэн там тоже была,
Достойный отпор врагам дала,
Но когда увидела, что плохи дела,
Задний угол дворцовый приподняла
И ускользнула из захваченного дворца
Во владенья Уса Лосона, отца.

А дядя наш Саргал Ноён,
Сединами мудрыми убелен,
У большого озера лежал в камышах,
Затаившись и не дыша.

Выбрали шарайдаи
Рысака самого редкого,
Выбрали шарайдаи
Стрелка самого меткого,
Стрелой железной дядю стрелок погубил,
Голову и руку ему отрубил,
Из головы они сделали кубок,
Вино пить сладкое,
А правой руки обрубок —
Для кнута рукоятка.

А всех этих действий изобретатель,
Коварный изменник и злой предатель,
Твой черный дядя Хара Зутан
От мести весел, от крови пьян.

Пока ты охотился на Алтае,
Разорили твою землю от края до края,
Табуны-стада твои истребили,
Твоих подданных перебили,
Из костей там холмы растут,
Ручьи от крови красны текут.
Была твоя земля зеленая, золотая,
А стала земля испепеленная и пустая.

После этого
Три сестры крылышками махать стали,
И в небе летнем,
В светло-синем небе растаяли.

Когда услышал Гэсэр про такое дело,
Лицо у него побелело.
Вспомнил он Урмай Гоохон свою красавицу,
Вспомнил он, что в плен она скачет.
Вверх на небо посмотрит он — печалится,
Вниз на землю посмотрит он — плачет.

От левой слезы
Потекла Лена-река,
Раздольна и широка.

От правой слезы
Между лесистых скал
Образовался глубокий Байкал.

После этого Гэсэр, усмехаясь зло,
Садится на Бэльтэна, в серебряное седло.
Направо свой повод слегка потянув,
В нужную сторону коня повернув,
От десяти лесистых холмов Алтая,
От двадцати дремучих лесов тайги,
Скачет в сторону родимого края,
Где теперь пустыня да лопухи.
Едет он, тихонько рысит,
Комья с чашку разбрасывает из-под копыт.
Скачет он, птицей летит,
Комья с котел разбрасывает из-под копыт.
Скачет он
Повыше облаков проплывающих,
Скачет он
Пониже звезд сверкающих,
Парит он беркутом над горами,
Мелькает он ястребом над холмами.

Бросается он соколом с неба высокого,
Остановился он, где Песчаная сопка.
Тут река Хатан, тут край родной,
Для коня усталого — водопой.

Видит он,
Что пока охотился на Алтае,
Разорена страна от края до края,
Все разрушено тут, все вытоптано,
А людей тут нигде не видно.
Лишь ручьи текут от крови красны,
А у дальней горы и у ближней
То ли спят, то ли стрелами сражены,
Все баторы лежат неподвижно,
Бывшие всадниками и стрелками,
Лежат они изваяньями каменными.
А с ними три сотни воевод,
А с ними три тысячи оруженосцев
В большой печали Гэсэр к ним подходит,
Сердце его красное меж ребрами бьется.
Ребра его упругие изгибаются,
Мышцы его могучие напрягаются.
И не видно нигде его красавицы,
Урмай Гоохон, в полон она скачет.
Вверх посмотрит Гэсэр — печалится,
Вниз посмотрит Гэсэр — плачет.

Увидел Гэсэр, поднимаясь в гору,
Двух любимых своих баторов,
Упал он на изваянья каменные,
Обняв их живыми руками.

От тепла человеческой кожи
Два батора мгновенно ожили.
Встали на ноги баторы, а вслед за ними
Дружно ожили и остальные.
Ожили три сотни воевод,
Ожили три тысячи оруженосцев,
Готовы они к любому походу,
Готовы сражаться с кем придется.

Абаю Гэсэру все это нравится,
Сияет он словно солнце,
Вверх на небо поглядит — улыбается,
Вниз на землю поглядит — смеется.
К каждому батору он подошел,
Каждому батору руку пожал.
Для каждого батора слово нашел,
Каждому батору что-нибудь да сказал.

Потом они все — боец к бойцу,
Двинулись к Абая Гэсэра дворцу.

Но тут
Тридцать три батора,
Три сотни воевод,
Три тысячи оруженосцев,
А все они молодцы и гвардейцы,
Во дворце расположились после похода
Начали роптать:
«Да что же это на свете делается.
Всех несчастий для края изобретатель,
Черный изменник, коварный предатель
Хара Зутан ноён,
Жив, здоров, где-то прячется он.
С первого взгляда его — убить,
С первого шага его — прострелить,
Как только поймает его — повесить,
Как только покажется — к земле пригвоздить».

Вскакивают они на своих коней,
Едут они Хара Зутана искать.
А Хара Зутан, смерти бледней,
С испугу начал даже икать,

Тоже вскакивает на коня,
На стрельчато-синего жеребца,
Да где же спрячешься среди дня,
Нигде не спрячешься кроме дворца.

Поняв, что ничто уж ему не поможет,
Как бы ни был он и хитер и умен,
Прибежал к Гэсэру с душою ложной,
Упал перед ним на колени он.

Пожалей,— Гэсэру он говорит,
Пощади,— Гэсэру он говорит,
Дай мне еще на свете пожить,
Верой, правдой буду тебе служить.
Не гони меня, а спаси меня,
Ведь мы с тобой как-никак — родня.

Поглядел Гэсэр на Хара Зутана,
Поглядел он в окно из дворца, а там
Все тридцать три батора дружным станом,
Все воеводы и оруженосцы
За предателем гонятся по пятам.

Ворвались они в покои своего хана,
Требуют выдачи Хара Зутана.
— Мы,— говорят,—
За ним по пятам гнались,
Негде,— говорят,—
Было ему спастись,
Все селенья,— говорят,—
Мы обшарили,

Все окрестности,— говорят,—
Обыскали,
По его следам мы направились
И сюда теперь прискакали.
Спрятался он где-то здесь во дворце,
Его следы мы видели на крыльце.

Очень баторы сердятся,
Зубами баторы скрежещут,
Перед ханом своим Гэсэром
Глазами вращают зловеще.
— Ты предателя,— говорят,—
Спрятать стараешься,
Ты изменника,— говорят,—
Укрыть собираешься,
Вместо того, чтобы его убить,
Ты зачем-то его спасаешь,
Вместо того, чтобы на куски изрубить,
Ты зачем-то его выручаешь.

Делать так, нам, хан, не годится,
Сами будем с тобой мы биться.
Наши стрелы твоих не тупее,
Постоять за правду сумеем.
Наступают они на великана,
Требуют выдачи Хара Зутана.
Абай Гэсэр не произнося ни звука,
Показывает баторам правую руку,
Свою правую, свою верную
Показывает им ладонью кверху.

Глядят баторы и каждый из них дивится,
Спрятался Хара Зутан у Гэсэра в мизинце.
То сидит он там, то бегают, скачет,
То кланяется, то ползает и плачет.
Бегают он там человечком черненьким,
В мизинце Гэсэра ему просторненько.

Баторы,
Не зная как быть,
Вокруг толпятся,
Но палец Абаю Гэсэру отрубить
Они никак не решатся.

Зубами они сильно скрежещут,
Глазами они вращают зловеще,
Кричат, ругаются, а между тем
Уходят от Гэсэра ни с чем.

После этого
Хара Зутан ноён,
Гэсэром от рассерженных баторов спасен,
С душой двойной, с душой своей черной,

Из мизинца убежал и прикинулся мертвым.
Весть об этом разнеслась, разбежалась,
Почувствовал Гэсэр к умершему жалость.
Пошел он на покойного поглядеть,
О похоронах его порадеть.
В путь последний, — думает, — его провожу,
На предназначенное место его положу.

Зашел Гэсэр к Хара Зутану в покои,
И не поймет — что там такое.
Пар виднеется,
Как будто чай только сейчас пили.
Дым виднеется,
Как будто табак только сейчас курили.

Но сам хозяин покоев
Лежит у стены, притворившись покойником.
Один глаз у него открыт,
Одна рука вдоль тела протянута,
Одна нога к животу подтянута.

Можно подумать, что он был кривой,
Можно подумать, что он был хромой,
Что сустав на руке у него не сгибался,
Вот каким Гэсэру Хара Зутан показался.

«Как же так? — подумал Гэсэр, —
Ведь отправляется он к предкам
В извечный край,
Как он некрасиво мертвым лежит:
Один глаз открыт, а один закрыт,
Нельзя с одним глазом на тот свет идти,
Доброго не будет пути».

Взял он из очага серой золы,
Взял он из-под ноги черной земли,
Золу с землей перемешал, перетряс
И залепил незакрытый глаз.

— Будем, — говорит, —
Исправлять покойника понемногу,
Возьмемся теперь за согнутую ногу,
Нельзя со скрюченной ногой на тот свет идти,
Доброго не будет пути.
И рука не должна быть вытянутой,
Ногу сейчас мы выпрямим,
А руку, напротив, сейчас сложим
И на грудь ее смиренно положим.

Взял он саблю свою железную,
Сухожилья, где надо, надрезал,
Руку согнул, а ногу выпрямил,
Хорошо он покойника выправил.

— Вот теперь, — говорит великан, —
Передо мной настоящий Хара Зутан.
— Отвезу — говорит, — покойника теперь я
На место вычисленное,
На место отмерянное,
Положу его на бобры-соболя,
Будет пухом ему земля.

Стрельчато-синего жеребца-коня
В похоронную запрягли телегу,
За повод ведя жеребца-коня,
Потихоньку в тайгу поехали.

В непроходимую заехали чащу,
Место нашли подходящее,
Пятиглавые у сосен вершины,
Лиственницы-исполины.

Поставил он усопшего
Как и надо — стоямя,
Подпер деревьями сохлыми
Сначала тремя,
А потом деревьями мелкими окружил,
Сучками и хворостом обложил,
При помощи кресала и трута
Огонь добывает он,
Сухие деревья тут же
Поджигает с четырех сторон,
Раздувает пламя, старается,
Постепенно костер разгорается.

Вдруг
Крик из огня,
А потом еще:
— Спасите меня,
Горячо! Горячо!
Хара Зутан с душою черной
Выскакивает из огня живой, а не мертвый.

— Нет, — говорит Гэсэр, —
Мертвые не воскресают,
И опять притворщика в огонь бросает.

Подпаленный и подгоревший
Выскочил Хара Зутан быстрее прежнего.

— Нет, — говорит Гэсэр, —
Дважды не воскресают,
И опять хитреца в огонь бросает.

Подгоревший,
Скорчившийся, искривившийся,

Мертвецом из хитрости притворившийся,
Выскочил из огня Хара Зутан,
Перед Гэсэром на землю, в ноги упал.

— Подожди, — кричит, — подожди.
Пощади, — кричит, — пощади.
Больше не буду душой кривить,
Больше не буду зла творить.
Пощади меня,
Ты не жги меня,
Все же мы, как-никак — родня.
У Гэсэра вся злость ослабла.
Говорит он дяде: «Ну, ладно,
Только если еще узнаю
Про тебя я... Душа родная...
Убирайся! Я мстить не стану».
Отпустил он Хара Зутана.
Вновь Хара Зутан на свободе.
Так рассказывают в народе.

После этого
Абай Гэсэр удалой
Возвратился к себе домой.
Золотой он стол накрывает,
Редкие яства ставит,
Серебряный стол расстилает,
Крепкие напитки ставит.
Угощает себя арзой,
Угощает себя хорзой.

После этой арзы-хорзы
Повторяет он все азы,
Вспоминает он прошлое, дальнее,
Вспоминает дела недавние,
Начинает он от корней,
Добирается до ветвей,
Начинает он от ветвей,
Добирается до корней.
Мужчина, родившись,
Думает, кого ему захватить.
Женщина, родившись,
Думает, кем захваченной быть.

Вспомнив все, восклицает в горести он:
— А где же моя Урмай Гоохон?
Я тут вкусно ем,
Я тут сладко пью,
Почему же я не еду
Жену выручать свою?
Я тут сладким вкусное запиваю,
А жена в плену сидит изнывая.
Сильно Абай Гэсэр рассердился,
Сильно надул он щеки,

Кровью красной налился,
Брови торчат, как щетки.
Встал, поднялся могучий витязь,
Ну, шарайдаи, теперь держитесь!

Отложил Гэсэр все заботы домашние,
Стал готовиться он на битву страшную.

Приказал Гэсэр первым делом,
С гладкой шерстью и крепким телом,
С ногами тонкими,
С костями звонкими,
С сухожилиями упругими,
С копытами круглыми,
Привести гнедого, под цвет огня
Бэльтэна — любимейшего коня.
Потник шелковый по спине коня Гэсэр расстилает,
Седлом из якутского серебра коня седлает,
Складчато-серебряный надхвостник,
Чтобы седло вперед не скользило,
Через круп перебрасывает,
Пластинчато-серебряный нагрудник,
Чтобы седло назад не скользило.
Через грудь перетягивает,
Десятиремешковую подпругу застегивает,
Двадцатипряжковую подпругу прилаживает,
По крупу коня похлопывает,
По крутой шее коня поглаживает.

Красный повод к луке седла привязывает,
Красное кнутовище за подушку седла затыкает,
Так коня он в путь собирает.

Мнется красный конь, серебром рябя...
Теперь остается приготовить себя.
Красивое снаряжение коню пристало,
Надо, чтобы и на Гэсэре оно заблестало.

После этого,
Сшитые из семидесяти изюбевых кож
Замшевые черные штаны
Гэсэр натягивает,
После этого
Целиком сшитые из тюленьих кож
Облегающие черные унты
Ступнями своими растягивает,
Ярко-шелковую накидку-дэгэл
На плечи накидывает,
Семьдесят сверкающих медных пуговиц
Силой пальцев своих застегивает,
Сплошной серебряный кушак
Вокруг себя опоясывает,
Его оставшиеся концы

Аккуратно с боков запихивает.
И оделся Гэсэр и обулся,
Перед зеркалом так и сяк повернулся,
Где пылинка — ее сдувает,
Где соринка — ее счищает.
В зеркало с дверь величиной
Гэсэр погляделся:
Хорошо ли он обулся-оделся.

После этого,
Под семидневным дождем
Не промокаемый,
Семидесяти стрел острием
Не пробиваемый,
Угольно-черный панцирь
На спине закрепил,
После этого,
О белые крепкие кости не тупящийся,
В горячей крови не размягчающийся
Державно-булатный меч
На левом боку укрепил.

После этого,
Величиной с речную долину
Узко-серебряный колчан
Куда нужно привесил.

После этого,
Величиной с поле длинное
Узорно-серебряный налучник
На нужное место подвесил.

После этого,
Сделанный из рогов
Семидесяти горных козлов
Державно-хангайский лук
В налучник он положил.

После этого
Семьдесят пять стрел
Всею за спиной расположил,
Так что в холод от них теплее будет,
А в жару от них тенистее будет.
После этого
Похожую на копну травы,
Соболью шапку на себя надевает,
Похожую на пучок травы,
Кисточку на шапочке поправляет.

После этого,
Звездно-белый шлем надел он на голову.
Стал похож Гэсэр на большую гору,
Как солнце сверкает,

Как ель шелестит,
Так Абай Гэсэр хубуун
В боевых одеждах стоит.

После этого,
Чтобы десять лет не голодать,
Рот себе паучьим жиром он смазал,
После этого,
Чтобы двадцать лет не голодать,
Губы себе червячьим жиром намазал.

После этого,
Величественным движеньем
Открывая перламутровую дверь,
Наружу он выходит теперь.
Неторопливыми движениями,
Не уронив ни пылинки с ног,
Перешагивает мраморный порог,
С достойным и красивым лицом
Выходит на серебряное крыльцо.
Крыльцо это так устроено,
Что не слышно его под пятками,
Крыльцо это так просторно,
Что бегать бы там кобылицам с жеребятками.

Медленными движениями,
Без суеты,
По ступенькам серебряным с высоты,
Ни разу на лестнице не оступясь,
Идет он туда,
Где стоит серебряная коновязь.

К коновязи он идет с серебряного крыльца,
Красный повод отвязывает от серебряного кольца,
По крупу глядя,
По шее хлопая звонко,
Своего коня он ласкает, как жеребенка.

Длинный — из красного шелка — повод
Он от коновязи отвязал,
Он в правую руку взял,
Ногу в чисто-серебряное стремя он вдел,
В якутско-серебряное седло он прочно сел.
После этого
Направо повод слегка натянул,
По ходу солнца коня повернул
И в восточную сторону направился он,
Чтобы освободить солнцеликую Урмай Гоохон.
Конь его как на крыльях несет,
Абай Гэсэр песню поет:
«Лук мой боевой, лук мой желтый
Не разохся, не искривился,
Меч мой железный, меч мой твердый

Не погнулся, не затупился,
Стрелы мои оперенные,
С четырех углов заостренные,
Неизменными пребывают,
Сабля моя блестящая,
Сабля моя разящая,
Наповал убивает».

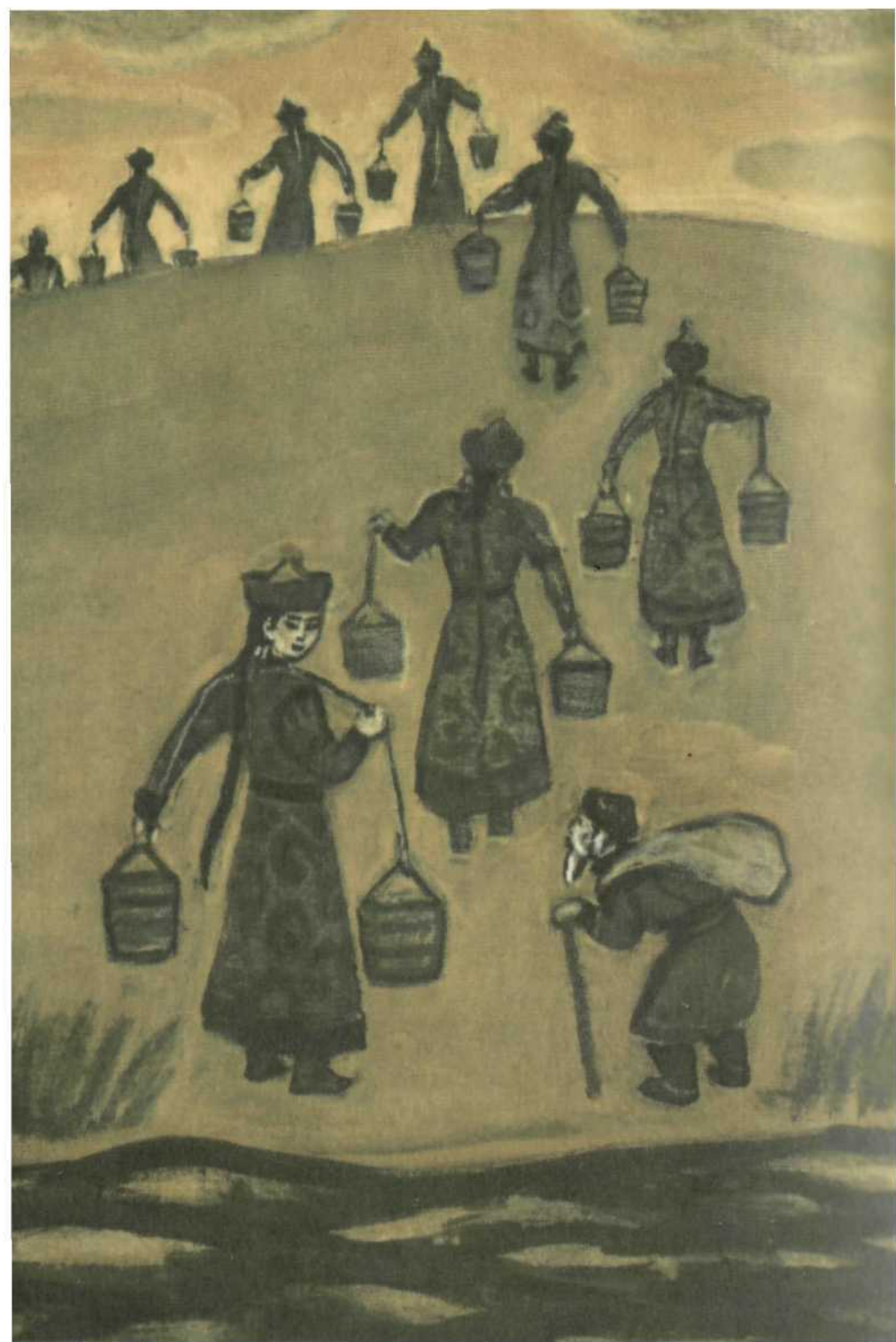
Едет Гэсэр по таежной звонкой дороге,
Едет Гэсэр по общей людской дороге.
По дороге широкой,
По дороге лесистой
Едет Гэсэр рысисто.

Перескакивает он через тридцать вершин,
Как через одну вершину,
Перемахивает он через тридцать долин,
Как через одну долину,
Над лесными верхушками пролетает,
За верхушки копытами не задевает.
Хоть длинна река,
Но до моря все равно добирается.
Хоть дорога и далека,
Но цель все равно приближается.
Вот родная земля
Уж кончается,
Вот чужая земля
Начинается.
То по траве, то степью,
Доскакал Гэсэр куда нужно.

Среди просторного чистого поля,
Где долину пятиглавая сосна осенила,
Красные натянул Гэсэр поводья,
И Бэлыгэна-коня осадил он.

После этого,
Тринадцать его великих волшебств
По широкой ладони бегают,
Двадцать три великих его волшебства
По пальцам пляшут и скачут,
Превратили они Бэлыгэна в жалкую, пегую
Кривоногую, вислоухую клячу.

На лошаденку пегую, дрянненькую,
Накинул Гэсэр потник дырявенький,
Приладил седло деревянненькое.
Сам он сделался седеньким старичком,
Сморщился весь, согнулся крючком.
На седельце уселся, тронул поводья,
Лошаденка трусит, ушами поводит,
Но дорога все равно сокращается,
Цель далекая приближается.

В это время
Шарайдаи, долиной желтой владеющие,
Троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Начали укреплять свои границы,
Чтобы ни зверь не проник, ни птица,
Чтобы не было здесь никому пути,
Чтобы даже змея не могла проползти.

Воздвигли они каменные скалы,
Которые друг о дружку как зубами скрежещут,
А на случай, если и этого мало,
Пламенем, как из пасти плещут.
Всех, кто мимо идет, эти скалы сжирают,
Всех, кто близко подойдет, эти скалы сжигают.

На лошаденке пегой и дрянненькой,
Потником покрытой дырявеньким,
На седельце плохом деревяненьком
Приехал сюда старичок-сморчок,
Скрюченный, как сухой стручок.
Тринадцать волшебств его на ладони скачут,
Двадцать три волшебства забегали, заплясали,
Превратил он пегую, жалкую клячу
В старенькое, стесанное кресало.
Кресало он положил в карман,
А сам пошел бродить по холмам,
Как будто бы бедняк спозаранку
Ищет и выкапывает саранку.

Вид у этого бедняка несчастен,
Никому такой бедняк не опасен.

Но саранку бедняк выкапывая,
На поверхность камни выкатывает,
Землю роет он словно крот,
И проделал в горе проход.

Скалы
Как зубами скрежещут,
Скалы
Пламенем жарким плещут,
Но под ними Гэсэр прошел,
Опираясь на посошок.
Опираясь на палку кривую,
Он препятствия все минует,
В виде бедного старичка
Отдыхает у родничка.

Семьдесят три девицы,
Шарайдаев-ханов служанки,
К роднику пришли за водицей —
Старичок-сморчок на лужайке.

Начали они тут резвиться.
Старичок на лужайке — видано ли,
Семьдесят две девицы
Через старичка перепрыгнули,
Через старичка они перешагнули,
Воды ни капли не расплеснули.

А семьдесят третья
Постарше подруг была.
Семьдесят третья
Старичка стороной обошла.
Была она девицей серьезной,
Обо всем рассуждала трезво:
— Что вы скачете, словно козы! —
Упрекнула подружек резвых.
— Разве это от предков завещано?
Видно совесть у вас уснула!
Где вы видели, чтобы женщина
Через мужчину перешагнула?

Старичок на девицу поглядел в упор,
И завел он с девицей разговор.

Он сначала девицу похвалил,
А потом подступил с вопросами:
— Для чего вам столько воды? — спросил,
Вы куда эту воду носите?

Девушка старые заветы забыла,
Со стариком охотно заговорила.

— Наши ханы, наши правители
У Гэсэра жену похитили.
Привезли Урмай Гоохон — солнышко красное,
Но привезли ее, оказалось, напрасно.
Хотели на ней молодого хана женить,
А она сказала — лучше не жить.
Оказалась она упорной,
Оказалась она непокорной.
Посадили ее в темницу,
Голодом ее там морят.
Только этой вот чистой водицей
Каждый день бедняжку поят.
Всячески над ней издеваются,
Всячески ее притесняют,
Но перед упорством ее теряются,
Что с ней дальше делать, не знают.

Как услышал Гэсэр о жене несчастной,
Сердце его забилося сильно и часто.
Но виду он не хочет показывать,
Просит девушку дальше рассказывать:
— Кто же пленницу этой водой поит,
Кто видит ее, кто с ней говорит?

— Чтобы никто никогда ее видеть не мог,
В темницу к ней провели желобок,
По этому желобу вода течет,
Воду эту бедняжка пьет.

Тогда Абай Гэсэр девице в ведрецо
Незаметно положил золотое свое кольцо.
Девушка эта проворна была,
Быстро подружек своих догнала.
Старичок глядит ей вслед, улыбается,
Теперь недолго пленнице маяться.

Льется вода по желобку в темницу,
А вместе с этой водою
Из ведрца семьдесят третьей девицы
Покатилось кольцо золотое.

В ладони Урмай Гоохон кольцо упало,
В темнице, как солнышко засверкало,
Засияло в темнице и посветлело,
А на сердце у пленницы потеплело.
Радуетя Урмай Гоохон, улыбается,
Недолго осталось ей маяться.
Колечко к сердцу она прижала,
Заговорила, запричитала:
«Это мой Гэсэр, повелитель мой,
Спасать меня сюда прибыл.
Великий Абай Гэсэр удалой
Отомстить за меня сюда прибыл.
Шарайдаев царство черное, злое
Разгромить, уничтожить прибыл,
Шарайдаев царство развеять золою,
По ветру пустить сюда прибыл.
Это мой Гэсэр, мой муж золотой,
За верной женой сюда прибыл».

Абай Гэсэр между тем в облике старика
Еще три дня просидел у светлого родника.
Изучал он расположение дворцов и зданий,
Как спереди к ним подойти, как сзади.
Изучал он порядки этого царства,
В чем его сила, в чем коварство.
Все узнал и во все проник
Около родника сидящий старик.

После этого
Тринадцать своих великих волшебств
Выпустил Гэсэр по ладони гулять,
Двадцать три своих великих волшебства
Выпустил он по пальцам плясать.

Волшебства на ладони пляшут,
Волшебства по ладони бегают,

Все, что Гэсэр им скажет,
Они моментально сделают.
Оказался Гэсэр
На задворках большого дворца.
Оказался Гэсэр
Около запасного крыльца.
Он, заранее все предвидевший,
Обернулся мальчонкой-подкидышем.

Лежит, ножонками дрыгает,
Пищит, ручонками машет.
Ждет, когда кто-нибудь выглянет,
И хану о нем расскажет.

Вышел на задворки старший хан,
Видит — лежит на земле мальчуган.
Ножками, ручками дрыгает он,
Пузыри пускает и плачет.
Большим удивлением хан удивлен,
Задачей большой озадачен.
Поглядел на мальчонку так и сяк,
Крепыш мальчонка и здоровяк.

Очень подкидыш хану нравится,
А в народе не зря идет разговор:
Девочка в люльке — уже красавица,
Мальчик в люльке — уже батор.

Взял ребенка он во дворец
И стал воспитывать, как отец.
Стал ребенок расти не по дням,
Стал ребенок расти по часам.
Поглядят на ребенка утром,
Глазам не верят и удивляются:
Вчера помещался в баранью шкуру,
Нынче в бычью уже не вмещается.

Он растет румян да пригож собой,
Нощно растет и денно.
Назвали мальчика — Олзобой,
Что значит сынок-найденыш.

Тогда
Шарайдаи,
Желтой долиной владеющие,
Тогда
Троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
В золотой бубен бьют,
С северных склонов народ собирают,
В серебряный бубен бьют,
С южных склонов народ собирают —
Пир затевают.

Мяса ставят пригорки,
Напитков озеро ставят,
Напитками сладкими и горькими
Сынка-найденыша славят.

Пьют-гуляют напропалую,
Угощаясь яствами разными,
В течение восьми дней они пируют,
В течение девяти дней они празднуют.

В это время
Начальник шарайдайских войск
Силач Сагаан Мангилай,
Грудь выпячивая по-геройски,
Хвастаться начинает.

Будто, когда похищали Урмай Гоохон,
В ту самую славную пору,
Из этого желтого лука он
Перестрелял тридцать трех баторов.

«Всех баторов перестрелял» —
Сагаан Мангилай уверял.

Пошел гулять его желтый лук
Среди пирующих в руки из рук.

Лук батору под стать, огромный,
Поглядишь и объемлет жуть.
Каждый хочет его попробовать,
Тетиву оттянув, согнуть.

Все согнуть они лук хотят,
От досады зубами скрипят,
Покраснели все от натуги,
Но слабы у баторов руки.
Лук нисколько не поддается,
Лук нисколько у них не гнется.

С любопытством глядит народ,
Как силачи состязаются меж собой,
Вдруг подходит и лук берет
Мальчик найденный — Олзобой.
В наступившей большой тишине
Говорит он: «Дайте-ка мне».

Тут раздался веселый смех,
На пиру смеяться не грех:
«Не могли силачи согнуть,
А мальчонка уж тут как тут».

— Эй, тyani, тyani, тyani,—
Восклицают,

— Эй, согни, согни, согни,—
Поощряют.

Но кто понимает дело,
Перестает смеяться,
Тянет парень умело
Силой плеча и пальца.

Тянет толково малый
Силой плеча и рук,
Понемногу, мало-помалу
Начинает сгибаться лук.
— Эй, тяни, тяни, тяни,—
Зрители восклицают,
— Эй, согни, согни, согни,—
Зрители поощряют.

Лук все сильнее гнется
До звона тонкой струны,
Никто уже не смеется,
Все зрелищем заражены.

А парень как будто вырос,
Стал молодцом молодец,
Любуются парнем зрители,
Любуется парнем отец.

Парень прибавил силы,
Поощряемый возгласами,
Лук уже перекосило,
Расходятся пестрые полосы.

— Эй, тяни, тяни, тяни,—
Зрители радостно восклицают,
— Эй, согни, согни, согни,—
Зрители яростно поощряют.

Тянет упорный мальчик,
Раздался тут треск и звон,
Лук богатырский сломался,
На три части распался он.
Силач Сагаан Мангилай
Глядит и глазам не верит,
Обломки лука перебирает,
Но их теперь уж не склеить.

Сильно Мангилай рассердился,
Сильно надул он щеки,
Красной кровью налился,
Брови торчат, как щетки.

«Лук у меня был вечный,
Где же другой мне взять?»

Чем же врагов я встречу,
Из чего я буду стрелять?»

Схватил он мальчишку яростно,
Мертвой схватил его хваткой,
А зрители хохочут радостно
В предвкушении борьбы и схватки.

— Эй, сынок, не поддавайся,—
Зрители восклицают.

— Эй, малыш, не сдавайся,—
Зрители поощряют.

— Тяни его за поджилки,
Дерни его за пятки,
Толкни его что есть силы,
Положи его на лопатки.
Борцы,
Изгибаясь, друг с другом схватываются,
Схватившись, на месте кружатся,
Пригибаясь, они приглядываются,
Кружась, они поднатуживаются.
Мускулы у них разогреваются,
Сердца у них разъяряются.

Напрягает Мангилай все мышцы,
Пот с него льется обильно,
Злостью Мангилай так и пышет,
Но злоба его бессильна.

Попался мальчонка крепкий,
Не играет мальчонка в прятки,
Налетает на Мангилая, как беркут,
Хватает Мангилая за пятки,
Налетает изюбром-оленом,
Тянет соперника за колени.

Потом собравши, что было сил,
Сагаана Мангилая схватил-скрутил.
Огромного злобного силача
Вскинул он к себе на плечи,
Вверх поднимая, крикнул,
И о землю с размаха брякнул.

У силача из земли только уши торчат,
У силача из земли лишь мизинцы торчат,
А люди вокруг шумят-кричат.
— Какой молодец у нас родился,—
Говорят люди,
— Какой боец у нас появился,—
Восхищаются люди.
— Прославится он на все соседние страны,—
Люди предполагают,

— Победит он Абая Гэсэра великана,—
Малышу предрекают.
В это время,
После команды шарайдаями отданной,
Их бесчисленные подданные
Кто с острыми кольями, кто с лопатами,
Бегут силача из земли откапывать.
Копают они копают,
Ковыряют они, ковыряют,
Стоит у них гомон и гогот,
А откопать силача не могут.

На руках набили мозоли.
Зовут они Олзобоя.
Дают ему в руки веревку,
Дают ему в руки лопату,
Чтобы он со своей сноровкой
Помог силача откапывать,
Из ямы глубокой вытащить.
Олзобой отвечает: «Вот еще!
Пристало ли батору сильному, ловкому,
Путаться с лопатами да веревками».
Подошел он к закопанному силачу, поглядел,
Носком сапога его поддел,
Да и выбросил он его из земли,
Люди вокруг в удивленье пришли.

Гэсэр же,
Мыслями никому не показанными,
Словами вслух никому не сказанными,
Приказами, никем не услышанными,
Приказал своим баторам, чтобы в поход они вышли.

Тридцать три батора,
Три сотни воевод,
Три тысячи три оруженосца-гвардейца
Приготовились к дальнему походу,
Поняли, что от них требуется.

Поняли они мысли, никому не показанные,
Услышали они слова, никому не сказанные,
Исполнили они приказ, никем не услышанный,
В поход немедленно вышли.

Затуманилось небо высокое,
Закачалась земля широкая,
Красный туман в небесах расплывается,
Желтая пыль по земле расстилается,
Вселенная содрогается.
От стремян и от панцирей звоны,
Копыта гулко стучат,
Только сами баторы воины
Сурово и хмуро молчат.

Едут они к шарайдаям,
Долиной желтой владеющим,
Едут они к троеханам,
Бесчисленных подданных имеющих.
Шарайдаи о том услышали,
На дворцовую крышу вышли,
Дальнозорким волшебным глазом
Все им видно наверняка,
Отдают шарайдаи приказы,
Собирают свои войска.

Олзобоя, себя проявившего,
Олзобоя, силача победившего.
Его лук боевой сломавшего,
Из земли силача откопавшего,
Полководцем они назначают,
Боевое знамя ему вручают.
Выезжает он с ним вперед,
Все войска за собой ведет.

Передние ряды зеленую траву приминают,
Задние ряды по голой земле шагают.
По небу туман расстилается,
Над землей пыль поднимается.
Вселенная гудит и качается,
Две стороны встречаются.

Но как только
Первые стрелы полетели,
Но как только
Первые стрелы засвистели,
Принял Гэсэр свой настоящий вид,
На своем Бэлыгэне горой сидит,
На Бэлыгэне с белыми костями,
На Бэлыгэне с крепкими ногами,
На Бэлыгэне с круглыми копытами,
На Бэлыгэне гнедом, испытанном.

Сидит на Бэлыгэне Гэсэр, похожий на гору,
Шелестит, как дуб, сверкая, как солнце.
Увидали его тридцать три батора,
Три сотни военачальников,
Три тысячи оруженосцев.

Как почали они шарайдайские войска громить,
Кишащие словно муравьи в муравейнике,
Как почали они стрелять, кромсать, давить, рубить,
Кровь течет по самые наколенники.

Костей они нагромоздили горы,
От кровищи некуда деться.
Всех врагов перебили баторы,
Боеводы и оруженосцы-гвардейцы.

Тогда
Шарайдан,
Желтой долиной владеющие,
Тогда
Троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Узнав, что войска их истреблены,
Не понимают, что бы это значило.
Большим удивленьем удивлены,
Задачей большой озадачены.

Не имея других надежных средств,
На поляну, где не вытоптана трава,
Выпускают они двенадцать своих волшебств,
Выпускают они двадцать три своих волшебства.

Волшебства забегали, заплясали,
Шарайдаям точно все рассказали,
Что обманул их Абай Гэсэр удалой,
Что был это вовсе не Олзобой,
Не подкидыш это был и не мальчуган,
А могучий боец-великан.
Шарайдаи себя ругают,
Шарайдаи себя проклинают,
Называют себя простаками,
Называют себя дураками.
Ударили они в золотой бубен,
Собрали всех северных подданных,
Ударили они в серебряный бубен,
Собрали всех южных подданных.

И под водительством хана Бирууза ноёна,
Выдав ему боевые знамена,
Двинули на Гэсэра войска свои,
Кишащие, как в муравейнике муравьи.

То не лес шумит,
То идут войска.
То не камыш шуршит,
То идут войска.
То не ветер свистит,
То идут войска.
То не снег валит,
То идут войска.
То не река разлилась в наводнение,
То войска идут в наступление.
Идут они, стена стеной,
Приблизились они к луке речной.
Над этой рекой гора поднимается,
А над этой горой заря занимается.

Там не заря занимается, не солнце горит,
Там Абай Гэсэр удалой стоит,

Как дуб шелестит, сверает, как солнце.
С ним баторы его,
Воеводы его
И богатыри-оруженосцы.

Как начали они шарайдайские войска громить,
Кишащие, словно муравьи в муравейнике,
Как начали они стрелять, кромсать, давить, рубить,
Кровь течет по самые наколенники,
Костей они нагромодили — горы,
От кровищи — некуда деться,
Всех врагов перебили баторы,
Воеводы и оруженосцы-гвардейцы.
Заставили они их
Козлами кричать.
Заставили они их
Козлятами верещать.
Целые сутки они их рубили,
До единого истребили.

Абая Гэсэра батор
Буйдан Улаан,
Да шарайдайский батор
Мангилай Сагаан,
Схватились между собой,
Закипел у них жаркий бой.

Но недолго продолжалось сражение,
Потерпел Мангилай поражение,
Силы Сагаана Мангилая ослабли,
Буйдан Улаан зарубил его саблей.
Зарубил его саблей острой, булатной:
Вот тебе, изверг, за все расплата.

После этого
Повел Гэсэр свое войско,
Богатырское и геройское,
Ко дворцу шарайдаев,
Желтой долиной владеющих,
Ко дворцу троеханов,
Бесчисленных подданных имеющих.
Конь к коню и боец к бойцу.
Едут они, приближаются ко дворцу.

Когда во главе с Абаем Гэсэром,
Баторы сильные, баторы смелые,
А также воеводы и оруженосцы-богатыри
У дворца шарайдаев завершили поход,
Настала пора для решительных действий,
Абай Гэсэр выехал на Бэлыгэне вперед.

Выехав вперед, для начала
Громче громкого закричал он.

Тысячи изюбров голоса в один соединив,
Оглушительно закричал,
Десяти тысяч изюбров голоса объединив,
Сотрясающе закричал.
Вселенная начала качаться,
Земля начала содрогаться,
Сун далай-море взволновалось и задрожало,
Сумбэр уула-гора задрезжала.
Стоящие камни — вниз упали,
Лежащие камни — пылью стали.

В это самое время
Шарайдаи,
Долиной желтой владеющие,
Троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Поняли,
Что приходит для них расплата.

Поняли,
Что спастись свои шкуры надо,
Поняли,
Что Гэсэру и баторам его железным
Сопротивляться бесполезно.
Душа у них ушла в пятки,
Хоть беги без оглядки.

Но пустились они на хитрость,
Рассчитывая на доброту Гэсэра и милость.
Не стали они с ним биться,
А стали они молиться.
Лежат они и стенают,
Что дальше делать, не знают.
Каждый жить из них хочет,
А Гэсэр над ними грохочет:

— Не вы ли,
Шарайдаи,
Желтой долиной владеющие,
Не вы ли, троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Не вы ли
Коварны, разъярены,
Открыли двери войны?
Привели к нам в долину войска свои
Бесчисленные, как муравьи?
Не вы ли,
Пока я охотился на Алтае,
Разорили мою землю от края до края?
Табуны-стада мои истребили,
Моих подданных перебили?
Из костей да из мяса там холмы росли,
Ручьи от крови красны текли.

Была моя земля зеленая, золотая,
А стала земля испепеленная и пустая.
Не вы ли
Царицу мою великую,
Лунно-звездную, солнцеликую,
Совершенную
От сияющих глаз до округлых колен,
Захватили и увезли на телеге в плен?
Не вы ли,
Когда дядя мой Саргал Ноён,
Сединами мудрыми убелен,
У большого озера лежал в камышах,
Затаившись и не дыша,
Не вы ли
Выбрали рысака самого редкого,
Не вы ли
Выбрали стрелка самого меткого,
Чтобы дядю моего он стрелой погубил,
Чтобы голову и руку ему отрубил?
Не вы ли
Из головы его сделали кубок,
Вино пить сладкое,
А из правой руки обрубка
Сделали для кнута рукоятку?

Чем громче говорил Гэсэр, чем резче,
Тем шарайдаи становились меньше и меньше.
В пыли они перед Гэсэром ползают,
В грязи перед ним пресмыкаются,
Не надеясь на удачу и пользу,
Плачут они и каются.
Становятся они все ниже и ниже,
Сапоги Абаю Гэсэру лижут.
Цепляются за него руками,
Превратились они в мох на камне.
Превратились они в песок и пыль.
Так повествует об этом быль.

— Вот так-то,— говорит Гэсэр,—
Будете знать,
Как копьями да мечами махать,
Как земли цветущие разорять,
Болезни и бедствия распространять.
Это время пройдет,
И еще двойное время пройдет,
Не будете вы обижать народ.

Такое закланье на них Гэсэр наложил,
После этого меч свой в ножны вложил.

Сделав все это,
Абай Гэсэр удалой
Начал собираться домой.

Но конечно тотчас же встретился он
С солнцеликой своей Урмай Гоохон.
Обнимались они —
К голове голова,
Говорили они
Красивые, ласковые слова.

Запряг Гэсэр трех иноходцев
В телегу серебряно-зеркальную,
Посадил царицу, подобную солнцу,
Но уж радостную, а не печальную,
Посадил ее, всячески обласкал,
Домой отправил и сам домой поскакал.

Так,
Сильнейшего врага победив,
Непереваливаемые горы перевалив,
Неразвязываемое развязав,
Несказываемое сказав,
Народы от бедствий освободив,
Быстрейшего из жеребят перегнав,
Переднее назад заворотив,
Неседлаемого жеребца оседлав,
Заднее наперед загнув,
Неломаемое сломав,
Непугаемое спугнув,
Говорит Гэсэр своим баторам,
Обращается он к своим воеводам
И гвардейцам-оруженосцам:
«Нам домой собираться впору,
Готовьте коней к походу,
Выйдем с восходом солнца.

Лосиная берцовая кость в котел не вмещается,
Сердце не перестанет домой стремиться,
Эвенки к старому кочевью возвращаются,
Жеребенок тянется к матери-кобылице.
Возвращается человек к воде,
Которую в детстве пил,
Возвращается человек к земле,
На которой маленьким жил.
Собирайтесь-ка все в дорогу,
Мы поедем к родному порогу».

Едут они,
Где сыро и холодно,
Едут они,
Где сухо и жарко,
Едут они
Через землю воронов,
Едут они
Через землю жаворонков,
Хотя реки бывают длинными,

Но до моря все равно добираются.
Хотя родная земля за горами-долинами,
Но все равно приближается.

Доезжают они
До вечного моря Манзан,
Которое Абай Гэсэр водопоем сделал.
Доезжают они
До великой долины Моорэн,
Которую Абай Гэсэр пастбищем сделал,
Доезжают они до великой реки Хатан,
Доезжают они до дворца Абая Гэсэра.

Две его красавицы-жены,—
Алма Мэргэн и Тумэн Жаргалан,—
Встречать возвращающихся должны
Из дальнего похода, из чуждых стан.

В золотой они бубен бьют,
С северных склонов народ собирают,
В серебряный бубен бьют,
С южных склонов народ собирают.
На берегу великого моря Манзан,
На краю великой долины Моорэн,
У истока реки Хатан,
Где трава растет выше колен,
Всех они встречают и привечают.
Золотые столы накрыли,
Редкие яства на них поставили,
Серебряные столы расстелили,
Крепкие напитки на них расставили.
Мяса-масла поставили — горы,
Архи-арзу поднесли — озера.
Угощаясь яствами разными,
Друг друга люди целуют,
Восемь дней они празднуют,
Девять дней они пируют.

Возвращается прекрасное время,
Да забудет нога про стремя,
Да забудут глаза и руки
Про каленые стрелы и луки.

На просторы алтайских пастбищ
Коней пастись отпустили,
На раздолье таежных пастбищ
Коней гулять отпустили.

Под защитой дворцовых стен
Все оружие спрятали в сундуки,
Посреди великой долины Моорэн,
На берегу Хатан — великой реки,

Там, коней своих в детстве пасший,
Там народ свой от бедствий спасший,
От всех несчастий его защитивший,
Мир и покой земле возвративший,

У реки,
Из которой он в детстве пил,
На земле,
На которой он в детстве жил,
С тремя золотыми солнцеликими женами,
С тридцатью тремя верными баторами,
С тремястами воевод,
С тремя тысячами богатырями
Под родным отеческим солнцем,
Три раза на дню питаясь,
Три раза в году наслаждаясь,
Продолжает жить наш великий герой
Абай Гэсэр удалой.

Быстрых, быстрых лисиц
Мы, погнавшись, поймали,
Черных, черных выдр-соболей
Мы, стрельнув, поразили,
Много славных страниц
Мы перелистали,
Наслаждаясь старинной и красочной былью.

Все туго завязанное
Мы развязали,
Все нерассказанное
Мы рассказали.
Одобренья и отдыха мы теперь заслужили.

ЭПИЛОГ

После всех своих подвигов и деяний,
Породивших девять этих сказаний,
Избавивши народ от несчастий и бедствий
Путем великих и решительных действий.
Очистивши свое дорогое царство
От всякой нечисти, злого коварства,

Со своими золотыми, солнцеликими женами,
Со своими верными, несокрушимыми баторами,
Со своими воеводами и оруженосцами,
Под родным отеческим солнцем,
Три раза на дню питающийся,
Три раза в году наслаждающийся,
Жил наш герой Абай Гэсэр...
Однажды сидел он и песню пел.

«Высокое небо, скажите, красиво ли?
Но родная земля — намного красивее!
Заря на рассвете, скажите, красива ли?
Но улыбка ребенка — намного красивее!
Закатное солнце, скажите, красиво ли?
Но людская молва — намного нужнее».

Так Абай Гэсэр, наш герой, сидел,
Так о жизни своей он пел.
Вдруг раздался небесный гром,
Вдруг увиделся молнии блеск,
Задрожала земля кругом,
Закачались горы окрест.
Зашумел многоглавый лес,
И при молнии, в тот же миг
Эрлиг хан, посланец небес,
Перед входом в дворец возник.
Удивился хозяин дворца,
Увидав такого гонца.
Гость небесный, но гость непрощенный,
Он встречает его вопросами.
— Для тебя все открыты двери,
Но зачем ты на землю спустился?
Ты случайно или с намереньем
У моих дверей очутился?

Мы приветим тебя заслуженно,
Угостим тебя со старанием,
Но, если в гости, то почему же
Не сказать об этом заранее?

Эрлиг хан торжественно начал,
Хлебосольства дары приемля:
— Ты исполнил свою задачу,
Для которой послан на землю,
А послан ты, чтобы решительно действуя,
Избавить народы от несчастий и бедствий.

Когда
внезапно травы начали сохнуть,
А быки и лошади стали дохнуть,
Когда
Реки начали от истоков мелеть,
Солнце начало от восхода тускнеть,
С неба ни дождинки не капало,
Все живое захирело, ослабло,
Когда
Распространились холод, голод и тьма,
Когда
Распространились язва, оспа, чума,
Когда
Распространились распри, слезы и кровь,
Когда
Забыли люди жалость, любовь,—
Спустили тебя на землю
Для решительных действий,
Чтобы избавить народ от бедствий.

С указанием из пяти священнейших книг
Тебя спустили,
Превратить вечность в единый миг
Тебя спустили,
С заданьем благополучие возвратить
Тебя спустили,
С заданием порядок восстановить
Тебя спустили,
С желанием веселие возродить
Тебя спустили,
С мечтаньем всю нечисть истребить
Тебя спустили,
С надеждой успокоить людей своих
Тебя спустили,
С решеньем счастливыми сделать их
Тебя спустили,
С мудростью для семидесяти мудрецов
Тебя спустили,
С основой для семидесяти языков
Тебя спустили,
Должен был ты людей защитить-спасти,

Чтоб могли они мирно свой скот пасти,
Чтоб могли они опять веселиться,
Чтоб могли они опять расплодиться,
Козней дьявольских не бояться,
Красотой земли наслаждаться.

А теперь,
Когда на земле порядок и мир царят,
Пора тебе возвращаться назад.

Достиг ты меры своих годов,
Землю ты покинуть готов.

На рассвете,
Пока не взойдет еще солнце,
Мы с тобой с земли навсегда унесемся.

Без тебя
Они будут рассвет встречать,
Без тебя
Они будут детей качать,
Без тебя
Они будут есть и пить,
Без тебя
Они будут жен любить,
Без тебя
Они будут скот пасти,
Без тебя
Они будут жизнь вести.

У Абая Гэсэра сердце забилося,
У Абая Гэсэра в глазах помутилось.
Дрожью он начал дрожать,
Посыльному внемя,
Не хочет он покидать
Прекрасную землю.
Но виду не подает,
А спокойную речь ведет.

— Гость дорогой,
Зачем же стоять на пороге?
Заходите в дом,
Промочите горло с дороги.
За руку он Эрлиг хана берет
И во дворец ведет.

А там,
Золотой стол накрывают,
Редкие кушанья ставят.
Серебряный стол накрывают,
Крепкие напитки ставят.
Мясо-масло подали бугорком,
Арзу-хорзу подали озерком.

К вечеру небесный гонец
Объелся и упился вконец.
Напился гонец тот в стельку,
Уложили его на постельку.
Не проснулся он на рассвете,
Не проснулся он к нужному сроку.
Он проснулся, а день уж светел,
Он проснулся, а солнце уже высоко.
Куда уж тут на небо возноситься,
Не лучше ли — опохмелиться...
— Ладно, — сказал он Гэсэру,
Для меня невозможного нет.
Опять молодым тебя сделаю,
Живи ты еще сто лет.
Арзой-хорзой он опохмелился,
И на небо один возвратился.
А Гэсэр,
Возвратившись к молодости,
Возвратившись к силе и бодрости,
На любимой земле цветущей,
И людей и зверей кормящей,
Табуны и стада пасущей,
Родниковой водой поящей,
Стал по-прежнему мирно жить,
Для народа защитой быть.

Восходит ясное солнце,
Земля им обогревается.
Вверх посмотрит Гэсэр — смеется,
Вниз посмотрит Гэсэр — улыбается.
И он и народ тому рады,
Что на небо ему — не надо.

Своим женам милым, прекрасным
Говорит он твердо и ясно:
— В золотой бубен стучите,
Северных людей собирайте,
В серебряный бубен стучите,
Южных людей собирайте.
Мясо-масло на стол несите,
Вина крепкие наливайте!
Веселиться и пить мы будем крепко,
И жить мы будем до скончания века!

СОДЕРЖАНИЕ

Запев

5

Ветвь шестая.

О том, как Гэсэр одолел Шэрэм Минаата хана

7

Ветвь седьмая.

Как Гэсэр победил дьявола Абарга Сэсэна

43

Ветвь восьмая

О победе Гэсэра над коварным Лойр-Лобсоголдоем

113

Ветвь девятая.

Победа Гэсэра над шарайдайскими ханами

197

Эпилог

282

Г988   **Гэсэр.** Бурятский народный героический эпос. Т. II. Улан-Удэ:
Бурят. кн. изд-во, 1986.—288 с., илл.

Улигер «Гэсэр» является венцом поэтического и эпического творчества бурят, впечатляющий не только грандиозностью объема эпоса, огромным количеством стихотворных строк. Богатырь Гэсэр — самый почитаемый бурятским народом сказочный богатырь. Он благородный защитник угнетенных, бедных людей, избавляя их от несчастий, добивается мира и благополучия жизни. Такова гуманная миссия народного батора на нашей земле.

Разные варианты эпоса о Гэсэре записаны в Приангарье, у берегов Байкала от общепризнанных мастеров-улигершинов. Затем они сведены были в сводный том. Девять ветвей (глав) опубликованы на бурятском языке в 1959 году.

Бурятский народный эпос полностью переведен на русский язык известным мастером слова, поэтом В. А. Солоухиным.

Г 4702130000—163 064—86
М122(03)—86